



ЭПОХА МЕРТВЫХ

АНДРЕЯ КРУЗА

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

ЭКСПЕДИТОР

Annotation

Страшно потерять близких, но еще страшнее, когда они... возвращаются!

Привычный мир рухнул в один миг. Человечество поразила неведомая эпидемия. Последствия ее оказались ужасны. Полчища кровожадных тварей, которые еще вчера были твоими коллегами, друзьями, возлюбленными, соседями и родственниками, заполнили российские города. Москва пала одной из первых. Настал черед провинциальных городов. Жителям Ижевска повезло. Они узнали об эпидемии за несколько дней до того, как она началась в их городе. И успели подготовиться. Благо, уж чего-чего, а оружия в Ижевске всегда хватало...

- [Содержание](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

Александр Афанасьев

Экспедитор

*Мы не чувствуем боль,
Почему, расскажи, сестра,
Так стало.
И по трубочкам в нас
Вливается кто-то чужой,
Так стало.*

*Уходим на закат, уходим на восход,
Не бойся больше ничего,
Не будет больше ничего.
Уходим на закат, уходим на восход,
Не бойся больше ничего,
Не будет больше ничего.*

Тотал

*Самый героический поступок человечества – это
то, что оно выжило и намерено выжить дальше...*

А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине

Перед тем как вы начнете читать эту книгу, автор хотел бы кое о чем вас предупредить.

Эта книга является чистой фантастикой, и не более того, описанием мира, прошедшего через жуткую эпидемию и теперь пытающегося хоть как-то выжить. Именно как фантастику его и нужно воспринимать. Автор не призывает к отделению каких-либо территорий от РФ, к созданию незаконных вооруженных формирований и тому подобных вещей – хотя иметь оружие в личном владении считает нужным и сам его имеет. И второе – все события, персонажи, должностные и юридические лица в этом повествовании являются вымышленными. Автор не имеет информации о каких-либо незаконных действиях организаций и должностных лиц в Удмуртии или где бы то ни было еще.

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

– Сань...

Б...

Я открыл глаза.

– Что за... мне что, задряхнуть как человеку нельзя? В пять приехали...

Мешок зашел в кабинет. Кивнул на две чашки, которые держал в руках – это типа извинение. Кофе.

– Кофе будешь?

Я вздохнул.

– Ладно, давай...

Мешок, или Мишка, – один из немногих людей в этом мире, которым я доверяю. Потому что знаю его с семнадцати лет. Он бывший мент, точнее, гаишник. Я пробил ему новую работу – теперь он на заводе работает в первом отделе, водит конвои, отвечает за транспортную безопасность. Он мне за это благодарен...

Дело происходило на четвертом этаже здания заводоуправления «Ижмаша», здания на Дерябина, 2, в угловом кабинете. Который я использовал как офис и приемную – так как являлся депутатом Горсовета от трудового коллектива завода. У нас сейчас выборы не от населения города, а от трудовых коллективов заводов, а кто не работает, тот и права голоса не имеет. Это правильно. И очень по-ижевски. Ижевск – это город-завод, здесь людей знают не по национальностям, а по профессиям. Настоящий Урал, хотя и на Волге, город, который вот уже более двухсот лет имеет только одну специализацию – производство оружия. Ижевский оружейный завод производил оружие, которым били Наполеона, били Гитлера. И сейчас он тоже производит оружие...

Я отхлебнул кофе, скривился.

– Молока бы налил, изверг.

– Молоко лить – только продукт переводить... – авторитетно заявил Мешок, усаживаясь напротив.

Да. Может, он и прав. Кофе заканчивается, у меня уже не было. Скоро без кофе жить будем. И это плохо.

Я спал, как и приехал, – в горке. Рюкзак с автоматом у стола. Приехали

с Куеды. Это не матерное выражение, это название поселка городского типа на стыке Свердловской и Пермской областей и недалеко от Удмуртии. Там было что-то вроде толковища, решали, как дальше жить. Приехали не все, поговорили ни о чем. Особенно удивили свердловчане – так и гнут под себя. Нормально, без бычки разговаривать вообще не могут. Что за люди.

Правильно раньше писали – меня исправит расстрел.

Разговор шел конкретный – за будущее, за эквивалент обмена, за распределение благ в этом в одночасье рухнувшем мире. Мира, который погубила болезнь, неведомая и страшная, заставляющая мертвых подниматься и убивать живых – как в кошмарном фильме. Только теперь это был не фильм, а жизнь.

Все происходившее получило название Катастрофа.

Так получилось, что Катастрофа миновала нас – почти. Рецепт успеха был прост – относительная транспортная недоступность, несколько решительных людей в самом начале и очень, очень много оружия. Ижевск, несмотря на то, что это двадцатый по населению город России, стоит вдали от всех основных транспортных потоков. Через него не идет судоходная река, мимо нас прошли обе ветки Транссиба, и северная, и южная, через нас не идут федеральные трассы, и у нас практически нет авиационного сообщения. То, из-за чего все ругались матом, а кто-то и уезжал, во время Катастрофы обернулось спасением. Например, аэропорт: мало того, что его приватизировало «Ижавиа» и не пускало туда другие авиакомпании, так еще он и на капитальном ремонте был. Первые бешеные – как их какое-то время называли – появились в городе, видимо, с крайним поездом Москва – Ижевск. Но их было немного, и большого вреда они причинить просто не успели. Нам надо было всего два-три дня, и эти два-три дня у нас были. Когда эпидемия все же начала развиваться, мы все знали, по сообщениям из Москвы – и про обратившихся, и про то, что стрелять надо только в голову. А стрелять у нас всегда было чем.

В городе два крупнейших оружейных завода страны – «Ижмаш» и «Ижмех». Единственное в стране крупное производство пистолетов. Плюс – у нас город оружейников, так что полиции *volens nolens* приходилось лояльно относиться к желанию простого гражданина купить себе оружие. И купить проблем не было – в городе сразу несколько крупных оружейных магазинов, в том числе на Ленина. Так и отбились – за все время Катастрофы потеряли чуть больше тысячи человек, считая бандитню и мародеров. Из шестиста с лишним тысяч.

Потом собрались, начали судить-рядить, что делать. Новости не радовали – заражен был весь мир, Москвы как столицы просто не было.

Жизнь следовало налаживать самим – как получится, так и налаживать.

Решили выделяться – пока в пределах своей республики, чтобы хоть какая-то видимость законности была. Переизбрали Госсовет и Горсовет. Назначили временные администрации на госпредприятиях и тех, где хозяев не было или до них не было доступа. Где хозяева были – оставили за ними, только определенные правила игры установили: работай нормально, плати налоги и зарплату людям – и все у тебя будет пучком. Нет – извини, военное время. После чего начали как-то выживать.

Первое же лето показало, как мы были правы.

Мертвечины много не было – но она была. Вообще, как я понял, мертвяки далеко от того места, где обратились, не уходят, оседлые они – но смертельно опасны. Массово с мертвечиной мы столкнулись, когда защищали Агрыз и Сарапул – важные транспортные узлы, а Сарапул – так и вовсе наш город, негоже его оставлять. Агрыз татарский – но его взяли под контроль, тупо потому, что это стратегический транспортный узел, мы могли его контролировать, и оставлять его кому-то было негоже. Да и кому – мертвякам? По той же самой причине взяли под контроль Чайковский, относящийся к Пермскому краю, – там ГЭС, от которой еще какое-то время можно электричеством питаться, и порт. Речной – но порт. Портов у нас теперь было два – Чайковский и Камбарка...

Затем пошли дальше.

На второй год – зиму перезимовали, заодно окончательно истребили мертвечину, которая уральских морозов не выдерживает – начали уже не выживать, а жить, разворачивая торговлю и прибирая под себя ресурсы, какие получалось прибрать.

Дело в том, что Удмуртия – республика хоть и маленькая, но к выживанию приспособлена как нельзя лучше. Сельское хозяйство мы не угробили, сами себя обеспечиваем всем, кроме зерна, – зато тем же яйцом у нас обеспеченность двести процентов, а если картоху посадить, которая к нашей земле лучше приспособлена, – зиму перезимуешь с гарантией. Собственная нефть – хоть и немного, но есть. Стоят качалки. Значит, есть и бензин. Под рукой ГЭС – есть электричество. Каменного угля нет – вообще-то он есть, двадцать миллиардов тонн, второй Донбасс – но там горизонт тысяча метров, не докопаешься. Да и зачем, если есть торф, а по торфу мы то ли первые, то ли вторые в России. А торф – это и удобрение, и топливо.

Из производств – загибайте пальцы – боевое и гражданское стрелковое оружие, автозавод, завод пластмасс, нефтянка, бытовые товары, электроника, беспилотники, включая как производство, так и разработку. В

Сарапуле – вся радиоэлектроника, включая армейские средства связи, в Камбарке – железнодорожный транспорт, дико востребованные сейчас рельсовые автобусы, легкие локомотивы, Воткинск – ракеты «Тополь», Глазов – спецстали и ядерное топливо. Собственная металлургия, причем работающая в основном на металлоломе и заточенная на спецстали. Это только крупное, по мелочи – две швейки, в том числе одна способная отшивать армейскую снарягу, два крупных водочных завода, пиво – ну и по мелочи, молоко, хлеб там.

То, что разграбили склады РАВ и теперь стволов хватит на сто лет вперед – это ерунда полная, если не сказать круче. Ну, допустим, дернул ты АКМ или СКС – и дальше что? Пистоль тебе нужен? А это более востребованная позиция, и их-то намного меньше по рукам пошло. Допустим, нужен. А если к нему еще и ствол запасной с нарезкой под глушитель, причем заводское все? А на автомат – глушак, сошки, крон? Хорошо, допустим у тебя автомат есть. И все, достаточно? А как насчет болтовой винтовки, да под тот же патрон, что и автомат, да с заводским же глушителем? Их у нас есть – «Барсы» и «Лоси» новые. Благо огнестрельное оружие – один из самых простых в производстве потребительских товаров, там никакая кооперация не нужна, все на месте делаем, разве что прицелы покупаем.

Ну а некоторым уже мало АКМ и СКС: кто выжил, те готовы тратить, и оружие нынче – предмет первой необходимости. И опять мимо нас ты не пройдешь, мимо нашего стола. Подходи, покупай. Чем платить – договоримся, мы все возьмем.

Так мы и прожили второй год, и даже как-то поднялись, насколько это возможно – подняться в нашем невеселом мире. А вот дальше начались нехорошие такие движения, и зуб даю – не случайные.

Первый раз я понял, что неладно дело, зимой. Погрузились, караваном пошли на торг, в Новгород. Я в караване был, так как от Горсовета по части торговли и установления деловых контактов уполномоченный. Барыга, короче. Пришли. Вроде нас всегда рады были видеть, да и вообще – Новгород богател торгом, там люди разумные попались, хотя долбануло город – не в пример нам. Но в этот раз – кто как, а я сразу понял – неладное дело. Начались какие-то предъявы, место нам выделили хреновое, а потом один бухарик приперся и выдал: мол, вы, куркули удмуртские, ох...и, цены ломите, на людском горе наживаетесь. Там охрана рынка этого деятеля утихомирила да пинком под зад проводила, перед нами извинились – типа инцидент исчерпан, пацаны, торгуйте как торговали. Только я прикинул муде к борode и понял, что неспроста вся эта тема. Этот алкаш – его охрана

рынка и подослала. Сказать то, что не скажут в лицо. Сказать – зажрались вы, ребята. Пора и честь знать.

Тема эта банальна и стара как мир – обычная зависть. Говорят, что в блокадном Ленинграде в бане избивали всех, у кого не одна кожа да кости. Моральный посыл прост – почему ты не страдаешь вместе с нами, чем ты лучше нас. И под этим моральным посылом готовы будут подписаться многие.

Если бы вопрос был только в бандитах, я бы не колотился – как-никак, населения у нас, по нынешним раскладам, много, даже очень много, оружия на руках еще больше – отобьемся, от мордовских и вятских зон отбиваемся же. Проблема будет, если на нас поперет армия. Да, да, та самая непобедимая и легендарная. Которая сейчас – точнее, то, что от нее осталось – вынуждена выживать так же, как выживают все. А люди в армии есть самые разные, сакрализировать тут не надо никого, и мысли у них в отношении нас могут быть так же самые разные. Мы плохого людям не делали – но кусок жирный. Допустим, подпишутся не все. Но всех и не надо. Достаточно одного-двух полков с танками и «Градами» – и нам хана. Снайпер танк не остановит.

А армии своей у нас нет.

В Удмуртии на начало катастрофы не было ни одной воинской части. Еще раз – ни одной. Ни армии, ни ВВ. Вообще ничего. Все, что у нас было на начало из брони – пара БТР и БРДМ. Все.

Шакалили где могли. Кто-то вернулся из служивых, на своей технике. Кто уходил на своей же технике из Центральной России – без вопросов принимали, размещали: служи. Скатались в Пермь, кое-что вывезли с Мотовилихи. К нам перешла часть пацанов с бригады Внутренних войск (называю по старой памяти так) с Белебея – с техникой. Кое-что сумели выменять-выторговать. Но этого всего все равно мало. Мало, если за нас примутся всерьез.

Мало.

Проблема в том, что все – с бору по сосенке, слаженности нет. Нет нормального штаба, где все были бы сыграны и с военным опытом. Нет ни одной целой воинской части, пусть кадрированной. По сути, мы ополчение – партизаны. Один-два более-менее сохранившихся мотострелковых полка нас расхреначат.

Я думал. Долго. Не знаю, как другие, мне пофиг до других, если кто одним днем живет – его проблема. Прикидывал и так и этак. И вдруг – осенило. Конкретно – и как закрыть наши самые болевые точки, и приобрести армию. Настоящую. Перестать быть тупо купеческой

республикой, а стать государством.

Написал служебку – на Синцова, председателя президиума Госсовета. Прекрасно понимал при этом, что проблем себе наживу – выше крыши. Но и ждать, пока накроют «Градами» – тупо не хотелось...

Вот, начали потихоньку искать взаимопонимание... раньше была ассоциация такая – Большой Урал. Вроде как уральские все – договориться проще. Ан нет – не учли одного. От себя гребут только курица и бульдозер. Власть – что на Урале, что в Поволжье – взяли почти везде бандиты. Бывшие и действующие. А с бандитами, особенно теми, кто не чувствует висящего над ними меча закона, договариваться сложно.

Очень.

Я потому и ездил сам, что я на руководство республики никак не тяну. От моих слов можно и отказаться. А договариваться я умею.

Но не договорился.

Допил кофе.

– Надо-то чего?

– Новосельцев хотел бы переговорить перед Госсоветом.

Новосельцев. Илья Игоревич. Зам министра внутренних дел, из местных, человек довольно статусный. Депутат Госсовета. И человек, смыслящий в политике.

– Ему-то что?

Мешок пожал плечами – мол, мне-то что. Начальство. Нас е...т, а мы крепчаем.

Я посмотрел на часы. Где твои семнадцать лет, Мишка, и где мои...

– Ладно, двинули. По-бырому только.

– Ага.

Вот чем хорош угловой кабинет – он с одной стороны на боковом входе, там, где отдел кадров и можно прийти-уйти не через проходную. Но там еще есть дверка, которая ведет на четвертый этаж основного здания. В охраняемую зону. И ключик у меня есть.

Спустились вниз. У тротуара стоит... «Порш Макан»! Новенький, да еще и красный. Цвет «Феррари». Мишка горделиво открыл передо мной дверь... знаете, как называется деревня, из которой он родом? Тыловой-Пельга. Даже не знаю, что это значит на удмуртском. Как-то у меня никогда не приходила в голову «Порш Макан» купить.

Мигалку на крышу – рванули!

– Дорого дал?

– За что?

– Машина.

– А... на дороге нашел.

Врет, наверное. Но это его дело. Сейчас такую машину и впрямь могут бросить. Спрос сейчас – на дешевые, ремонтпригодные машины. Лично у меня их сразу две – «Ода» у Элины и «Комби». Первая – похожа внешне на девятку, но движок от шестерки и непробиваемая подвеска. И просторная – впереди почти как у «Волги» места, а для меня это важно. Вторая – это привет из старых добрых семидесятых, она у меня стояла без дела, выбрасывать жалко, продавать – кому она нужна? А так – дефорсированный движок 1,7, который и прямогонный бензин из самовара переварит, рессоры на подвеске и сзади пятая дверь – можно много чего перевезти. Этаким гибрид «Москвича» и «Нивы», у нас тут ее звали «БМВ» – боевая машина вояка. Сейчас такие в самый раз – вот этот «Порше» как отремонтировать? А «Комби» – в любом сарае.

На заднем сиденье – «Вепрь-12» с коротким стволом, лежит открыто, магазины снаряжены, тут же – разгруз. Сейчас все так делают, сейчас это обычное дело. Если хочешь выжить – не долби мозги, а тупо следуй.

Прошли плотину, резко ушли влево – значит, не к зданию МВД. Хотя... я забыл, они же в здание ГАИ на Воткинском шоссе переехали, точно.

– А отремонтировать?

– Сломается – новую найду.

В этом весь Мешок.

Выскочили на Горького. Прошли чуть вниз и свернули – переулок Широкий, Мишка ездил так по старой памяти, когда на улицах было не протолкнуться. Чуть выше – раньше жил Евгений Федорович Драгунов. Сейчас этого дома нет.

А наследие его осталось.

Я закрыл глаза, вспоминая...

Прошлое.

Набережные Челны, бывшая Россия

Пятьдесят первый день Катастрофы

– На плотине движение. Мертвяки... – доложил снайпер.

– Давай я. Пристреляюсь заодно...

Снайпер молча уступил мне место...

Тратить дефицитный пятьдесят четвертый боеприпас на такую цель, как зомби, – смысла нет никакого. Тем более взвешенный и промеренный снайперский боеприпас. Куда лучше для такого случая пойдет АКМ. Простейшая, но безотказная и знакомая каждому машинка, на нее я поставил прицел Bushnell 1–4 с сеткой под 7,62*39, глушитель и калошу. Калоша, или резиновый амортизатор на приклад, изначально для подствольного гранатомета, несколько снижает точность, но посмотрел бы я на вас, доведись вам столько стрелять. Цель – головная мишень, дистанция – где-то двести пятьдесят, двести семьдесят, самое то и для оружия, и для прицела.

Подвинул к себе мешок, пристегнул первый магазин из мешка – от РПК, а боепитание на машине у меня из мешка, то, что в разгрузе, это НЗ. Лязгнул затвором. Остальные, как и положено, вели наблюдение – в головной двое омоновцев, в том числе и снайпер. Не пропадем.

– Работаю!

Первые зомби – поднялись, слышали. Заковыляли к нам. В общем-то, ловить им нечего – стальной борт наращенный, пять автоматов в кузове. Но они это не понимают.

Мелькнул плакат – «Брежнев-ФМ». Радио. Ну да, правильно, раньше город так и назывался. Нас вот тоже пытались назвать Устиновом. Да времена уже не те были – и пяти лет не продержалось название...

В прицел попал какой-то дорожный рабочий... страшный, черный, в обрывках робы. Вот с него и начнем...

Автомат дернулся, изображение на мгновение смазлось. Я уже целился в другого.

Интересно, что же все-таки произошло?

Просто так такого быть не могло – это дело рук человеческих. Или не человеческих – как считать. Скорее всего, что-то где-то пошло не так. А может, и так, как раз так – да не справились с ситуацией. Какая теперь разница. Главное – не думать. Не думать о том, кем были эта женщина, этот мужчина, этот ребенок.

Просто стрелять.

У нас есть священник, отец Александр, он в Завьялово служит. Его отлучили от служения после того, как он и еще двое священников выступили с открытым письмом на имя первоиерарха, призвав церковь покаяться перед паствой в распространенных сейчас в клире грехах, в том числе в сребролюбии и в гомосексуализме. Его запретили к служению, в Завьялово приехал новый священник – но церковь осталась пустой, народ в

храм не пошел. Отцу Александру администрация выделила помещение, там он и служил. Туда люди шли.

Перед выходом мы к нему ездили... многие ездят. В наши времена это нужно, и ничего смешного тут нет – когда видишь идущий на тебя гнилой, наполовину съеденный, но каким-то образом все еще живой труп, надо иметь что-то внутри... что-то, что позволяло бы тебе мириться с этим новым миром и как-то жить в нем. Иначе или застрелишься, или крыша поедет.

Мы все причастились, исповедовались перед поездкой. Потом отец Александр сказал, что чаша гнева Господнего переполнилась нашими злодеяниями, и мертвые пошли по Земле – но это не Страшный суд. Это происки дьявола. А те, кто встал и пошел мертвыми – суть тело без души, а такого быть не может. Человек – сотворен по образу и подобию Господа нашего и наделен душой, а все это – не от Господа. И каждый, кто поможет таким несчастным упокоиться в мире, кто защитит чад Божьих от порождений нечистого, совершит благое дело, и в глазах Господа, и в глазах Церкви...

Вот как-то так...

Глаза страшатся (в наши дни это выражение приобрело вполне конкретное значение), а руки – делают. У каждого приемы свои, я бью обычно двумя быстрыми и тут же переносу огонь, не проверяя, упал – не упал. Если не упал – доработает контролер, мы приспособились парами работать. Стрелок работает, контролер наблюдает, у него прибор наблюдения с углом намного шире, чем прицел, при необходимости добивает. У меня в паре Миша – Мешок, пары подбираются по дружбе, по давнему знакомству – надо, чтобы люди друг другу доверяли. У него два «Вепря» – «Сто двадцать пятый» и «Сто двадцать третий», переделанный под снайперку. Все из магазина. Сто двадцать пятый – надо ресурс сейчас вырабатывать, а потом на перествол, потому что патроны 5,56 НАТО еще неизвестно, будут или нет.

– Этот живой...

Я, не обращая внимания, ловлю в прицел следующего – похоже, работник станции. Когда-то был, судя по робе.

Рядом хлестко бухает «Вепрь».

– От гад!

– Беглым по нему!

Тут я понимаю, что дело не совсем ладно. Какая-то тварь... зомби, они же медленные, их стрелять, как мишени в тире валить – почти. Но некоторые вдруг становятся быстрыми... почему – непонятно. Но они

намного опаснее простых зомби.

Ударили уже из трех автоматов по стелющейся у самой земли твари. Но она все же добежала – ударилась о борт, но подскочить, чтобы расправиться с нами в кузове, уже не смогла. Шквал свинца сбросил ее вниз, под колеса. Да и борта гладкие, усиленные, зацепиться не за что.

ОМОН оценил наши усилия.

– Покурите, мужики. Мы доберем.

Так дак так. Сбрасываю в мешок почти пустой магазин, пристегиваю новый. Мешок, смотря на меня, делает то же самое – он хоть и в ГАИ стрельбы проходил, да какие там стрельбы. Он вообще по натуре человек мирный, это дело не любит.

– Сейчас, – Мешок достает сигарету, прикуривает. Замечаю, что руки у него подрагивают.

– Страшно?

– Ага.

Хорошо хоть, без понтов он. Понимает, что надо учиться по-новому жить, – вот и учится.

– Я ж ее в голову. Винтовочным.

– Дай-ка.

Я беру винтовку. Осматриваю ее.

– За прицел дорого дал?

– Не, а чо.

– А чо. Через плечо! Этот прицел отдачу не держит. Тем более отдачу на пятьдесят четвертом. Кинули тебя.

– Вот гады!

– Ты ПСО куда дел?

– Да вон, в рюкзаке.

– Доставай, воен...

Ума – палаты. Ему, видимо, сказали – на фига тебе парень, четырехкратник, когда вот – с четырех до двенадцати, и недорого совсем. Он и повелся. Хорошо хоть, свой не отдал, хотя пристреливать опять придется.

Снимаю этот... обратно ставлю ПСО. Заодно добрым словом поминаю конструкторов – с боковой планкой это делается быстро и без инструмента. Если бы на «Пикаттини» пришлось ставить – сейчас бы с инструментом ипстись.

– Не делай больше ничего с винтовкой, не спросив. И не покупай ничего. Кинут.

Этот сто двадцать третий ему отбирал я как депутат Горсовета, после

того как было принято решение национализировать запасы оружия в городе. Лучшее из худшего, скажем так. Ствол с шагом нарезов двести сорок, длина – аж семьсот, это больше, чем у СВД. Схема «калаша», она точности не способствует, но есть нюансы. Например, магазин однорядный – однорядная подача способствует точности. В итоге он в полторы минуты способен уложиться, а больше и не надо. Большой минус этого полуавтомата – магазин на пять патронов, типично охотничий. Надо бы как минимум на десять сделать, а еще лучше на пятнадцать – но когда? Сейчас бы отбиться, выжить.

– Движения нет! – докладывает снайпер ОМОН, завершая работу.

– Плюс, – подтверждает контролер.

Я забираюсь на мостки – у бортов мостки, чтобы через борт стрелять, чтобы осмотреться.

– Мужики, мне винтовку пристрелять, – предупреждаю.

Зачем мне, с корочками депутата, ходить с конвоями в головной машине и заниматься смертоубийствами? А потому, дорогие мои, чтобы смертоубийство не совершили в отношении меня. Как выразился один чел с завода – причем не работяга, начальник цеха, – ты-то, Саш, нормальный, на свой счет не бери, но как слышу слово «депутат», так в глазах темнеет и рука сама к автомату тянется. Сильно власть народ обозлила... даже не власть, а некое неформальное, но устойчивое сообщество, сохранившееся еще с советских времен, и обнаглелое настолько, что не видело никаких краев ни в накоплении, ни в чем. У нас человек был, с Москвы, рассказывал, там перед Шереметьево и перед Домодедово целые завалы из депутатских машин. Внутренние войска и десантура встречали стремящихся оказаться как можно дальше от немытой России народных избранников и спрашивали с них за все хорошее.

И долго придется власти восстанавливать доверие народа, ой долго. А чтобы этот процесс шел быстрее – надо показать, что ты – такой же, как и все, и проблемы у тебя – такие же, как и у всех, и живешь ты одной с народом жизнью. Тогда начнут доверять. А если выяснится, что ты и в бою на что-то годен – тогда будут уже уважать.

Ну и вторая причина, почему я здесь – у меня тут знакомые есть, в Челнах. Надо бы поведать, поговорить, если живы.

Девяносто точка девять. «Брежнев-ФМ».

По точке на плакате я пристрелял винтовку заново, тремя выстрелами. Через трубу полюбовался, как легло, передал винтовку назад.

– Видите что-то? – поинтересовался ОМОН.

– Нет, минус. Думаю, можно.

Омоновец взялся за рацию.

– Ослу – Птаха, Ослу – Птаха. Нитка свободна, выдвигайтесь...

Нам же надо пройти плотину и занять позицию на прикрытие, чтобы караван не обстреляли со стороны города.

Челны Набережные – город необычный. Я как попал сюда в свое время – натуральным образом обалдел.

От дома до дома – целые поля, можно не один, а два дома еще воткнуть. Улицы – каждая с хороший проспект, плюс газон, плюс тротуар с обеих сторон, плюс еще газон и только потом – дом. Поговаривали, что такие широкие улицы в войну планировалось использовать как аэродромы для рассредоточения боевой авиации. Не знаю, так это или нет, но город реально очень просторный.

И мертвый.

Я это понял сразу, как прошли плотину и встали на другой ее стороне, чтобы обеспечить выдвижение конвоя. С города в нашу сторону шли мертвяки. Зомби. Они хорошо были видны на ухоженной, как и подобает Татарстану, трассе. Они шли на поживу, мы привлекали их, как акулу привлекает кровь.

Похоже, что с этим городом кончено, анклавы если и уцелели, то небольшие. Причина? Скорее всего, аэропорт. Это не Ижевск – медвежий угол, сюда лоукостеры летали, «Победа», кажется. Вот с ними, видимо, и пришла в город беда. Добавьте ко всему хоплофобскую позицию местной полиции, отсутствие воинских частей – и дело сделано.

Оставшиеся без оружия и без помощи люди просто погибли, будучи не в состоянии себя защитить.

Зачем мы сюда? Причина одна – «КамАЗ». Там столько техники бесхозной должно остаться, что бросать ее – просто грех. Плюс – последние несколько лет в Челнах работал завод спецтехники. Там собирали такие интересные вещи, как «Тайфун» – бронемашина, которая по кругу держит 14,5. И еще много чего. Вот это если угоним – двойной плюс. А потом надо будет думать. Если даже город погиб весь, в деревнях наверняка остались анклавы. Как они собираются жить? Смогут ли они взять оружие и держать хотя бы ключевые точки? Если удастся освоить ремонт грузовиков – большое дело будет.

И дело не только в самих Челнах, рядом, на том берегу реки – Елабуга. Если бы не пятнистый генсек, с...а – там бы сейчас работал второй «АвтоВАЗ», корпуса были во многом уже готовы. Но и сейчас там немало всего – нефтяное оборудование, сборка «Фордов» (она, кстати, и в Челнах

есть), завод спецавтомобилей, сборка тракторов «Беларусь». Землю-то на чем пахать будем, а? Скоро вся загрантехника из строя выйдет, да и не нужна такая мощная. А простенький «Беларусь» – в любом колхозе сгодится.

Снова поработали омоновцы, потом и я подключился. Отстрелял еще магазин. На плотине появился конвой. Два десятка машин. По-хорошему надо было бы проверить, не заминировано ли там все, а то сейчас как рванет. Но чистить плотину нет пока ни сил, ни желания.

Потом, если что.

От колонны ускорился, выдвигаясь, бронированный инкассаторский «УАЗ» – и мы пошли дальше, давя колесами то, что когда-то было людьми.

Поделюсь опытом: если вам надо остановиться в замертвяченном городе, ищите прежде всего отделение банка.

Отделение банка – это чаще всего отдельно стоящее и укрепленное по нормативам здание, а кассовый узел укреплен дополнительно, его и из РПГ не всегда возьмешь. Окна чаще всего тоже укреплены, как и дверь – хрен кто вломится, а кассовый узел можно использовать как комнату безопасности. Ну и... обычно там какой-никакой комфорт есть...

Короче, мотайте на ус.

– Ослу – Птаха, Ослу – Птаха. Вышли на Мусы Джалиля.

– Принял.

– Правее, – показал омоновец.

Я всмотрелся – неплохо. Здание какое-то, отдельно стоящее, девять этажей, и внизу встроенно-пристроенный магазин. И аж два банковских отделения – «ВТБ-24» и сбер. Может подойти...

– Ну?

– Имеет место быть, – сказал я, – сейчас запустим.

У нас на всех машинах есть дроны. Не такие, какие восьмисотое производство выпускает, а простые камкоптеры, китайские, некоторые всего тысячу долларов стоят... стоили. Работают они не через спутник, управление напрямую. И если телефонная сеть пока не упала – они работают. А как упадет – у нас вроде кто-то уже перепайвал на радиоканал. Или тупо прикрепил камеру, облетел, приземлил, видео посмотрел. Конечно, это не поток – но...

И еще чем привлекает это здание. Господствующая высота – но при этом, чтобы занять ее, вовсе не обязательно чистить все здание. У подобных многоэтажек – а она похожа на общагу, – сбоку обычно пожарная лестница. Вот по ней можно забраться на крышу, заблокировать выходы – и

сиди сколько нужно. Зомби навверх не поднимутся, для них и обычная лестница – проблема.

Камкоптер поднять – ни разу не проблема, ставишь на любую ровную поверхность, даже на крышу «КамАЗа» – и он полетел. Там четыре небольших электродвигателя, и все. Но на километр-другой от себя все увидишь...

– Птичка пошла!

Изображение идет, причем чистое – то есть связь еще работает. Обеспечивает кто-то? Вниз уходит серятина улицы, брошенные машины, город с высоты кажется намного менее уродливым. Главное – не отвлекаться, пока стрелки со всех сторон одиночными бьют по целям.

Так, правее. Надо пробить Казанский проспект и Мусы Джалиля. Что там – зомби, баррикады, ракетчики на крышах?

Ухожу правее. Город плывет перед глазами... вон там, кажется, баррикаду пытались делать, но как сделать баррикаду в таком городе – я не представляю. Горит в нескольких местах... в брошенном городе всегда начинаются самовозгорания, а тушить некому... и зомби, зомби, зомби. Почти всегда бесцельно стоят, некоторые даже лежат. Но упаси бог подойти без автомата...

– На Казанском, похоже, можно пройти. Ухожу на Джалиля.

«КамАЗ» – главные корпуса – как раз в конце Казанского, но я туда не рискну.

– Движ слева. Быстрый.

– Внимание на пулемете. Движение – на девяти часах от нас!

Быстрый – мы не знаем, что это за твари. Возможно, они вырвались из какой-то лаборатории... найти бы того ученого... я бы ему специальную казнь придумал. Медленную. Но они опаснее всего, что мы до того видели.

Короткая из пулемета. Еще одна.

– Попал?

– Не. Ушел.

Эта тварь одним прыжком может запрыгнуть в «КамАЗ» и всех там порвать, вот почему у нас сверху наварена на стояках еще и крыша – два слоя сетки-рабицы, это для того, чтобы никто и ничто не могло запрыгнуть в кузов сверху. Так что пока мы в «КамАЗе», мы в относительной безопасности, но именно что в относительной. При спешивании она снова может проявиться.

– На Джалиля большой пожар, – докладываю я, – но так чисто. Возвращаюсь.

Еще из пулемета.

– Ослу – Птаха, Ослу – Птаха. Подтягивайтесь, мы в начале Мусы Джалиля. Налево на развязке.

– Принял.

Это опорный пункт, он нам поможет выскочить, если что. Как только подойдет конвой, мы пойдем дальше.

Камкоптер падает на рабицу. Еще выковыривать его оттуда, а люк сделать нельзя.

– Птичку принял.

– Начинаем движение.

Первое действие, которое следует сделать при занятии какого-то здания – оценка ситуации. Обьедь, если не на чем – обойди, проверь. Состояние окон, дверей, если открыты или выбиты – есть ли чем завалить или заблокировать. Следы крови, пуль, волочения. Есть ли на окнах решетки, можно ли перепрыгнуть или запрыгнуть с соседней крыши. Есть ли пожарная лестница. Сколько вообще входов и куда они ведут.

Наконец, есть ли выжившие.

Только потом заходи. Проявляя при этом осторожность. И если к тому есть возможность, зачищаемое здание лучше заблокировать с двух сторон.

«КамАЗ», ревя движком, начинает движение. Кузов кренится, мы хватаемся за борта. Поднявшись по лесенкам и заодно развалив их, оказывается на площадке. Таранный бампер сносит какую-то мелочь на газоне.

– Справа, работаю.

Автомат начинает бить одиночными. Вообще хорошо, что глушаки у всех, иначе бы полгорода сбежалось.

С хрустом что-то снова ломается. Мы идем дальше.

– Внимание, лестница.

Лестница пожарная, на крышу. Но пока не время.

За зданием – какая-то грязь, и самое страшное – кости. Кто-то жрал.

– Нет движения.

– Машине стоп.

– Конвой на подходе.

Все, теперь нам тут стоять до завершения зачистки.

С подошедшего конвоя сгрузили щиты и клетки.

Схема зачистки помещений в городе довольно простая и уже нами отработанная. Главное – щит. Он не такой, как в ОМОНе или спецназе ФСБ, но «такой» и не нужен. Достаточно обычного каркаса, на который туго натянута сетка-рабица или наварены арматурные прутки. Такой щит

сбивает атаку любого зомби, даже быстрого, а если его поставить на упоры – у него сзади уголки, чтобы можно было поставить как заграждение, – его можно вообще ногой или коленом придерживать и стрелять. Обе руки свободны.

У того, кто работает со щитом, – пистолет «Грач» либо пистолет-пулемет «Кедр». Таким образом, щитовик может вести огонь. За ним еще двое, с чем угодно – АК, ППШ, «Вепрь-12» или «Сайга», – если уж совсем по-бедному. Они, прикрываясь щитом и щитовиком, также ведут огонь. Вся тройка видит, что перед щитом и куда стрелять, при наличии опыта стрелять можно и через щит.

Кто нам это ставил? Да ОМОН...

Есть еще клетки – это нечто другое. Мы чистили Сарапул, там потери были, мы тогда еще неопытные были – навернули, как говорится, медку полным хавальником. Начали думать. Варится каркас. Из самого простого уголка. Каркас ставится на примитивное шасси... отлично подошли контейнеры от «Магнита» – ну, знаете, такие стандартные складные тарные места – контейнеры, которые они по магазинам развозят, – у нас на Воткинском шоссе за бывшим металлургическим заводом «Ижмаш» большой распределитель их стоял, вот там и взяли. Их только немного модифицировать надо было. И главное – чтобы колеса на металлической основе были, а не пластик, как мебельная фигня. Делается еще и каркас на всякий случай – большие панели из тонкого прутка, сваренные крест-накрест и крепящиеся на болтах. Вся эта штука со всех сторон закрывается сеткой-рабицей – сетка у нас хорошая была, сказать нечего. И все. Внутри два стрелка, они передвигают эту халабуду по местности и стреляют. Зомби – а что им сделают зомби через сетку-рабицу, которая хорошо, с гарантией приварена? Ничего. Только схватить могут – чтобы тут же пулю в башню словить. Главное, чтобы у стрелков патронов хватило, да еще с ума не сойти – потому что трындец там полный, потом водкой отпаиваем. Некоторые противогаз надевают. Потому что на самом деле и дышать нечем и... мерзко, просто мерзко. Промышленный респиратор – обязательно. Но как придумали это – потери у нас тьфу-тьфу... до нуля почти. И работа идет быстрее – потому что зомби тупые, они видят человека и идут. Им невдомек, что до него не добраться.

Короче, достали, быстро собрали – говорю, она на болтах собирается-разбирается, чтобы в «КамАЗ» ушло. Это первая линия, вторая – тройки со щитами. Они будут работать там, где не пройдут клетки. На этажах и все такое. У нас, кстати, и клетки на одного есть, в них можно и на этажах работать, но их пока не сварили...

Пять штурмовых пятерок пошли в здание чистить. Скорее всего, все здание чистить не будем, нам надо убедиться лишь в том, что зомби на этажах надежно блокированы. Выставив опорный пункт – фишку на сленге, – пойдем дальше, прямо на завод.

На стрельбу зомби подтягивалось все больше и больше, некоторые бежали – но трем автоматам противопоставить было нечего. Тем временем «УАЗ», руководствуясь нашей наводкой, подрулил вплотную у стене, к лестнице, открыл верхний люк – и наверх пошла снайперская группа. Двое с винтовками – СВД и «Рекорд-338», один с РПК. Я их страховал, отслеживая своим автоматом – на случай, если какая тварь сунется через окна.

И тут прошел доклад по связи, лично меня шокировавший.
– Тут выжившие!

Выживших было пятеро. Четыре девчонки и парень, парень, кстати, раскис больше всех. Девчонок тоже трясло. Но они были живы, по нынешним временам – самое главное. Как говорил Валерий Лобановский – счет на табло.

Я опросил одну из них, она была более адекватна, чем другие. Спойл ей чекушку сарапульской, она немного пришла в себя. Как оказалось, они все работали в банке, у одной из них был день рождения – потому приготовили стол, были продукты. Еще в магазин соседний сходили, пока можно было. Была еще вода в кулерах, пустые бутылки заполнили. Большинство решило идти домой, хотя было понятно уже, что все, хана. Оставшиеся так здесь и сидели, ждали непонятно чего. Помощи.

Пятьдесят с лишним дней. Впятером...

– А можно мне...

Я покачал головой:

– Развезет на голодный желудок. Приедешь домой – выпьем. За твое спасение.

Она недоверчиво смотрела на меня:

– А вы... армия?

– Нет. От завода мы. Если хотите... уйдете с нами.

– У меня... родители.

Я покачал головой:

– Вряд ли они выжили. В любом случае задерживаться здесь мы не можем.

После того как фишку мы установили, зомби на проспекте навалило

столько, что головной «КамАЗ» вынужден был преодолевать импровизированную баррикаду из тел с разгона – пошли прямо на завод. Это было самым простым – ровный, прямой, широченный проспект, любое препятствие на нем можно просто объехать. И несколько десятков автоматов и пулеметов, которые могли снести любое препятствие на дороге...

Проблемы нас ждали дальше.

«КамАЗ»... проблема в том, что там нет высотной доминанты. У нас на автозаводе, в Тольятти, они есть, это здание заводоуправления. Поднимай на крышу снайперов и пулеметчиков – и вот ты ползавода как минимум контролируешь. Здесь этого нет. Единственная доминанта – трубы ТЭЦ, от них до площадок готовой продукции – два километра. Если бы даже у меня было навалом боеприпаса 338 калибра, все равно работать им по зомби – бред.

Встали на клеверной развязке, ведущей к заводу, машины разъехались, чтобы вести прицельный огонь на все стороны света. Поле – во все стороны, простреливается все на километр с лишком. Тем временем мы собрались на совет еще раз и квадрик запустили.

Выработали план. Простой, но надежный. Основой послужило то, что цеха – они все одинаковой этажности, и крыши плоские. Подгоняем технику – после чего выходим на крышу все. Рассредотачиваемся и начинаем работать. Затем спускаемся и занимаем открытую площадку готовой продукции – их, кстати, две. Чистим ее. После чего идем работать в цеха. Заодно посмотрим, нельзя ли с крыши.

Сказано – сделано. Подошли на скорости, снесли часть ограждения. Там, кстати, на проходной «Скорая» и менты были, надо пошукать насчет оружия потом – АКС-74У сейчас в почете. Вплотную притерлись к цехам, выставили легкие, штурмовые алюминиевые лестницы. Первые, кто забрались – сбросили еще и веревочные, а также подняли лебедку, закрепили и спустили трос. По ней мы поднимем заранее заготовленные запасы боеприпасов и жратвы с водой. На всякий случай.

Поднялись – без ЧП. Рассредоточились, начали работать. Техника отошла. Появились опять твари... одну свалили, две ушли.

Выставили двух снайперов с мелканами – они будут работать в сторону площадки готовой. Там автоматными лучше не делать – повредишь технику. А мелкан, да еще с глушаком – самое оно: свинцовая пуля даже металл кабины вряд ли пробьет.

Тем временем мне удался один трюк. Я поднял квадрик – уже с крыши, – и мне удалось навести его на тварей, которые далеко не ушли,

залегли в поле. Я по связи обозначил цель, после чего начал опускать дрон все ниже и ниже. Одна из тварей не выдержала, за ней другая. Бросились – после чего по ним открыли огонь из двадцати стволов.

Завалили.

После того как из всех стволов отработали с крыш и прогнали объявившихся монстров, настал третий этап зачистки – внутренка. Самый мерзкий, потому что на этом этапе больше всего жертв.

Богу помолясь, двинулись...

Я был со всеми, в кузове головного «КамАЗа» – во время таких вот зачисток людей всегда не хватает, поэтому участвуют все. Оружие – АКМ тот же самый, просто вместо рожка я банку к нему примкнул. Банка у меня одна, как израсходуется – дальше пойдут уже рожки.

Времени много потребуется, цеха вон какие громадные. С другой стороны, они и простреливаются хорошо.

– Всем стоп! Дверь!

Двери бывают распашными, сдвижными и подъемными. Эта была самая простая – распашная. Интересно, когда началось – выходной день был или рабочий? Если рабочий, то в цехах сейчас ад сущий.

Помощник водителя откидывает люк со своей стороны – а там не стекло, там стальная плита с бойницами – и длинной кочергой цепляет трос за ручку двери. Выходить из машины нельзя, только в крайнем случае. Как только трос зацеплен, машина начинает сдавать назад. Тут нужна осторожность еще и потому, что трос может оборваться и хлестнуть по кабине.

Трос натягивается – но он трехжильный, специально для этого подобранный... с треском ломается засов, ворота раскрываются...

Движения нет. Все ждут.

– Движение, огонь!

Появляются первые мертвяки. Судя по обрывкам синих роб – бывшие рабочие завода. Бьют первые одиночные.

Эти не самые опасные. Самые опасные будут дальше.

– Движения нет.

– Плюс. Машина разграждения пошла!

Головной «КамАЗ» – как машина апокалипсиса, на нем спереди рама с неким подобием бульдозерного отвала – это машина разграждения. Но даже такая машина не делает нас менее уязвимыми.

– Внимание, справа!

Открываем огонь, вторя ему, глухо резонирует пространство, звук гуляет. Все-таки есть и что-то хорошее – цеха сейчас строят так, что пройдет грузовая машина.

– Осторожнее, смотрите, куда стреляете!

Зомби бывают двух видов – медленные и быстрые, – это если не считать тварей, которые вообще неизвестно откуда берутся. Быстрые – те, которые успели перекусить. Мертвечиной, живыми людьми – им все равно.

Но пуля остановит любого.

Впереди бьет пулемет, значит, что-то крупное.

– Монстр, уходит влево! Он на крыше, на крыше!

– Огонь, огонь!

Со второй, идущей за нами машины так же дружно открывают огонь, и непонятная тварь, которая умеет прыгать на крышу и цепляться хвостом, как обезьяна (может, это и есть обезьяна, изуродованная в ходе преступных генетических экспериментов), вдруг срывается и падает. Внизу ее добивают.

Техника впереди, она стоит ровным рядком – вожаки для нас техника. Восемь... нет, там вон еще два стоят – десять готовых «Тайфунов» – это, считай, колесный, защищенный от взрыва бронетранспортер, по кругу он держит 14,5 КПВТ, так что БТР ему не страшен, лоб – говорят, 2А42 держит. Это уже БМП, даже круче. Плюс восемь кэгр тротила под каждым из колес. Дальше стоят еще три машины на четырех осях. Это транспортные, у них бронирована только кабина, зато грузовой отсек – запросто контейнер везешь.

А «Тайфуны» – мало того что они полностью собраны и готовы к отгрузке, так на четырех из них еще и дистанционно управляемые пулеметные установки. Это делает «Тайфун» полноценным тяжелым БТР. Из такой установки только тварей и отстреливать, из машины не высовываешься, а пулеметная пуля пополам рвет.

Потом стоят новые тяжелые джипы – шесть штук. Это то ли легкие броневики, то ли еще что – короче, для армии, чтобы не хуже, чем у американцев. Человек восемь влезет. Бронированные – но пулеметов нет ни на одном.

Дальше – новинки, собирали для госиспытаний и прочего. Вон там стоят бронетранспортеры уже полноценные, похожие на южноафриканские «Ратели», их четыре штуки. Здесь – пулеметные установки уже на всех машинах, причем на двух – похоже, стандартные башенки от БТР-82, со спаркой КПВТ-ПКТ. Лучше БТР однозначно – они и мину

противотранспортную выдержат, и броня у них получше, обзор с места водилы – не сравнить, а главное – они все на «камазовских» движках и агрегатах. Починить – снял с грузовика и починил.

Дальше стоят «Медведи», тоже четыре штуки. На двух еще весовые макеты, а вот на двух – полноценные огневые установки тридцать миллиметров. Это машина наподобие новых американских джипов, которые больше «Хаммера», она готовилась на конкурс для ВДВ. Размером она с «ГАЗ-66», даже побольше, человек восемь точно влезет, где хочешь пройдет. И если шмалять начнет – мало не покажется, тридцать миллиметров, причем те самые тридцать, которые у нас на заводе делали, авиационные тридцать миллиметров.

А дальше стоит что-то, что сразу внушает уважение. В количестве двух штук. Это как «Тайфуны», только не три оси, а четыре. В них человек двадцать поместится, судя по длине. И один с пулеметом.

Если посмотреть с другой стороны – есть еще семь машин в настолько высокой степени готовности, что сборку сумеем завершить уже мы сами. После чего все перегоним сначала в Елабугу, а потом в Ижевск, на нужды формируемой армии. С десятков БТР и БМП у нас уже есть, плюс многочисленные инкассаторские машинки, плюс это – и вот у нас уже не бог весть что, а кое-что.

Только «гоп» не надо говорить, не перепрыгнув.

– Фаза четыре!

Разграждение. Окончательная зачистка, и везде мы вешаем толстую проволоку, если нету, то можно заменить на паракорд. Смешно, но зомби от нее шалют – почти никогда не могут преодолеть, тупо ломаются вперед и не понимают, что их останавливает.

– По два человека, – опытные бойцы напоминают правила, – смотрим по сторонам и под ноги, руками не суемся лишний раз, фонарем светим, друг друга страхуем.

Еще один прием – фонарь. Если он мощный – то зомби слепнет на несколько секунд.

– Все, кто не в досмотровых группах, – на машины, наблюдение вести, о движении докладывать, по секторам огня не шарахаться.

Это тоже правильно. Когда идет досмотр, от скорости и точности выстрела зависит многое, и потому стрелки должны быть уверены, что те, кто в зачистке не участвует, находятся за ними, а не перед ними. Упаси бог, если начнется стрельба и в зоне огня будут находиться празднично шатающиеся.

– Пошли!

Наша машина проходит максимально вперед и занимает защитную позицию – теперь наша задача вести наблюдение и заградительный огонь.

– Я проволоку повешу.

– Давай.

Это надо делать либо в самом начале, либо совсем не делать.

Я примерно прикидываю – монстр и под полтинник зомби, основной завал все же в городе был. Негусто. Скорее всего, как было: когда началось, мало кто пришел на работу. Но кто пришел – кто-то уже был покусан и обратился здесь, а потом покусал остальных. И монстр сюда забрался... непонятно только, как.

Я представил себе такое у нас – стало страшно. Все-таки нам сильно, очень сильно повезло. И аэропорт открыть не успели, и объезд через Сарапул, и дорога железная – магистрали не через нас идут. И понятное дело – оружие. Без него бы не выжили. Сейчас правило простое: есть ствол – жив, нет – не жив.

Внезапно – мат и несколько выстрелов из пистолета. Покусили!

Мать твою...

Тревожная группа срывается и бежит... зомби, так и есть – на полу с разбитой головой. И мужик рядом – в спецовке, ногу прикрывает, рядом – «стечкин». Опасались, что в машинах могут быть, – а он, гад, под машину забрался.

И цапнул, как подошли.

– Прокусил?

Мужик – белый как мел, понимает, что сейчас решается вопрос о его жизни и смерти.

– Не.

– Точно – нет?

– Говорю тебе – нет.

– Покажи.

– Дим, успокойся и покажи.

Мужик отнимает руку, туда сразу же плескают ацетона (спирт жалко на такое дело), потом смотрят.

– Не, – с облегчением, – не прокусил.

– Пожарные. Хрен прокусишь.

Оно так. Прежде чем голову пеплом посыпать да орать – все пропало, – ты в рабочий магазин зайди и посмотри, что там есть. Человечество веками работает с опасными материалами – со стеклом, с расплавленным металлом, с огнем. И кое-какой опыт накопило. Перчатки и

нарукавники из кевларового вязания – это для работ со стеклом. Полный костюм – поддевка из такого же материала – это для сталеваров и электриков. Он кратковременно тысячу градусов выдерживает, ну и хрен прокусишь, конечно. Перчатки с кольчужным плетением – это тоже для грузчиков, работающих на погрузке стекла. Банальный ватник – его и то хрен прокусишь. Костюмы для спецназа, для танкистов, для пожарных – все, что выдерживает высокую температуру, выдерживает и укус. Пожарные сапоги. Наконец, самое примитивное: берешь сетку-рабицу с самым мелким плетением, какую только нашел, и делаешь из нее онучи, защиту на руки, на ноги – самое уязвимое, за задницу тебя вряд ли укусят. Если сомневаешься – проверь. Собака прокусит – нет. Если не прокусит собака – не прокусит и зомби.

Не стоит сдаваться раньше времени. Что бы ни происходило.

– Руку давай...

Повесили проволоку, теперь легче будет.

Я перекидываю неполную банку на обычную РПК – «сороковку». Банку сую в подсумок. Потом пополню, не помню, сколько выстрелил.

Больше покусанных не было – это, кстати, высший пилотаж, но мы не первый день, как говорится, замужем, и за крайний месяц у нас потерь вообще в отряде не было, даже среди небоевых – бывших работяг и шоферов, которые только автомат в руки взяли. Контроль снова перешел от военных к гражданским, то есть ко мне, и я уже назначал экипажи на машины и организовывал заправки, как на связь вышли снайперы с крыши:

– Глаза – Птахе, Глаза – Птахе.

– Плюс.

– Движение, справа по дороге. Три единицы.

– Военные?

– Минус. Один мент. К нам.

– Принял, сейчас подойду.

И уже своим:

– Мужики, ну е-мое, сколько можно с заправкой сношаться? Цепляйте через двойник. И одну машину, что заправили, – на выезд. Ту, что с пулеметом.

– А чо пулемет?

– Вон ту, со спаркой! Кто на бэтре служил – на пулемет, живо! Не тормозить, мужики, у нас гости!

Мужики оказались местными. Два джипа, один из них ментовский

«Патриот», и «КамАЗ», разнообразное, но не лучшее вооружение. Карабины гражданские. Два АКС-74У, один мент в форме. Интересно – он меня что, этой формой напугать типа хочет или как?

Придурки...

– Глаза – Птахе, Глаза – Птахе.

– Плюс. Один на прикрытии, остальные секут.

– Плюс.

Я вышел ближе к ограждению, но дальше не пошел. Эти помахали – но вынуждены были подойти. Теперь между нами забор, что немаловажно. Обосновывается просто – я тебя первый раз вижу, мужик, а ну как ты покусанный.

– Салам алейкум.

– Ва алейкум салам, – неуверенно отвечает один. Это хорошо, потому что в Набчелнах до Катастрофы было ваххабитское медресе, его даже разгоняли, помнится. И хрен знает, куда сейчас делись эти упоротые. Стволы у них наверняка в нычках были.

– Чего надо, мужики?

– А ты кто? – спрашивает мент.

– Депутат Дьячков.

Когда вопрос вставал, как представляться, я решил, что буду представляться депутатом. Все-таки старые нормы и понятия все еще сильны, особенно у бывших представителей власти. А депутат даже районного совета – это на языке правоохранительных органов спецсубъект, против него просто так уголовное дело не возбудишь, и много чего другого нельзя.

Левой рукой показываю удостоверение, чтобы вопросов не оставалось. Конечно, сейчас это не тогда, и депутатов и тогда мало кто уважал. Но если кто не уважает – для того у меня есть АКМ и броник. Это не может не внушать.

– А вы чего здесь?

– Ты для начала представься, сотрудник.

Мент думает. Слово «сотрудник» в ходу у тех, с кем лучше не связываться.

– Капитан Алыпов.

– От и хорошо.

Главное – не задавать вопросы и вообще никак не помогать, а заставлять противника самого вести стремный базар.

– Так вы чего здесь?

– Завод зачистили. Продукцию вывозим.

Вступает в разговор другой мужик – у него АКМС. Похоже, этот и есть главный, а мент – родственник его, вероятно.

– Это наше. Так-то.

Я сделал приглашающий жест рукой.

– Ну, раз уж ты приехал, заberi, что тебе надо и сколько надо. Площадку мы зачистили, сколько «КамАЗов» тебе надо? Семь? Восемь? Забирай.

Мужик подумал, потом выдал:

– Нам все надо.

– Что значит все? У тебя есть водилы, чтобы их перегонять? Есть где поставить? С какой это радости – все?

– Ну... наши они.

– Документы покажешь?

Мужик явно блуждал в трех соснах нашего разговора. И понятно, что в качестве ответа выбрал он агрессию.

– А у тебя есть документы? Мы живем тут!

– Ты живешь тут? Где ты тут живешь? В городе? Покажи.

Мужик посмотрел на меня. На омовцев сзади, на автоматы. На выкатившийся БТР с пулеметом.

– Ты свалил из города, – раскинул перед ним немудреный расклад я, – потом, когда мы приехали и пробили коридор, ты приезжаешь сюда и говоришь, что завод – твой и готовая продукция твоя просто по факту, что ты тут живешь, так?

Я посмотрел на мента.

– А ты, капитан Алыпов, когда все это началось, долг свой исполнил? Или тупо свалил и сейчас где-то на продбазе подъедаешься? Ты хоть видел, что в городе творится? Мы пока сюда прорывались, я лично три рожка расфигачил. А ведь ты тут отвечаешь за правопорядок. Ну и где здесь правопорядок?

Ответить было нечего.

– И какой это ваш город, когда по улицам не пройти?

– Не, ну а ваш, что ли?

Тупой.

– А почему нет?

– Вкуривай – сейчас тебе принадлежит лишь то, что ты можешь отбить у других, и главное – у зомби. Моя земля – это фигня полная, бла-бла-бла. Можешь защитить – она твоя. Не можешь – не твоя. Вот мы можем.

Аккомпанементом беседы звучали одиночные – продолжался отстрел.

– Вы где сейчас базируетесь?
– В деревне... – мужик сообщил название.
– Сколько вас уцелело?
– Человек пятьдесят. Я сразу рванул, как началось. Понял, что жопа всему настала.
– Вот, умного человека издалека видно. – Иронии он не понял. – Сам тут работал?
– Не. Вон, Решат работал. Я дома строил.
– Бригада своя была?
– Три.
– Вот и отлично. Завод запустить заново сможешь? Хотя бы на ремонт?
Мужик ушел в астрал, соображая. Потом сказал неуверенно:
– Попробовать, конечно, можно.
– Так попробуй, что мешает?

– Стволов мы тебе подкинем – в обмен на продукцию. И на услуги по ремонту. Создавай анклав, подтягивай людей, нечего по деревням сидеть, гаситься. Ремонтировать будешь – все хлеб, люди к тебе потянутся. Лады? Валамон?

Мужик думает... хотя думать тут нечего. Потом вдруг выдает:
– Мужики, а вам еще броня нужна?
– Не вопрос, слушаем.
– Тут есть фирма, «Астейс» называется. Она броневики делала, на две и три оси, и еще они, кажется, выполняли заказ «Росатома» на машины для атомных станций, перевозки опасных грузов и такого прочего. С виду обычный «КамАЗ» – но там броня, пулемет стопудово держит. Если их не успели вывезти – там их штук двадцать, не меньше, отвечаю. Я это знаю, потому что кузова тут, на производстве делали. Братеньник варил. Лазером. Короче, если добазаримся...

– О, вот это уже тема. За это мы тебе уже бабла подкинем. И оружия с патронами. И дальше дружить будем. Щас тут дочистим, и поехали, покажешь...

Мужик не обманул – рейд дал еще лучший результат. Двадцать четыре «КамАЗа» для «Росатома», девять банковских, с бронированием от АК, девять легких БТР на двух и трех осях, на каждом из них по восемь-десять солдат, и можно примитивную башенку с ПКТ или спаркой разместить. Восемь броневиков для каких-то других заказчиков. И в цеху нашли еще до

двадцати бронекабин и бронемодулей в высокой степени готовности, которые за сутки можно поставить на шасси «КамАЗа» – и будет такой же броневик, как и эти. За наводку мы отмаслали и деньгами, и оружием, и патронами, и официально назначили мужика нашим представителем здесь. После чего Решат совсем раздобрел и сказал, что есть еще одно место, там тяжелые четырехосные шасси стоят для Тулы и Мотовилихи, на установку «Панцирей» и самоходных гаубиц «Коалиция». Кузовов нет, шасси усиленные, а кабины бронированные, как минимум АК должны держать. И там их тоже до хрена могло выходить – штук этак двадцать, и там еще могли быть трехосники с бронированными модулями в кузове. Но мы решили двинуть туда на следующий день, так как стемнело.

Ижевск, бывшая Россия. Комплекс «Биатлон»

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

Эмвэдэшники устроились хорошо. С комфортом устроились.

На Воткинском шоссе есть здание ГАИ, оно новое совсем, строили уже после развала СССР, и недалеко – здание райотдела, которое незадолго до катастрофы поставили. А там дальше по трассе, за пустующими цехами «Буммаша», – квартировал ОМОН, и в высотке – отдел по борьбе с экономической преступностью, бывший. И теперь там же ОРЧ-6 – оргпреступность. И рядом со зданием ГАИ строился целый микрорайон новый, высоток. Большинство из них к началу катастрофы не были заселены. Вот полиция, как только все началось, и начала переселяться. Все равно – какая сейчас ГАИ, кому она нужна, никакого учета машин нет – не до того. В здание ГИБДД – а оно строилось с размахом – заселилось министерство, сотрудники в основном переехали в жилгородок, а начальство – в коттеджный поселок «Биатлон» и близлежащие. Часть жилья там пустовала, а если и не пустовала – то вопросов хозяева не задавали.

Что касается меня и моего отношения к полиции... давайте не будем, а? Все равно ничего и никогда не изменится, хоть небо на землю упади. Я как-то раз читал воспоминания о жандармской службе начала прошлого века. То же самое. Все точно то же самое. Хоть плачь.

У меня есть друзья. Если что – они мне помогут. Все.

Свернули на «Биатлон». Там стоял пост внутряков, у них был БТР. Понятное дело, сохранность собственной задницы важнее всего на свете. Помимо прочего, весь поселок был обнесен двумя рядами трехметровой

сетки-рабицы с кинутой поверх колючкой. Не пройдет ни зомби, ни даже монстр, если сюда выйдет.

Вот так вот живут наши правоохранители. Или – правоохренители. Короче, что охраняем, то и...

– Свои.

Старлей не убедился – посмотрел в салон, попросил открыть багажник. Депутатская корочка убедила – но не сильно.

Еще один головняк. В будущем.

Внутри были дома, коттеджи, обнесенные заборами, на многих домах дорожные кирпичные сломали, поставили сетку-рабицу – это теперь новая мода, чтобы простреливалось все. Играли дети...

Новосельцев – бывший зам (министр уехал за семьей и пропал, он не местным был, варягом) – был внешне компанейским мужиком около пятидесяти. Он не имел отношения к стремному по любым меркам ОБЭП, где приличных людей по пальцам одной руки, но не работал и в УГРО. До того как перейти в центральный аппарат замом, он возглавлял ГУВД Сарапула. А там всякое было... но сейчас не время.

– Привез, товарищ министр.

– Ага.

Министр – он был в спортивном костюме, один, и жарил шашлык, – улыбаясь, протянул руку.

– Как жизнь?

– Только держись.

Думаешь, я тебе верю? Ага, три раза.

Я ментам вообще не верю. Я верю конкретным людям. И от конкретных же людей знаю, какой кошмар всегда творился в органах. Это же змеиный клубок – друг друга подставляют, начальство сжирают, начальство создает кланы и вяжет людей совместно совершенными преступлениями, а кое-где и кровью. В Нижнем Тагиле сидели в основном либо лохи, либо те, кого сожрали и подставили. Причем раньше – по словам знающих – было лучше. Раньше подсиживали тупо за должность, за продвижение по службе. Сейчас каждое место – это большие деньги, место начальственное – это огромные деньги. А еще Маркс... кажется, заметил что нет такого преступления, на которое капитал не мог бы пойти ради 300 % прибыли. Тут же прибыль стремится к бесконечности, потому что вложенного капитала нет, есть только отдача. Ну, это если ты должность не купил. Тогда вложенный капитал есть, конечно.

И еще одно. Не знаю, с чего это пошло, но в какой-то момент менты

стали часто употреблять слова «моя земля». Сначала этот термин означал «территория, находящаяся в моем оперативном обслуживании», потом «территория, где мне все платят». А сейчас сами понимаете – эти слова могут приобрести совсем другой вес и значение.

Министр прошел к мангалу – он у него был старомодным, угольным. Взял опахало...

– Интересный вы человек... Александр Вадимович, – сказал он, раздувая угли.

– Чем? – спросил я.

– Вы хоть и в Госсовет не избираетесь, но мыслите... как государственник.

– Я мыслю как человек, который хочет остаться в живых.

Генерал сделал нетерпеливый жест – не перебивай, мол.

– Оставаться в живых тоже можно по-разному. Кто-то забился, как мышь под пол, а кто-то думает... большими масштабами, скажем так. Вашу службу Синцов вкруговую направил. Масштабно мыслите.

Я пожал плечами:

– Наблюдательность, и не более того.

– Да нет. Просто вы не те выводы делаете, какие следовало бы. Вот возьмем нас. По факту мы уже не Удмуртия, мы – союз городов. Под нашим контролем – половина Татарии, почти вся Кировская область. И не только потому, что у нас есть оружие, верно?

– Вопрос с Нижним вы правильно подняли, только выводы не довели до конца. Нижний фактически контролируют местные и подмосковные кланы. Мы контролируем Поволжье. Они представляют для нас опасность. Столкновение в будущем неизбежно. Следовательно?

Я снова ничего не ответил.

– Лучшая защита – это нападение. Нам следует ударить первыми.

– То есть – ударить?

– Вы один из немногих, кто много времени проводит за территорией республики. В Нижний ездит, торгует. Вот вы мне и скажите – осилим мы Новгород взять или нет?

– А зачем? – спросил я.

– Ну что вы как маленький. Зачем... Затем, что есть мы и есть они. И рано или поздно возникнет вопрос – кто главный, как в любом коллективе. Они хотят поставить крышу нам – почему нам не поставить крышу им?

Я слушал, не подавая вида, какое раздражение вызвали у меня эти слова. Вот есть же люди... я не знаю, откуда только берутся такие. Такая

трагедия произошла, я не знаю... если нас тридцать миллионов осталось – так это очень хорошо, люди как могут выживают, весь мир как может выживает. Нам просто повезло – нас почти не затронула беда в силу целого ряда факторов. Но нет, мало нам проблем с замерзлыми городами, с нарушенными путями, схемами движения товаров, с производством почти на коленке – так надо еще усугубить. Начать войну, тупо за то, кто кому отстегивать должен.

Откуда берутся только такие. Готовы хапать и хапать, и ртом, и ж...

Но и ссориться нельзя.

– Илья Игоревич... – сказал я, – Новгород хорошо укреплен, и там сходятся интересы сразу нескольких кланов с юга. А мы не можем себе позволить иметь их врагами, если нас отлучат от торгового – будет только хуже.

– А я считаю, что не отлучат, – сказал Новосельцев, раздувая из углей пламя, – знаете, я хоть человек и простой, но тоже люблю поразмыслить на досуге. Так, чтобы мозги плесенью не покрывались. Вот у меня такой вопрос возник – почему, например, амеры на япошек ядерный батон сбросили, два города у них сожгли – а узкоглазые их простили. А мы, к примеру, вперлись в Чехословакию в шестьдесят восьмом – ничего особенно, не бомбили даже, – и нас и через пятьдесят лет этим попрекали. Почему так?

Я пожал плечами.

– А потому, что это так и должно быть. Кровь прощают сильным. А мы слабость проявили – в нас и вцепились. Если бы не девяносто первый – чехи бы и сейчас нас в ж... целовали.

– Сейчас – вряд ли, Илья Игоревич...

– Ну, я утрированно говорю, ты понял.

Я подумал несколько секунд, подбирая ответ.

– Илья Игоревич... я полагаю, что вопрос о превентивном нападении на Новгород несколько... непроработан.

– Почему? – спросил министр.

– Тут есть тонкие моменты.

– Например?

– Видите ли, торговля – дело сугубо добровольное. Никто не заставляет нас, татар или кого-то еще ездить на торговлю в Новгород, правильно? Просто так исторически сложилось. Если же кто-то силой будет брать Новгород и у него это получится даже – добровольности больше не будет. И тогда что мешает остальным устроить торговлю где-то в другом месте, так? И получится, что мы пролили кровь, потеряли ресурсы, взяв в итоге пустое место. Это не говоря о том, что к нам все будут относиться с большим подозрением.

– А если подмосковная и новгородская братва объединятся и выкатят нам ультиматум. Типа хотите жить – идете под нас?

– Никто же не запрещает нам послать их в пешее эротическое, верно?

Министр задумался, потом спросил:

– Кто сильнее? Мы или они?

– Трудно сказать. У них есть несколько хорошо сохранившихся воинских частей в Подмоскovie – они, кстати, охотно у нас покупают все, что мы продаем. Другое дело – насколько командование этих самых частей поддержит какие-то бандитские движения. Они все-таки военные, у них свои понятия, хотя они вынуждены подстраиваться под тот мир, в котором мы все оказались. Ну и... вести боевые действия за тысячу километров от базы теперь, после Катастрофы, с противником, сидящим на хорошо укрепленной местности, опасно само по себе. Одно дело – действия диверсионных групп, и совсем другое – идти на захват и удержание хоть какого-то города. Ну ладно, что-то они захватили – а держать и снабжать как? Они же должны понимать, что мы на своей земле и добром не отдадим ничего.

Министр начал снимать палки с мангала, сбрызгивая их водой с лимоном из полторашки с пробитой крышкой.

– Я тебя понял.

Ижевск, бывшая Россия. Здание Госсовета

Девятьсот тридцать первый день Катастрофы

Удмуртия – вообще странное место во многих отношениях. В том числе и в системе власти.

Это национальная республика – как до Катастрофы, так и сейчас, – но при этом две трети населения составляют русские. Основных национальностей три – русские, удмурты и татары, – а сама республика создана уже Лениным из куска Вятской волости. Но при этом в республике есть Госсовет, как будто она многонациональная и сложная, как Дагестан, а президент избирается на Госсовете. В Госсовете ровно девяносто депутатов, хотя для такого населения – и это много.

Но в условиях Катастрофы эта система оказалась рабочей, только депутатов переизбрали. Совет превратился в собрание представителей трудовых коллективов, которые совместно решали, как выживать, и налаживали взаимодействие между собой. Совместный труд намного облегчал взаимопонимание, в труде сразу видно, кто партнер, а кто

халявщик. По сути – вернулись лет на семьдесят, даже сто назад, когда заводы были центрами жизни и обеспечивали своих рабочих всем. У завода – и поликлиника, и колхоз подшефный, и жилье он строит и обслуживает.

Госссовет находится за горкой, где Вечный огонь, в здании постройки позднего Брежнева. Если стоять лицом к нему, то по левую руку будет так называемая президенция – здание главы республики, и рядом – правительства. Оно хорошо чем – это комплекс исторических и современных зданий бывшего Арсенала, он образует почти правильный замкнутый прямоугольник, который легко оборонять. Еще он находится на горе – господствующее положение, рядом или почти рядом две главные улицы города, идущие параллельно – Пушкинская и Удмуртская, последняя – это шоссе, она и переходит в Воткинское шоссе. От президенции – легкий доступ к большей части города по этим двум улицам, все отлично просматривается и простреливается, а кроме того, есть прямой выход через каскад площадей – прямо на набережную, а там и оружейный завод, хоть по земле, хоть по воде – там пристани стоят, и теплоходы есть. Ну и на площади же – две крупнейших гостиницы города: «Центральная» и «Парк Инн», где удобно жить командированным и иногородним.

После Катастрофы так получилось, что пришлось вернуться к системе власти ранних девяностых. Выбрать какого-то одного главу республики – значит, внести раскол уже на этом этапе, потому пришли к советскому решению. Есть правительство, которое ведет хозяйственные дела. Есть Госссовет, который является высшим органом власти, из Госссовета избирается президиум из двенадцати человек, которые работают на постоянной основе и не загружены ничем иным. Президиум Госссовета избирает председателя президиума Госссовета. Таким образом – получалось удовлетворить худо-бедно все притязания на власть и каждого хоть по минимуму, но удовлетворить. Тем более что количество депутатов Госссовета было больше девяноста – каждая территория, переходившая под нашу руку, присылала своих депутатов.

Председателем Президиума Госссовета был Синцов. Он не был директором завода, и это было сделано по двум причинам. Во-первых, таких монстров (в хорошем смысле слова, вы не подумайте), как Белобородов, Собин или Чугуевский еще поискать, а во-вторых, Волков, тварь, сдал республику, и до Катастрофы все предприятия возглавляли пришлые, москвичи в основном. А Синцов был человеком интересным – уехал в Москву, сделал карьеру в госбезопасности, получил генеральское звание. Причем начинал он обычным опером в первом отделе «Ижмаша», где все опера – не отставные или в действующем резерве, а кадровые

сотрудники госбезопасности. Так что хозяйственные дела он по минимуму, но знал. Когда все началось, он уже был в отставке и находился в республике... а в Москву ехать смысла не было никакого – к кому, зачем? Так он и стал сначала депутатом, потом членом президиума, потом председателем президиума. Он знал меня, а я знал его через Димыча – местного опера госбезопасности, моего друга, – как раз к нему я пришел, когда все началось, мы первыми организовывали сопротивление, когда все еще только клювами щелкали и думали, в какую сторону бежать, мы первыми на неофициальных контактах, в обход начальства собирали актив полиции, ГИБДД, ФСБ, местного УИНа, готовый реально действовать, а не ждать, пока пушной северный зверек всю разгуляется в городе. Димыч его и нашел. Синцова.

Машины сейчас бросали прямо на площади – никому до того дела не было, как удобно, так и делали. Собирались мы на совещание не в здании Госсовета, а в здании правительства, оно было построено замкнутым четырехугольником, с внутренним двориком. Внутренний дворик... сейчас его уже не было, там была постоянная казарма ОМОНа в городе и депозит – один из складов с оружием.

Внизу было все как и ранее, только грязновато – не до того. Надпись над рамкой металлоискателя – «Длинное сдаем в гардероб, короткое разряжаем в присутствии охраны». Но совсем без оружия никто не оставался даже здесь, причина – человек ведь может в любом месте умереть, потом встать и пойти кусать других людей. Тем более в таких местах, где власть – люди-то тут пожилые.

Помню, еще до Катастрофы здесь бывал... все шутил... борьба с терроризмом по-удмуртски. Где сейчас те шутки... где сейчас то время.

Около зала заседаний уже толпился народ... пока не все были. Я подошел, поздоровался, с кем по чину, тоже включился в разговор.

Через несколько минут в сопровождении двух прикрепленных из ФСБ появился Синцов. Разговоры смолкли, мы начали заходить...

Мой вопрос на Госсовете числился третьим, первые два – что делать с «Буммашем», который так и не удавалось поднять по-настоящему, и вопрос по строительству узкоколейных дорог.

Первый вопрос – «Буммаш», у нас в городе был завод бумагоделательных машин, на Воткинском шоссе. Он устарел, причем капитально, – да и кому сейчас нужны бумагоделательные машины, – но это была огромная территория с разветвленной системой ж/д путей, и самое главное – там сохранилась небольшая плавка спецсталей, то есть там

по факту был третий металлургический завод! При СССР строили капитально, заводы полного цикла были, сейчас его сумели восстановить и запустить – на металлоломе. Но это один цех, а с остальным что?

Вроде как решили делать трактора с «камазовскими» дизелями – но со всем с этим были проблемы.

Второе – ветки. Сами понимаете, сейчас такого движения, как раньше, нет. Максимум десять вагонов идет – и надо думать о том, как работать. Использовать старый тяговый состав накладно – вы в курсе, сколько простой маневровый тепловоз соляры жрет? То-то.

Сейчас тяга переводилась на малые камбарские локомотивы, частично – делали, как в странах третьего мира, локомотили на базе «КамАЗов» и «Уралов» – два-три вагона они по-любому утащат, а больше и не надо. Но сейчас вставал вопрос о прокладке новых путей, прежде всего по торфу и по лесу. И того и другого сейчас много, леса особенно, в Кировской области, а новое строительство понятно, что пойдет по пути использования дерева – такие дома и отапливать проще, и с коммуникациями проблем меньше. Но чтобы вывозить все это, надо узкоколейки и надо точки перегрузки на широкую колею. Этим и занимались.

Мой вопрос.

– Вопрос третий, строительство патронного завода полного цикла на производственной площадке четыреста завода «Ижмаш». Докладчик – депутат горсовета Ижевска Дьячков Александр Вадимович.

Я прошел к доске. Так, собраты...

– С вашего позволения, я начну несколько издали, чтобы все понимали суть проблемы. Проблема наша в том, товарищи (как-то это тоже вернулось – товарищи), что за три, считай, года мы стали слишком лакомым куском. И вопрос о том, чтобы раскулачить нас, а то и обложить данью, в том же Нижнем если и не встал в полный рост, то вот-вот встанет.

Я осмотрел собравшихся.

– Если переводить проблему из разговоров во что-то конкретное, то я вижу две болевые точки. Одна дополняет другую.

Первая – нет своего патронного производства. Точнее, оно есть, но малое, слабое и потребностям дня не соответствующее. Как-то так получилось, что, в отличие от Тулы, где патронный завод есть, как и оружейный, у нас патронного завода нет. Да, мы сейчас меняемся с Барнаулом, но этот поток могут перекрыть, и рассчитывать на него в случае серьезной заварухи не стоит.

Вторая – нет своей армии.

Беленко, наш главный армейский спец, при этих словах скептически

ухмыльнулся.

– Нет армии, – настойчиво повторил я. – У нас есть охрана караванов, есть внутренки, и все. Против мотострелкового полка на технике это ничто.

– Где ты возьмешь сейчас полк на технике? – насмешливо спросил Беленко. – Перегрелся?

Синцов, сидевший во главе стола, дал знак продолжать.

– Полк возьмется – хоть сводный. Если договорятся. Уголовники – частью тоже отслужили, верно? В центре – часть воинских частей уцелела. Рано или поздно они начнут думать, что им делать. Уже думают. Власти нет, закона нет, присяги нет. Будет то же, что в Афганистане в девяносто втором – тупо сядут на землю, превратятся в полевых командиров тире феодалов. Начнут разбираться сначала друг с другом. Потом расширять зоны влияния. А действующие оружейные заводы – лакомый кусок любому. Вкупе со всем остальным работающим – возможно, самый лакомый на всем постсоветском пространстве.

– Не очерняешь? – спросил Синцов.

– Нет, Виктор Васильевич. Скорее наоборот. Цивилизация рушится намного быстрее, чем создается. Вспомните Украину – как быстро там прошли от митингов до того, что начали хреначить из танков по Донецкому аэропорту и концлагеря создавать. И ничего в душе не дрогнуло, совсем.

– В Луганске, – решил не тянуть кота за одно место я, – есть Луганский патронный завод. Причем он производит не только патроны самых ходовых калибров, он производит и оборудование для производства патронов. Причем массового, а не как у нас. Роторные патронные линии полного цикла производства. Под самые ходовые калибры. Вот это вот все мы и должны получить, если хотим выжить. Купить, забрать, отбить – как угодно. Второе – это армия. Там же. Ростов и прилегающие к ним Донецкая и Луганская области. Надо узнать, что там. И говорить не только за патроны – но и за армию. Хотя бы часть. Переселить сюда, на любых условиях, уцелевших людей – с боевым опытом, с семьями, с техникой. Если удастся и первое и второе, тогда клали мы и на Нижний, и на Москву, и на всех в радиусе две тысячи километров в любую сторону от нас.

Все молчали. Потом Синцов спросил:

– Почему на две тысячи?

– Да к слову пришлось. От Ижевска до Луганска – тысяча семьсот. Но это по карте, а по факту – километров триста, если большую часть пути идти по воде. И так же, по воде, мы сюда все и поднимем. И оборудование, и людей, и технику. Все, что есть.

По третьему вопросу проголосовали нейтрально – поручить дополнительную проработку, составление ТЭО^[1]. Все лучше, чем ничего.

На выходе – зазвонил телефон, это был Димыч, мой знакомый опер из УФСБ. Теперь он уже начальник управления.

– Задержись в здании. С тобой поговорить хотят.

О как. Ведь даже тут знают...

Ладно...

Потусовался минут пятнадцать, потом ко мне подошел один из прикрепленных.

– Дьячков?

– Он самый.

Прикрепленный кивнул и пошел по коридору, я пошел за ним.

Синцов ждал в одном из кабинетов управления госзакупок, пустом. Он пил кофе, самый простой, три в одном из пакетиков. На столе кипел чайник.

– Присаживайтесь...

Глава Республики. Де-юре первый среди равных, но де-факто...

Знаете, пословица о том, что лучше стадо баранов под водительством льва, чем стадо львов под предводительством барана, – она верна. Свалившаяся на нас подобно тонне кирпичей с самосвала «Катастрофа» заставляла нас переосмысливать и переустраивать свою жизнь совсем по-другому. Раньше как – тупо делали то, что должно делать, то, что все делали, то, что делали всегда. Собирали налоги, большую часть отправляли в центр. Приходил госзаказ – работали. А сейчас никто просто не знал, что и как делать. Как хочешь, так и живи.

И мы жили.

И еще одно. Я ведь покатался по разным местам, посмотрел, что делается. Там, где во главе всего стал бизнер или бизнеры, там по факту образовались в лучшем случае королевства, в худшем – рабовладельческий строй. Человек ведь слаб. И падок. Бизнесмен – он в своей фирме как маленький царь, хочет – милует, хочет – карает, демократии в ней нет. И когда он выходит на уровень управления территорией, анклавом – думаете, он будет про закон вспоминать? Да на фига ему это.

Вопрос бывает лишь в том, кто и как далеко готов пойти. Многие, как оказалось, готовы были пойти на очень многое.

Так что выбрали Синцова правильно. Очень правильно.

– Александр Дмитриевич...
– Расскажи, как ты оборудование повезешь.
– До Волги – либо на колесах, либо по рельсам. Там перегрузим на баржи.

– А договариваться в Луганске как будешь?
– Как получится.
– И, думаешь, согласятся? Их же патронный кормит. Думаешь, они конкурента себе создадут?

– Все имеет свою цену.
Я не понимал, что Синцову не нравится.
– То, что ты собрался патронные станки сюда везти – это без вопросов, тут тебе и доля выйдет и звание Героя Соцтруда. Как раз и «Буммаш» загрузится – там ленту будем делать^[2]. Вопрос в другом – где ты ее ставить будешь.

Я сделал удивленное лицо.
– Как где? Четырехсотая площадка, там как мотоциклетное накрылось, там дерьмо одно, ничего нормального нет – какие-то арендаторы, мать их. А там и ветка подходит, и охраняемая территория, режим запросто можно восстановить, и кран-балка подходящая, и фундаменты под станки. И оружейка рядом.

– В том-то и дело, что рядом.
О как! Я и не подумал. Политика.
– Александр Дмитриевич... – недоуменно сказал я. – Я не политик, я производственник. И в мыслях ничего не было.
– Да как сказать.

– Ты у Новосельцева был?
А вот это я пропустил.
– Был.
– И о чем был разговор?
Вот это я точно пропустил. Отношения между ФСБ и МВД всегда были напряженными. И сейчас они лучше не стали.

– О политике. – Я решил говорить честно, но не до конца.
– О какой?
– Новосельцев говорил за Новгород. Вы мою службу вкруговую пустили, вот он и заинтересовался.

Вот теперь я понял, в чем суть. Если брать расклад тех, кто спланирует возле группировок МВД и ФСБ, – то я однозначно отношусь к ФСБ. Просто так исторически сложилось. И мой визит к Новосельцеву теперь

вызывает вопросы.

На которые должны быть ответы.

– Генерал Новосельцев превратно понимает... скажем так, потребности исторического момента, – решил говорить правду я. – Он решил, похоже, положить под себя весь Новгородский торг, а по сути, и весь Новгород.

Я смотрел на Синцова – поверит или нет. В правду, кстати, поверить труднее всего, потому что лжец – он заранее все рассчитывает, подгоняет одно к одному. А правда – она часто бывает безумной.

Синцов покачал головой.

– Придурки...

– Что конкретно он говорил?

– Да то же самое, что и я. Или мы их – или они нас. Только он предлагает не ждать и наносить удар первыми.

– Вот придурок. Что за люди. Жрать готовы и глоткой, и...

Синцов резко замолчал.

– Ты ему что-то обещал?

– Нет.

Синцов какое-то время молчал, потом резко махнул рукой.

– Ладно, давай. Патронный завод нужен все равно, а где его поставить – дело второе, разберемся. Давай, делай.

– Есть, – по-военному ответил я.

Признаки того, что дело было швах, были уже в тот день, но я, окрыленный тем, что у меня, может быть, будет свой завод, что я буду уже в доле с республикой, внимания на них тогда не обратил. А напрасно.

Ижевск, бывшая Россия. Улица Удмуртская

Девятьсот тридцать четвертый день Катастрофы

Після дощу висохла ніч, вітер погас.

Ми не одні, ми не живі, виключіть нас!

Ти, як завжди, дивишся вниз, довго мовчиш.

Так не сиди, вимкни CD, ти ж не гориш!

Океан Эльзы

Ночь переспал со своими думками, а утром пришло время собираться в путь-дорожку. Делать то, что задумано.

Собраться в путь – это сейчас не как раньше: вещи в сумку скидал и побежал. Это сновной, оставшийся от старых времен костюм – горка в мультикаме. С виду ничего особенного, но он на меня пошит, с запасом, – а на меня пошить сложно из-за габаритов. Да еще он под подшив кевларовый. Под него – гражданское белье (но не трусы, а трико обтягивающие, без швов, это мы уже прохавали), а в сумку – хеликоновское, первый и второй слои.

В сумку же – британский полицейский комбез, черного цвета, с капюшоном. Он сделан для полка 22САС, настоящая Великобритания, куплен мной новым, когда доллар меньше тридцати стоил (когда же было это). А на себя – кевларовый костюм. Этот костюм относится к рабочей одежде, их в Ижевске было много, потому что они используются на сталелитейном производстве. Комбез плюс кевлар – стопроцентная защита от мертвяков, проверено не раз. В Казани, где нам надо было производство оптики, меня укусили два раза. И, как видите, жив. И остальные живы.

Казань... зря вспомнил, лучше такое не вспоминать. Как вспомню ту толпу мертвяков на проспекте Туполева, так до сих пор не по себе. Город просто погиб, уцелели там немногие. Почему? А потому, что когда кто-то в Казани хотел купить себе ствол – законный гражданский ствол, – его вызывали в ментовку и начинали лечить. Если переубедить не удавалось, заставляли заключить договор на пультовую охрану квартиры – совершенно незаконное требование, кстати. Итог... когда заходили в Казань, у меня был АКМ. А к нему – не поверите – тридцать четыре рожка. Из них двадцать от РПК, я часть набитых рожков носил в сумке – даффлбэге. Когда отстрелялись на Туполева и ушли – полрожка у меня осталось. А комок весь в поту, хоть выжимай. Нас бы там разорвали просто, ничего бы не спасло.

Две пары обуви – просто британские из толстой кожи и альпинистские, «Шершень», они со стальным носком, а кожа там такая, что ни крыса, ни собака, ни человек не прокусят. В сумку же – десять снаряженных рожков от РПК-74, я сейчас на 5,45 перешел – толковей он, и боезапас позволяет больше носить. И четыре шестидесятки, четырехрядные – у нас им не доверяют особо, но иногда надо. Еще одиннадцать автоматных тридцаток – в поясную систему, три с одной стороны и восемь с другой, там паучеры сдвоенные. Много – не мало, я по

командировкам покатался, и Набчелны, и Нефтекамск... хватило.

В рюкзак – помимо пачек с патронами, медицины какой-то – еще и винтовку. Винтовка новая совсем – «Барс», переделанная на боевую снайперку. Калибр пять и сорок пять, ствол немного короче, чем на гражданской, нарезка под автоматный глушитель. Самый цимес здесь приклад. Он сделан под американский McMillan, то есть складной он – но при этом полноценный приклад боевой винтовки. Винтай – блеск. Патрон – тот же, что и у автомата, думать особо не надо: есть отборные – стреляешь отборными, нет – зарядил то, что есть, и стреляй. УС^[3] – запросто. А у пять и сорок пять – траектория во многом с пулеметным совпадает, переучиваться на нее легко. До четырехсот метров она кроет СВД практически в любой ситуации. Еще одна моя снайперка – «Рем-700» – на заводе в кабинете лежит, там и заберу. Ей уже на тысячу можно работать.

На пояс – ПБ, мне как депутату Горсовета (на Госсовет я не пошел, светиться не хотел) выделили из старых запасов настоящий ПБ, не ПМ с глушителем. И четыре магазина к нему, в том числе два длинных, на четырнадцать. Это недавно делать приспособились.

В другой карман – револьвер «Таурус», шумовой, переделанный опять в огнестрел. Он маленький, легкий. Из кармана можно стрелять. Его носило все руководство города, и у него было мрачное прозвище «упокоитель». Если не уберегся, укусили – то лучше самому...

В отдельную сумку – «коротыш» и все, что к нему: бандольеры, коробки с патронами. Это не АКС-74У, как вы могли подумать, это другое. Перед самой катастрофой «Ижмех» совместно с «Техкримом» разрабатывали комплекс оружия – патрон двенадцатого калибра, но с короткой гильзой. Они короткие, длина гильзы всего сорок четыре с половиной, но для самообороны больше и не надо. В мой «Моссберг» таких влезало тринадцать штук, я проверял, но там проблемы с перезарядкой иногда были. А если брать ружье специально под этот патрон... они как раз только производиться и начали. Сейчас уже никакого закона об оружии нет – я взял стандартное ружье, укоротил стол, поставил складной приклад и фонарь с лазером. Десять патронов при габаритах почти пятизарядного. По собакам, по крысам, в машине держать. Самое оно.

Ну и скрытник с плитами от «Гранита», размер 3. Вроде все.

Зашла Элина... глаза на мокром месте, но держится. Как может. Как-то у нас с ней закрутилось все... Я ведь человек тяжелый, если честно. Не подарок. Но в нашем мире сейчас нельзя одному.

Нельзя.

Если вспомнить... я ведь ее – не поверите – в карты выиграл. Первый год Катастрофы, моя первая ходка на новгородский торг и дальше. Людьюми торговали уже вовсю, бабами особенно. Ставки высокие были, с зон всякая мразь массово откинулась, авторитеты. Да и просто люди озверевать начинали. Студентка из Москвы, с семьей неизвестно что, чудом выбралась из города, потом попала в руки какой-то группировки... стремящиеся, мать их. Те уже соображали, что самых красивых, чем пустить по кругу, лучше попробовать продать, по кругу можно пустить и тех, кто поплоче. Мразь... вот кого я никогда не любил – это блатных. Еще со школы, с некоторых моих одноклассников, которые уже свой путь тогда выбрали и по нему шли, пальцы кидая и утверждаясь на тех, кто слабее. Не любил. Дела имел, с некоторыми в деснах, но – не любил. Гниль это человеческая.

Короче, патроны у меня были, деньги тоже, цену за нее я дал, тут нарисовался какой-то авторитет, из нацменов, с пристяжью. Если бы не рынок, стрельба бы началась, но на рынке нельзя, за такое если и не пристрелят, то вышибут навсегда. Дошло до того, что решили играть – этот урод стремящийся и предложил. Я согласился – в подкидного, до трех побед. И новыми, чистыми картами, а не той библией, что у них на кармане. Сели. Я три раза подряд выиграл. Авторитет не поверил, хотя вопрос был снят, и я об этом конкретно заявил. Четвертый раз раскинули – я четвертый раз выиграл. Со мной, кто знает, ни в подкидного, ни в преферанс, ни в любую игру, где расчет нужен, а не просто удача, не садится. Авторитет начал бычить, но тут его конкретно люди не поддержали, для любого блатного карты святы, проиграл – плати.

Так у меня появилась Элина. А на заводе мне потом за эту игру так вмандюрили...

Сунула мне пирожки, я уложил поверх всего, у самого клапана рюкзака – чтобы не искаться.

– Присядем?

Она села на кровать, я на стул. Глупости, типа все двери закрывать, я не говорил – и так знает. Береженого бог бережет, как говорится... я, как началось, все двери в квартире поменял на стальные, с замком, на окнах решетки, в двух комнатах – сейфы, там и АКМ, и «Вепрь-12», случись чего – она этим пользоваться умеет, я научил. Но все равно не по себе. Мне.

Ей, наверное, тоже.

– Надолго?

– Постараюсь побыстрее. Все помнишь?

– Ага.

Я ее научил... многому. Если к ней кто-то придет, к примеру, скажет,

что от меня и что надо куда-то поехать, – она не поверит, потому что мы с ней договорились об определенных словах. Не поверит и начнет действовать.

Куда я еду – я не говорил. Она научилась не спрашивать. Все равно не отвечу. Говорю же – тяжелый я человек.

– Вернешься?

Я только усмехнулся... сейчас это не такой простой вопрос.

– Жди, и я вернусь, – процитировал я Симонова, – только очень жди...

Я посмотрел на часы – и тут же с улицы раздался знакомый сигнал: служба, с завода. Это по мою душу...

До завода меня домчали с ветерком.

Конвой понемногу уже формировался, занимая всю улицу Дерябина – от пятой проходной и до самой плотины. Обычные фуры, не как раньше – сейчас проще со всем, оружие – такой же товар, как жратва, и даже понужнее. Все головы^[4] – импорт, «Скании» в основном. Почему? А потому что «КамАЗы» мы бережем, с ними с ремонтом можно решить – а с этими как решать? Пока бегает – пусть бегает.

Я пошел в здание заводууправления. В кассе – чтобы два раза не ходить – получил под отчет два «Лимона» новенькими, хрустящими купюрами и разменки двести тысяч. Откуда у нас новенькие, хрустящие купюры? А мы на Красногорскую фабрику Гознака мотнулись и всю продукцию оттуда вывезли – а заодно и спецбумагу, и краску. Деньги все равно хоть какие-то нужны, так, не все будешь патронами платить. А от добра добра не ищут – почему бы и не такие, как были?

Это касса. Дорожная. Мало ли.

Рюкзаки наверх тянуть – сил не было, да и смысла. Оставил на охране, поднялся в бухгалтерию – расписываться за матценности.

В бухгалтерии – неистребимое бабье царство, разговоры и острый интерес к мужикам. Оно и понятно, это раньше можно было рожу кривить, а сейчас как в войну. Нет мужика – ничего, считай, нет.

Вон и Катя сидит.

Подходить не стал. Потому что гад я и сволочь. В молодости не думаешь ни о чем, наше дело не рожать. Даже какой-то азарт появляется. А потом – вот такие вот встречи остаются. И сосущее душу чувство вины перед человеком.

Город-то маленький. И завод...

Так, все. Еще разъехаться перед дорогой не хватало.

Зашел к замглавбуха, там уже сидел лысый, похожий на бандита

молодец. Но вы на внешность не смотрите – добрейшей души человек.

– Витя, ты сегодня?

– Ага, Александр Вадимыч. Ваши уже в порту.

Все правильно. Тише едешь – шире морда. В городе много кто может быть – лучше, чтобы не видели.

– Знаю. Ну чего?

Из принтера выползают горячие листы накладных.

– Сверять будете?

– А как же...

Мы с Витей перемигиваемся. Социализм – это учет и контроль.

– И вниз спустимся, пару контейнеров проверим.

Беру карандаш, начинаю отчеркивать.

Груз – стандарт, такой же на Новгород идет. Снайперские болтовки и эсвэдухи. Глушаки на автоматы и на винтовки, заводской тюнинг, из железа и пластмассы. Немудреный ЗИП на автоматы – пятые и седьмые. Все, что необходимо для жизни в новом, плохо приспособленном для жизни мире...

Дальше – почти два часа угробили – считались, пару контейнеров вскрыли, чтобы вложение проверить – все норм, сейчас желающих поворовать меньше стало, потому что разговор короткий: на торф, а если повторно – то к стенке. Тюрем нет сейчас, и я считаю – правильно, бессмысленно это. Когда началось – мы проехали по колониям, поговорили с начальством, с контингентом, сказали – мол, так и так. Времена другие стали. Кто хочет – остается и работает на промке, кто по тяжким статьям – едет на торф. Будем смотреть, кто как работает: если честно работает, искупает вину – значит, исправился человек, и принимаем в члены общины, потому что рабочие руки везде нужны. Если опять за старое – к стенке, потому что времена не те, чтобы миндальничать. Ну а кто хочет – тот тупо берет и валит: до границы республики подвезем, а дальше живи как хочешь. А в двух учреждениях на торф отправили начальство, потому что людьми надо оставаться, и когда у зама по режиму трехэтажный коттедж, это не дело. Надо сказать, что оправдало – эксцессы были, но мало. Большинство эков вкурили, что происходит, и решили жить честно – кто стройкой заниматься начал, кто лес валить, кто на завод попросился, кто на земле осел. А один оказался изобретателем, причем неплохим – сейчас у нас на заводе два станка уже новых изобрел, и это не считая более мелких рацпредложений. Сидел, кстати, за тяжкие телесные – по глупости, по пьянке. А пил потому, что не было жизни.

Смешно, да? Не было жизни. А сейчас есть. Обхохочешься.

Короче, подписал я документы, потом сел в головной «Патриот»,

мешки назад побросал. Там остальное без меня...

Через пятнадцать минут тронулись.

От завода дорога с плотины ведет круто в гору, да еще с поворотом. Слева – фабрично-заводское, справа – сельхозакадемия, оба заведения работают, потому что и там и там знания нужны. Дальше – поворот на Максима Горького, старую узкую улицу. ГАИ перекрывает дорогу, кажется, что под колесами двух десятков машин дрожит земля...

Первая остановка – у Южной автостанции, там хладокомбинат и завод минеральных вод. Оттуда еще четыре грузовика пойдут. Понятное дело, что не с минеральной водой, а с водкой. Водка сейчас – такой же товар, как и все, и, можно даже сказать, стратегический, на нее много что и много кого купишь. А я покупать умею. И не до сантиментов сейчас, важно выживание анклава, сообщества. Любой ценой...

Повернули, прошли пост ГАИ – он на взгорке, там сейчас крепость, как в свое время на трассе «Кавказ» – три этажа и бэтээры, потому что на несколько километров все простреливается. Все, из города ушли. Теперь мы сами по себе...

Дальше рассказывать особо нечего – идет караван и идет. Среднерусская равнина – перелески, деревни. От времен оных отличается только тем, что лошадок много стало, у крестьян – ружья, а у кого и автоматы, и у многих грузовиков и тракторов кабины сеткой-рабицей затянуты. А так – все то же самое. Стрелять в нас никто и не думал – тут не Подмосковье, это там во весь рост шмаляли. Да, наверное, и сейчас шмаляют.

После девяносто первого года мы в отличие от многих соседей сохранили сельское хозяйство. Тут интересная история – был у нас президентом почти два десятка лет некий Волков Сан Саныч. В городе его не признавали и ненавидели – для города он не делал ничего. Он два раза шел на прямые выборы и два раза в городе проиграл – первый раз мэру Салтыкову, второй раз главе правительства Ганзе. Выигрывал он всегда за счет глубинки – там за него всегда было семьдесят процентов голосов, не меньше. И в глубинку он валом валил. В свое время собрали всех председателей и сказали: кто вырежет скот, сядет. Найдём, за что посадить. И это не шутки были. Так что Удмуртия внезапно стала очень сельскохозяйственным регионом. Но когда объявили санкции... помните еще, что это такое – эта ставка сработала. А сейчас и подавно. Нам ничего закупать не надо – есть все. Свое...

Сделали короткую остановку в Сарапуле, сходили, покушали.

Дозаправились, кому надо. Я купил на дорогу круг голландского сыра – настоящего, из молока, а не из заменителей жира и белка. Съедем...

Зашли в Камбарку.

Камбарка – это самый маленький город Удмуртии, но одновременно один из самых успешных сейчас. Его главный актив – порт на Каме, его до Катастрофы активно расширяли, потому что вместе с Китаем планировали здесь делать логистический хаб. Но он и до этого неплохим был, порт Камбарка – это самая крайняя точка, куда могут доходить суда класса «река – море». Плюс два серьезных завода. Один производит весь узкоколейный транспорт и автомотрисы – это грузовик на колесах либо пассажирский автобус. Есть еще и тепловоз – он изначально как малый маневровый для предприятий делался, для внутризаводских путей, а сейчас стал самым востребованным, там, где еще движение сохранилось, его с руками рвут. А ну-ка – вместо тепловозного дизеля там стоит самый обыкновенный, можно от «МАЗа» поставить, можно от «КамАЗа» – расход у него посчитайте и прикиньте, насколько проще ремонт. А так – он без крутых подъемов состав в восемь-десять вагонов нормально тащит, не задыхается. И автомотриса – это как автобус на колесах, и тоже под «камазовский» движок. Сидячих мест десятка три, есть вариант для бригад – там нары, восемь спальных мест и кухонька.

Плюс к этому – здесь до Катастрофы производили пилорамы (насколько сейчас это востребовано – надо говорить), насосы, задвижки, металлические сейфы, снегоочистители, садовый инвентарь. Почти все это – сейчас на любом базаре только так уходит. Без айфона проживешь, а вот попробуй прожить без лопаты...

К тому же рядом был объект по уничтожению химоружия, там военных много было, общаги для них построили, жилье новое и больничка – какая далеко не в каждом райцентре есть, ее на федеральные деньги и на какие-то американские вроде бы субсидии строили. И порт свой – можно по Волге сразу в Новгород грузы отправлять. Так что говорить вам, как сейчас тут жили, я не буду...

Не забывая про правила вежливости, мы на подходе установили связь, оборались. В смысле, по рациям, не голосом. Выехал встречать торговцев сам Забродин – он полковник российской армии, занимался как раз уничтожением химоружия. Его сейчас главой местного самоуправления и избрали, а директор машиностроительного – депутат Госсовета.

Забродину тоже не чужд был шик – встречать он нас приехал на «Шеви Субурбан» последней модели... ну, знаете, в сериалах перед

Катастрофой они часто мелькали как правительственные модели, на них все правительство США ездило. Видимо, из Новгорода обратным рейсом привез, в качестве понтов. Сам он переоделся в мультикам, на поясе – дорогушая «Гюрза» (она в Кирове^[5] мелкими сериями делалась, за ее цену можно было двадцать «ярыгиных» купить, и с патронами проблемы были), на боку – короткий МА. Это тоже показатель определенного статуса в республике: их освоить не успели, делали мелкими сериями в КОЦ, продавать не продавали – только офицерам, не ниже майора, депутатам горсоветов и Госсовета, мэрам, директорам и главным инженерам заводов. У меня его не было – баловство одно, я по командировкам, а там его величество «калашников» рулит.

– Вадимыч...

– Виктор Васильевич...

Вот... не знаю, почему – не нравится мне этот полковник. Не нравится, и все тут. Сказать про него что-то конкретно плохое я не могу – но не нравится. Не нравятся, например, мне его молодцы из охраны – он всех их из Кировской области набрал из ГУИН, охраны лагерей, все они здесь чужие, не местные. Очень не понравилось, как он один раз на заседании Госсовета сказал – я сталинист.

Дело, конечно, его – но...

– По маленькой на дорожку?

Я отрицательно покачал головой.

– Ну да, ты не пьющий. Вы меня с шашлыка сорвали, я несколько палок взял. Угощайся...

Уже несли палки. Шестерки его.

– Далеко идете?

– На юг, – не стал конкретизировать я.

– На юг – это хорошо. С вами товар можно отправить?

– А чего нет? Если только места хватит.

Забродин засмеялся.

– Да у нас не так много. Просто, если вы на юг идете, то мы с вами. Посмотрим, что там и как, не все же в Новгород кататься.

Мы с вами...

Забродин вдруг оборвал смех, лицо его стало серьезным.

– Раз уж ты тут, давай про Новгород перетрем. Тебя их движ не напрягает?

– Какой движ?

– Да смотреть стали на нас что-то косо, так?

Я не отреагировал...

– Ты же понимаешь. Мы для них в перспективе конкуренты.

Я пожал плечами:

– Какие же они конкуренты? Они торговлей живут. Мы – производством. Если они будут на производителей наезжать – кто к ним на торг поедет?

– Да так-то оно так. Только ты сам видел, что там за люди – крысье в основном. Блатари из-под шконок повылазили, а где не блатные, там менты. А менты, ты сам знаешь – еще хуже. У них же кровь из зубов идет, когда они видят, что где-то реальное, живое дело – а им никто не отстегивает. С...и.

Правильно. Все правильно, Виктор Васильевич. Только я все равно не верю.

– Сюда они вряд ли дойдут. А дойдя... ну сколько они тут войну вести будут? Сколько их поляжет? Как они снабжение организовывать будут? И почему бы им не перегрызться между собой – а они все друг на друга косо смотрят. Не проще ли им жить торгом?

– Да как сказать... по уму-то, конечно, проще. Но... я, кстати, слышал, на президиуме уже был разговор.

Опа!

А вот это ж...

Это кто это проболтался? Скорее всего, Широбоков, с Сарапула. Надо было его еще тогда гнать. Он только заступничеством Вересенина, премьера, на своем месте остался, мол, кто из нас не грешен, да и жизнь сейчас такая – иногда выпить надо. Да и Широбоков район держит, все у него работает – хоть и выпивает, а дело знает. Вот с этим я не был согласен. Одно дело – рюмку-другую пропустить, если событие какое, или по делу посидеть. И совсем другое – через день да каждый день квасить. Если мир по звезде пошел, хуже войны, а ты не можешь взять себя в руки и слезть со стакана – грош тебе цена и как человеку, и как руководителю. А по пьяни можно многое сболтнуть.

Я ничего не ответил. Вообще не отреагировал.

– В порту все штатно?

– А что там делается. Слушай... ты оружие везешь?

– Да.

– Не в службу, а в дружбу – продай сколько-то. У нас тут охота, а гладким все не наохотишь. И в Ижевск не наездишься.

– У меня под отчет.

– Да брось. Все оформим, заплатим, как положено, через администрацию.

Я прикинул, что к чему.
– Кое-что продам. Из обменного. Но немного.
– А нам что есть, все дай. И все будет мало.
Не верю.

Короче, продал я Забродину десять карабинов с глушаками, патронов, часть денег тут же и отдал – за обработку грузов в порту. Остальное оприходовал. Тронулись, почти сразу вышли на порт.

Там уже шла погрузка.

Две баржи, по две тысячи каждая – небольшие, самоходные. Погрузка сразу контейнерами шла, кранами. Там же, на причале, собралась и моя группа. Кто-то даже заигрывал с какой-то дамой в робе – крановщица, что ли.

Нашли время.

Команда собиралась постепенно, люди в ней разные, но всех я знаю давно. Кто-то до Катастрофы служил, кто-то на фуре колесил по России-матушке. Но теперь профессия у всех одна – экспедитор.

По нынешним временам приравнена почти что к спецназу.

Что должен уметь экспедитор? Должностную писал я, профессия гражданская, хотя уже просто экспедитор – приравнивается к начальнику цеха. Экспедитор должен знать правила безопасности на замертвяченной и контролируемой бандитами территории, уметь стрелять и вести боевые действия в одиночку и группой, уметь водить грузовик и локомотив, знать устройство порта и суметь при необходимости справиться с краном, знать блатной жаргон и уметь вести себя при разговорах с блатными, знать цены на основные товары и уметь договариваться и торговаться. Наконец, быть образцовым в моральном отношении, не шлаться по борделям, не курить и не пить, если предложат, потому что проблемы начинаются чаще всего с этого. Спить и тиснуть товар или подсунуть сигу с наркотой – запросто.

И таких людей я подобрал.

Обучились всему просто: каждый, что умел, тому учил всех других. Если чего-то не умел никто – искали учителей и учились. Понятно, что зарплата у всех соответствует риску... кроме того, я закрываю глаза на все гешефты и все проступки. Понятное дело, что, кто ходит в Новгород, тот бедным человеком не может быть по определению. Правила три – не крысить, не делать ничего, что подставило бы всю группу, и не зарываться. Жадность фраера сгубила – слыхали?

– Пацаны?

Со всеми обнялись. Представлять сейчас никого не буду, потом по ходу

познакомитесь.

– В столовку идем, там поговорим. Жека, останься, присмотри за грузом. Твою порцию мы тебе принесем.

– Ага.

Жека, понятно, был недоволен – но он самый младший из всех. Пусть привыкает.

Одной из давно забытых и теперь к общему удовлетворению восстановленных традиций были снова появившиеся рабочие столовки.

Появились они и потому, что большую долю взаимоотношений в экономике теперь занимал натуральный обмен, и потому, что куда-то ходить и перекусывать сейчас опасно по определению, даже у нас. Так что лучше питаться на работе.

Столовка была, как и положено рабочей столовке, грязной, но вкусной. Сегодня была уха, взяли по порции ухи, на второе – картошка с мясом, по две порции враз взяли. Это крайний раз, когда мы едим по-человечески – дальше неделями на сухомытке да «чем бог послал». Я выставил на стол бутылку «сарапульской» – на всех, чисто символически. В рейсе сухой закон. И это не шутки, все знают – чего я не терплю, так это расхлябанности и самооправданий. Не можешь себя в руках держать – иди грузчиком работать.

– Так, пацаны, – сказал я, – сами понимаете, юг – это не Нижний. Готовы все?

– Так точно, – ответил за всех Саня-ВВ. Он мой тезка, краповый берет. В нашей группе – своего рода сержант, он за войну отвечает, в то время как я – за коммерцию. Но он и коммерс неплохой. С типично солдатской наглостью – заберет и спасибо не скажет.

– Я всех хочу услышать. По кругу.

Все, один за другим, подтвердили готовность.

– Тогда я вам скажу – не готов я.

– И никто не готов к тому, что нас там может ждать. Как вы знаете – мертвякам проще жить там, где тепло и где мало естественных препятствий. На равнине, то есть. И это как раз юг – там даже зимы нормальной не бывает. Потому – понты все в сторону, мол, мы в Новгород двенадцать раз ходили, что ты хочешь, студент. Оружие при себе, броник носить, вахты стоять, как положено. Поодиночке даже посрать не...

Юга я боялся. По двум причинам. Первая – мертвяки. Вторая – живые. Которые там могут быть – очень специфическими.

Что стало с Чечней или Дагестаном? Полно стволов плюс сложный

рельеф местности и много сёл. Если все или почти все выжили – чем они займутся? Объяснять надо?

И, значит, они могут столкнуться с нами. Или мы с ними.

– ...Еще одно. Если будут даги или чехи – думайте, что говорите. Им совсем не надо знать, что тут у нас и как. Еще гостей накличем.

– Понятное дело, – ответил за всех ВВ.

– Хорошо, если понятное.

Доели. ВВ поймал мой взгляд, кивнул. На выходе мы свернули в сторону.

– Ну?

– Шеф, тут дело...

– Дома, что ли, проблемы? У кого?

– Да нет, не это. Я типца одного за приметил. На причале болтался.

– Какого типца?

– Да так, с Москвы одного. Гнилого донельзя.

– И что этот типец?

Договорить мы не успели – рядом со столовкой остановился «КамАЗ», и какой-то неумеренно веселый парень (судя по его лыбе) спросил:

– А Дьячков не вы случайно?

– Вообще-то вполне закономерно, – ответил я, – паспорт показать?

– О, здорово. А меня Павлом звать, я от горадминистрации экспедитор. С вами в рейс иду.

– Куда идешь?

– Ну, в рейс. Я от Виктора Василича.

Принесло еще одного идиота...

– Саш, – сказал я, – выдели кого-то инструктаж с молодым человеком провести. И с грузом разберитесь.

– Есть.

Бывшая Россия. Камбарка – Кама – Волга

Девятьсот тридцать пятый день Катастрофы

Дальше была погрузка, тут особо рассказывать нечего, героического мало, вира-майна, портовые краны и оборудованный причал, это тебе не в Тьмутаракани какой-то. Часть товара шла в контейнерах, но часть – в специальных сумках, на две тонны, которые и ворочать проще, и продавать, – а сумки эти изначально предназначались для цемента насыпом. Мы поставили вахту – в порту, даже в своем, держи ухо востро, –

а остальные занялись погрузкой своей техники и закошмариванием временного члена нашей команды. Ну, это обычное дело для экспедиторов – если не кошмарить, то в экспедиторы всякая шваль ринется и престиж профессии упадет.

Грузанулись уже ближе к вечеру, и надо было выбирать – идти или ночь ночевать в порту. Я выбрал идти – на воде переночуем, да и неохота стоянку лишний раз оплачивать. Тут расчет по концу светового дня.

Короче, буксир нас оттянул на реку – тронулись.

Суда, кстати, у нас были новые – с еще одного спасшегося завода. Вятско-полянский куст – там, на реке Вятке, помимо ВПМЗ «Молот», который делает отличные карабины, винтовки, автоматы и пулеметы, буквально в нескольких километрах ниже есть Сосновский судостроительный завод. Тоже уцелел – благодаря тому, что глушь глушью и оружие рядом. Продукция его – патрульные таможенные катера, разъездные теплоходы, водолазные боты, баржи. И это не говоря о мелких лодках с подвесным двигателем типа «Нептун» и «Вятка». Катера самые простые и примитивные – стальной корпус, движок от грузовика. Но такие сейчас в самой цене. Выжил этот завод и люди, на нем работающие, просто – глушь глушью, но телевизор есть, и информация о том, что происходит, дошла до них раньше, чем зараза. Ну и на другом берегу, буквально в нескольких километрах, Вятские Поляны – я уже говорил.

Перед Катастрофой у них там в Сосновке было два судна снабжения для Камчатки с высокой степенью готовности – это универсальное судно с собственным краном: к любому берегу пристанешь, что надо, то и погрузишь-выгрузишь, прямо с машины или на машину. И самая крупная их продукция – самоходное судно речного класса, дедвейт три с половиной тысячи. Основной класс сейчас что на Волге, что на Каме...

Судно снабжения мы выторговали в Сосновке за дикие деньги, оно у них одно из двух было, и они понимали, что собирать столь сложную технику сейчас они вряд ли осилят, – и потому торговались по-взрослому. Но и было за что – осадка у него мизерная, в носу аппарель, как на десантном судне, рубка высокая, пулеметы там запросто ставятся. И на борту – кран с вылетом стрелы двадцать метров и грузоподъемностью семь тонн. Надо тебе – не швартуя к берегу большой баржи, погрузил, что тебе надо, с нее, перевез на берег, продал. Загрузил купленное – и опять на баржу погрузил. Надо – высадился, причем на любой берег, и не на своих двоих, а на технике. Сломалась баржа – ты ее отбуксировал. И автономность у этой посуды неплохая – она рассчитана на снабжение нефтяных платформ, может долго в море болтаться. Короче говоря, всем

она хороша, и окупается с гарантией.

В Сосновку, кстати, можете не мотаться, Госсовет и второе выкупил, причем с договоренностью, что если они еще одно возьмутся строить, то первым предложат нам...

Уже под самый вечер подошли к Нефтекамску. Там грузились нефтеналивные баржи с дебаркадера, смешно – но порт начали делать только после Катастрофы, когда стало понятно, что речные пути самые безопасные и хорошо живет лишь только тот, кто рядом с рекой и может торговать по ней. Я связался с администрацией порта, известил, что мы тут переночуем, мы включили стояночные огни – и через десять минут подошла моторка. Невысокий интеллигентный человек средних лет перебрался к нам на борт.

Это был капитан рейда, звали его Марс, отчество у него было татарское, но такое сложное, что все называли его Марс Геннадьевич. Порт был его детищем, он построил его, закупил и поставил понтоны, бросил рукава с берега – чтобы город жил.

До Катастрофы он был частным предпринимателем в Казани, Катастрофа застала его здесь – иначе бы он погиб. Я уже упоминал, что было в Казани. Два миллиона жителей, куча туристов и международный аэропорт – в дни Катастрофы это был приговор.

– Вадимыч...

– Марс Геннадьевич...

Обнялись, я достал чекушку «сарапулки» и стаканчики. В наши дни настоящая водка – сама по себе подарок.

– Как дела у вас?

– Местами. Живем... если можно так назвать. Вчера монстра отстреляли.

– Порвал кого-то?

– Нет, успели.

Монстры... три года спустя они все еще большая проблема. В отличие от медлительных и оседлых мертвяков, они кочевые, могут перемещаться на десятки километров, если не сотни, и даже зима им не помеха – они просто забираются в подвалы брошенных домов и там зимуют. И их очень, очень трудно убить.

– У вас как?

– Вот, на юг пошли.

– Не в Новгород?

– А что мы там не видали?

Марс Геннадьевич поцокал языком.

– Сомнительное дело.
– В Новгороде уже спрос не тот. А внизу...
– Ну там-то да...
– Слышали что-то?
– Да как сказать.
– Благодарен буду.
– Благодарен... не туда ты идешь, Саша...
– Я легких путей не ищу.
– Ты не словами громыхай, – сказал Марс Геннадьевич, – а головой думай. Например, почему с юга к нам не ходят торговые караваны?
– Известно дело, со шлюзами проблема. Я сам еще ничего не знаю.
– Нет, проблем там таких уже нет. В другом дело.

– Кавказ там.
Кавказ... ну, Кавказ есть Кавказ.
– В наши дни – все люди, кто люди.
– Да нет, не скажи.
Марс Геннадьевич достал сигаретку, подкурился. Огонек рдяно тлел в сгущающейся тьме.

– Многие думают, что Кавказ делит людей на правоверных и неверных, но это не так. Ислам для Кавказа – не более чем повод. Один из. Поверь мне как человеку, которого в девяностые украли и сорок один день в зиндане продержали.

– Так даже?
– Так, так. Поехал, дурак, договариваться о поставках нефтяной арматуры на Грозненский нефтеперерабатывающий. Договорился... дурак.
– Как же вас отпустили?
– Как-как. Просто. Не знали, что татары – это не русские. Поймали наши пятерых студентов чеченских в Москве и сказали: не выпустите – пришлем домой в посылке, по кускам, собирать сами будете. Выпустили. Еще извинялись.

– Так вот, я им тоже, когда там сидел, пытался говорить, что и они, и я – мы мусульмане. Плевать они на это хотели. Они делят людей по одной простой категории: свой – чужой. Все остальное – пыль. Пустота.

– Свой – это тот, с кем ты родился в одном ауле. С кем вместе пас овец. Играл в одни и те же игры. Ходил в одну и ту же школу и делал гадости одной и той же училке. Переживал одни и те же неприятности и радовался

одним и тем же радостям. У кого одни с тобой родственники, хоть и в пятом колене. Вот это – свои, этих – нельзя. Всех остальных – можно, хоть ты десять раз «Ла илаха илла Ллах» скажи. Можно – и все.

– Я понимаю. Спасибо.

– Не жди с ними торга, ничего хорошего не будет. Они купят у тебя только то, что не смогут отнять. А купив, станут думать, как отнять в следующий раз.

– Спасибо за науку, Марс Геннадьевич.

– Бывай. Аллах да хранит тебя в дороге.

– И всех путников, что в пути.

Марс Геннадьевич в ответ на это ничего не сказал, а затушил в кулаке сигарету и стал пробираться к штурмтрапу.

Утром, еще потемну – мы снялись с якоря и пошли в направлении Волги.

Вахта в движении осуществляется следующим образом: один за пулеметом, в носу, один наблюдатель, в рубке, у него же – снайперская винтовка. Столько же – бодрствующая смена, а остальные просыпаются, только если реальная заруба пошла.

Я нес вахты, как и все, – но вахту свою передвинул, чтобы поговорить с ВВ. Потому что была тема для разговора. И «Субурбан» Забродина мне не понравился.

Перед вахтой позавтракал. Лось – у него с армии такая кликуха – кошмарил камбарского экспедитора, его прозвали Пабло, потому что у каждого должна быть кличка. По именам – нельзя. Подмигнув ему, я забрал винтовку и прошел на нос баржи. ВВ был там, он поставил свой пулемет в самодельный вертлюг со щитом и отдыхал.

– Солдат спит – служба идет?

– Да не, не сплю я.

Я уселся рядом.

– Насчет того, московского. Расскажи, что за москаль крутился?

– Воронец его фамилия. Дмитрий Денисович Воронец.

– Уверен, что это был он?

– Я его конкретно просек, с...а. Связываться не стал, но...

– А чего запомнил так?

Саня сплюнул, что вообще-то было хамство – на палубу плевать.

– Меня когда из ВВ поперли... ну, знаете...

– Дальше?

– Я в наемники подался. Перед Сирией год в Москве околачивался,

подрабатывал, где мог. В том числе и у этой твари. Гад редкий был, обнальные центры держал, подвязки у него были конкретные, что в ментовке, что в Центробанке.

– Ну, этим ты меня не удивил. Кто не грешен?

– Да, только мне по секрету шепнули – валить от него надо. У него больше двух лет никто не работал, и тех, кто работал, никто больше не видел. Из помоек его тоже добром не уходили. Он там искал директоров левых, в основном лохов всяких из провинции, украинцев, кто только паспорт получил, потом – в расход. И еще...

– С головой у него неладно. Баб цеплял на трассе, бил – в мясо. Слухи ходили, что и убивал, – хотя сам не видел. Снимал стресс так.

Я кивнул головой – понял, мол. Конечно... сейчас это мало имеет значения – что было до Катастрофы. Но если у тебя до Катастрофы с головой неладно было – то сейчас лучше не станет. А это уже опасно. Да и... нечего ему у нас делать, если уж на то пошло. Пусть в Москву валит, там какие-то дела крутятся... гнилые совсем. Как была Москва гнилой – так и осталась.

– А он тебя заметил?

– Не.

– Точно?

– Я сразу в машине загасился, мне проблемы не нужны.

– И правильно. А он куда делся?

– Я заметил, он в машину садился. В «Крузер».

Черт...

Вот как же не вовремя, а. Мало проблем с походом этим, на который я сам же подписался, так теперь еще и это...

– Молчи пока про это.

– Добро.

От ВВ я прошел на корму. Там Лось экзаменовал молодого, как он умеет чистить автомат. Некоторые, кстати говоря, не умеют – как призыв годичный сделали, так никто ничего теперь не умеет.

– Хорош, Лось. Паш, на минуточку.

Мы отошли к борту.

– Паш, вопрос хочу задать. Тачка приметная у Забродина, да?

– Еще бы. На всю округу одна такая.

– Не скажешь, откуда такие берутся? Понравилась она мне.

Интересно – просечет, нет?

Не просек.

– Это с нижегородскими договариваться надо, они там с московскими контакат, которые дорогие тачки из города вытаскивают. Эту из американского посольства вытащили, говорят. Бронированная!

Я присвистнул.

– Сколько же она жрет?

– Ну, Забродину все равно, да и Нефтекамск рядом.

Я покивал.

– Оно так. Оно так. А сколько платил за нее, не знаешь? И с кем там конкретно договариваться надо?

– Это – нет, это у него спросите.

Понятно...

На своем законном вахтенном месте я хлебнул из термоса кофе и мрачно задумался. Все интересатее и интересатее становилось.

Это чо за подход был – там, в городе? Я имею в виду Забродина и то, как он резко подорвался навстречу колонне, и о чем он заговорил. Пытался пробить, кто чем дышит на заводе? В городе? Вербануть хочет?

В интересах кого?

Если бы не этот подход, то тот факт, что в порту Камбарки крутился московский деляга, имел бы простое обоснование – Забродин крысит. По договоренности, все, что производится в республике, на сторону продается только централизованно и по установленным сверху ценам. Внутри – пожалуйста, торгуй, как хочешь, если твое предприятие не отнесено к стратегическим, а на экспорт – ни-ни. Это было сделано и для того, чтобы не сбивали цены конкуренцией, чтобы республика богатели. Но Камбарка – угол глухой, порт, опять же, под рукой, а народ не переделать. Тупо начать налево часть продукции пихать и не платить с нее в бюджет.

Но теперъ все это наталкивает на дурные мысли. Если Забродин пытался меня прощупать насчет моего отношения к новгородским, а теперъ у него москвич стремный на причале крутится и «Субурбан» под задницей...

Кстати, «Субурбан».

Сама по себе машина очень необычная, редкая. Ее покупать никто не будет, возьмут «Ленд Крузер» – двухсотый или «Праду». Или «Паджеро». Или «Патруль». То, что продавалось в больших количествах и к чему есть запчасти. Но не американца. Значит, подгон. И если москвичи на причале крутятся – подгон от них, они с нижегородскими действительно корешат там, дела делают. А если еще и бронированный – значит, дважды подгон.

Где они его взяли – из американского посольства, что ли, угнали? Но где-то взяли.

Вот и встает вопрос. За какие такие заслуги подгон, а? Товарищ полковник?

Это уже не коммерция.

Когда я уезжал в Москву – а был и такой эпизод в моей биографии, – я сказал Борису Витальевичу, который меня много чему в этой жизни научил – ну вот, поближе к политике настоящей буду. А он засмеялся и сказал – Саша, настоящая политика как раз тут делается. На уровне района, города, республики. Впервые попасть в обойму, в список, на выборный пост намного сложнее, чем продвинуться дальше. Но если попал...

Вот и появляются в политике люди с нечистыми руками, жадными глазами и менталитетом члена крысиной стаи. Ключ ближнего, гадь на нижнего, смотри в задницу верхним. Все вот эти наши, в телевизоре – они не с Марса и не американцами посланы, они как раз с уровня города, района прорывались, и там же учились. Жрать, подставлять, глотки перегрызать. И то, что на тебе погоны, ничего не значит. Ни-че-го.

И Катастрофа ничего не изменила.

Вернусь в город – надо Димычу рассказать. Пусть пробивает по своим фээсбэшным каналам, что делается. Если новгородские там себе гнездо свили – это надо знать.

А пока надо просто забыть это и думать о деле.

Прошли Камские поляны – там осталась недостроенная АЭС, которую после Чернобыля забросили. Дальше был Чистополь – город, в котором есть интересный завод, производящий как часы «Командирские», так и взрыватели, если надо будет. Там жизнь едва теплилась, его не спасали особо. Дальше Кама резко расширялась – мы шли в место слияния Камы с Волгой. Кстати, мало кто знает, что по правилам крупнейшую реку России следовало бы называть «Кама», потому что в месте слияния рек Кама отдает больше воды, чем Волга. У Сорочьих гор прошли под мостом, он не был взорван. Да и воды пока хватало.

На берегу были люди, на воде виднелись лодки, люди рыбачили. Здесь почти все выжили и продолжали жить, как жили – только не стало власти. И дети рождались. Интересно, как будет лет через десять. Доживем ли?

Дальше рассказывать особо нечего – до Ульяновска.

Ульяновск был местом в себе, скажем так. Держали его бондики – бандиты. У нас был анклав – Ижевск, Киров, Нефтекамск, Набечелны, – а

они держали Самару, Тольятти и Ульяновск.

Почему так получилось? Не знаю, сложилось исторически, наверное. В Тольятти криминал процветал вокруг «АвтоВАЗа», разборки были такими, что о них ходили легенды по всей России, как людей живьем с плотины ГЭС сбрасывали и тому подобные вещи. Потом разборки притихли, но бандиты никуда не делись, они просто научились заниматься бизнесом. Плюс – Самарская область была главным в России конвертационным центром, масштабы обнала тут были страшные, и в схеме были задействованы как руководство банков, так и местные правоохранители.

Ульяновск был тоже местом мрачным, там была едва ли не худшая по России ситуация с подростковой преступностью – пацаны просто убивали друг друга, ножами, молотками, калечили. И когда все началось, именно криминальные структуры и взяли власть в области.

Торг тут был, как и положено, но на торг мы не ходили, в отличие от Новгорода. Люди тут были специфические, и договоренностей с ними тяжело было достичь. Покупать они покупали – но перевозку обеспечивали сами, расчет происходил на пристани либо Камбарки, либо Сосновки – там теперь тоже была пристань, через которую и Вятские Поляны торговали. Нефтепродукты татарские – они тоже покупали в свои наливники.

Почему так? Мне кажется, объяснение простое было – ломили три цены и не хотели, чтобы кто-то со стороны видел их цены. На мой взгляд – глупость. А учитывая обстоятельства, в каких мы все оказались, еще и мерзость. Но дело их. Нам весь мир не спасти.

И потому мы оставили баржи с товаром в притоке Волги, а сами, подойдя к берегу, начали сгружать технику. Прокатимся до торгового налегке, посмотрим, что к чему.

Техника наша – четыре «УАЗа». Два рейдовых и две «буханки», одна из них инкассаторская, с бронированием. Рейдовые переделаны под чешские «Лендроверы» (именно чешские, за основу взяты машины шестисот первой группы дальней разведки) – «Корд» на поворотном круге, два ПКМ – один на переднем пассажирском, второй в хвосте. Плюс – на «буханке» мы возим еще миномет 82 миллиметра без плиты, переделанный, и с десяток-другой мин. Есть у нас любитель этого дела – с первого выстрела кладет, без пристрелки.

Почему нет грузовых?

Расскажу-ка я вам, господа хорошие, как нынче идет торг.

Для начала – никто на базаре товаром не торгует. Базар, или торг, как его называют (в Нижнем так и написано – Нижегородский торг), – это

своего рода выставка, торгуют там только если пожрать или мелочевкой всякой. Торг идет по образцам. Сам товар хранится в другом месте и чаще всего на воде, потому что дураков нет. Купил – тебе называют место и время, подгоняешь машину – тебе погрузят, что купил, и рассчитаешься. Рассчитываться на базарах – тоже дураков нет, потому что денег всеми признанных нет и торг чаще всего идет на бартер. То есть с торговых барж сгружают одно и грузят другое. Опять-таки – не на базаре же это делать, когда весь товар на складах или на воде.

Торг ведут всегда местные. Мы – имеем дело только с оптовиками, по крайней мере, по нашему товару. Потому что если я, скажем, куплю место и буду торговать патронами на розницу – рано или поздно меня замочат. Потому что я не даю жить местным и перебиваю им торг – понятно, что я как оптовик с прямой связью с заводом могу цену намного ниже поставить. Вот за это и замочат.

Кроме того, у местных своя валюта и свои расклады по бартеру, которые мы не знаем и знать не можем – денег-то нормальных нет. Местные асы завязывают в бартерные схемы десятки поставщиков, меняя одно на другое, тут же на третье и на четвертое. Это как в девяностые, только на руинах цивилизации. С нами они рассчитываются товаром или, по договоренности, золотом. Идут также рубли, доллары и евро – они ничем не обеспечены, принимаются просто потому, что как-то надо рассчитываться.

Короче, поняли суть, да?

Разобрали личные вещи, снарядились (например, вставлять плиты в плитоносцы на корабле не только глупо, но и опасно – начнешь тонуть, так и пойдешь на дно вместе с плитами). Плиты – в плитник, магазины – в автомат и в разгрузку, шлем на голову. Обязательно комбез поверх – либо танковый негорючий, либо как у меня, полицейского спецназа, либо роба сварщика – чтобы зомби не прокусил. На воде такое только маньяк наденет – в нем тело не дышит и чесаться начинаешь страшно.

– Построились.

Как в армии – хотя какая сейчас армия. Мы скорее рыцари. Идущие крестовым походом на дикий мир. Уникальная порода – рыцари-торговцы. А что? Востребовано временем.

– Лишнего говорить не буду. Всё все знают. Идти домой к вашим и рассказывать о том, как родной человек погиб, я не хочу. Потому – осторожность, последовательность, внимательность. Руки-ноги никуда не суем, по сторонам смотрим, друг друга страхуем. С нами сегодня салага, его страхуем вдвойне. Хоп?

– Хоп!

– По машинам!

Откуда к нам прицепилось это «хоп»? От афганцев, кажется.

– Паша, ты ко мне...

Моя машина – вторая. В первой нельзя, потому что первая первой и в засаду попадет, а командира надо сохранить любой ценой. Это не я придумал, это армия. Зато на головной и вооружение мощнее – там вместо мощного, но медлительного «Корда» стоит спарка из ПКТ. При попадании в засаду важно заплевать противника пулями, сорвать атаку – и три ПКТ на носу справятся с этим как нельзя лучше...

Машины все одинаковые: каркас, а поверх еще и сетка. Против тварей. Хоть и стало их намного меньше, но все равно они еще есть, и с тварью можно столкнуться буквально на каждом шагу. Потому сетка-рабица – стратегический товар. Ею обмотаны все машины, которые ходят в здешних краях.

Выбираемся на трассу. Здесь уже запустение, потому видно, как разрослась зелень. Еще немного – и на месте полей зашумят леса, а развалины домов будут только напоминанием о некогда существовавшей здесь цивилизации. Еще неизвестно, удастся ли нам выжить: работы над вакциной и лекарством идут как минимум второй год, но о результатах пока ничего не слышно.

– Борт – второй, я первый. Тут на дороге валяется... лисадохлая или собака.

– Проконтролируй. Тихо.

В голове всегда есть бесшумка – на такие случаи.

– Чисто, двигаемся...

Выбираемся на дорогу. Тут же, на краю поля, стоит трактор, ад целый. И не какой импорт, а Т-150. Харьковский.

– Колонна, стоп.

Выходить, проверять не буду, но сфотографирую и отмечу на карте. При случае заберем – колхоз с руками оторвет, он же простой, как мычание. Фотографирую на телефон, сеть уже накрылась, но в нем есть и много других полезных функций.

– Колонна, ход.

Вышли на мост. Он, понятное дело, контролировался.

Две бээмдэшки, на одной из них флаг ВДВ – но это сейчас не значит ничего совершенно. Почему? А потому что солдаты – они из общества, им по-иному взяться неоткуда, у нас такая же армия, какое и общество. И когда

рушится все – закон, порядок, сама жизнь, то люди начинают тупо выживать, не заморачиваясь условностями. А условностями становятся подчиненность, присяга и долг.

Я смотрел на пост через пятидесятикратную трубу Казанского оптико-механического, которую раньше использовал на тренировках. Пост устроен не совсем грамотно, скорее разгильдяйно, если быть честными до конца. Все вокруг затянуто проволокой, в некоторых местах в ней запутались мертвяки, свежие и не очень. Из блоков построены казармы для личного состава на обеих сторонах моста, бээмдэшки тоже обложены блоками. Чуть в стороне – транспорт для личного состава, дорогие джипы, есть даже «Мерседес-600». Где их нынешние владельцы – это вопрос большой. В трубу вижу троих, все со штатным оружием, вон у одного, вижу, «Валдай»^[6] стоит – значит, им уже поменяли до Катастрофы штатное. Либо я чего-то не вижу, либо наблюдение не ведется. Интересно, есть ли экипаж в БМД – скорее всего, нет. Потому что жарко. Вон, дебил разделся – я такого не позволяю, ни себе, ни людям. Лучше ужариться и потом вонять, как бомжу, чем тебя в самый неподходящий момент укусят.

Понятно, что машина наша была в гордом одиночестве, а конвой стоял чуть позади. Перед тем как выходить на мост, мы пустили беспилотник да все и посмотрели. А вы думаете, я так и сунусь под 2А42? Ага, щаз...

– Птаха – всем номерам плюс.

– Двойка, плюс.

– Глаза – плюс.

– Тройка, плюс.

– Саня...

– Плюс... Позицию занял.

Саня возглавляет снайперскую группу, в ней две СВДМ с глушителями, один «Егерь-54», тоже с глушаком, одна ОСВ-96, которые мы на торге берем за неплохие деньги, и один ПКМ с глушителем и оптикой.

– Принято, мы выдвигаемся, смотреть по сторонам. Саня, как обычно.

– Принял. Плюс.

– Всем смотреть по сторонам, тут, кажется, не чистили ни хрена. Саня, тебя касается в первую очередь.

– Плюс.

Эти раздолбаи на обмен даже не чухают. Их, может, убивать сейчас начнут – а они эфир не контролируют. Вояки.

– Флаг вешаем, и пошли.

Флаг – белый. Приглашение поговорить.

Когда наш джип появился на дороге, только тогда вояки чухнули. Мы перед тем, как идти, приоткрыли двери, если что, из машины выскочить – секунда, а там снайперы работать начнут. Скорость – десять километров в час, так и ползли.

Когда мы подкатили к блокам – поставлены по-чеченски, елочкой – вышел десантник, по пояс голый, разгруз прямо на голое тело. Махнул автоматом, показывая, куда встать.

– Здоровеньки булы, – поздоровался я.

«Десантник» мрачно глянул на меня. Взгляд задержался на разгрузке и на пистолете в кайдексовской кобуре.

– Здоровее видали. И даже е... Надо чо?

– Пальцы на меня не расширяй, военный, – спокойно парировал я, – и за ствол не хватайся, снайпера не беси. Старшего по званию пригласи, перетрем.

Десантник ушел в астрал, прикидывая, действительно ли я столь опасен или так, понты гну. Наконец он решил, что связываться и грудь свою голую под пули подставлять не стоит, и поднес ко рту переговорник.

– Товарищ капитан, тут какие-то... вас требуют. Ага, есть.

Я пощелкал по своему микрофону, давая сигнал.

– Глаза – всем. Движуха на той стороне, белый «Крузер». Два рыла, «калаши». Еще движение. Три рыла, «калаши». Садятся в бээмдешку. «Крузер» пошел, идет на мост. Идет на мост. Зашел на мост. Два рыла внутри.

Беспилотник контролировал ситуацию.

Десант интересен сам по себе. Вон у него наколка, которую он пытался свести. Скорпион, хвостом вверх. В армии такая татуировка означает участника боевых действий из элитных частей. На зоне значение этой татуировки совсем другое – наркоман, продолжаю колоться. По понятиям быть наркоманом стремно, наркоман может быть лишь рядовым бойцом, и то на него смотрят с недоверием. Оно и понятно – за дозу всех сдаст.

Получается, уголовка тут верх берет. Видите, как много выводов можно сделать из простого тату.

Подкатил «Крузер», вышел офицер, форма без знаков различия, «калаш» с подствольником, десантный тельник. Из машины вылез еще один долбень, у него АКС-74У. Десантники, вашу мать. Водила должен все время оставаться за рулем, начнется чего – до машины не добежишь, не успеешь...

Придурки.

– Саня, офицера держу. Второй за машиной, плохо видно.

Это уже мне – если что, валить я буду не офицера, а того, что с ментовским «калашом». Об офицере позаботятся.

Я выбрался из машины.

– Желаю здоровья.

Офицер смотрел на меня, не зная, как реагировать. По докатастрофным меркам мое снаряжение однозначно относилось к антитеррористическому спецназу.

– Кто, откуда?

– С Ижевска. Идем в Ульяновск, на торг.

– Там вас ждут?

– Нет.

– Сколько вас?

– Четыре машины.

– А тут одна.

Я ничего не ответил.

Офицер уже понимал, что дело стремное. Но что делать, не знал.

А я ему помогу.

– У нас намерения мирные, мы торговать идем. Сколько стоит за проезд – оплатим, хоть патронами, хоть деньгами. Хоть водярой – все есть.

Офицер почесал небритый подбородок.

– Досмотреть бы надо.

– Зачем? Нам скрывать нечего, хочешь посмотреть машину – посмотри.

Офицер подошел ближе. Посмотрел на снарягу бойцов, на пулеметы.

– Чо-то вы на торговцев не похожи, – заключил он.

– Торговля – дело стремное. Нынче.

Офицер думал, не зная, как поступить.

– «Корд» где взяли? У нас с крупняками нельзя.

Спорим – только что придумал.

– Нам его девать по-любасу некуда. Доплатим.

Молчание.

– Сколько надо доплатим.

Офицер с интересом посмотрел на «Корд».

– Круто ездите, – заключил он.

Придурок – это он еще «УАЗ»-буханку не досмотрел. У нас там противотранспортная носимая пушка сложена – это на случай, если придется с БТР или БМП противника дело иметь. Довольно примитивное орудие, сделанное по мотивам Сирийской войны, но на более высоком,

заводском уровне. У нас ведь на заводе производились ГШ-301, скорострельные авиационные пушки, соответственно, оснастка для производства стволов этого калибра, как и заготовки для них, были. Берете ствол, к нему приделываете дульный тормоз – компенсатор, затворную группу с обычным болтовым затвором, приклад – и все это сажаете на пулеметный станок. Получается пушка, которой БТР развалить – плевое дело.

- Нормально, у нас там жесть полная, – соврал я. – Сколько за проезд?
- Четыре, говоришь?
- Четыре.

За проезд оплатили патронами, обошлось в двести пятьдесят. Офицеру оставили пузырь казенки и глушак на его АКС-74, надеваемый взамен штатного ДТК. Мелочь, стоит недорого, а человеку приятно.

Переправлялись по одной машине. Мало ли.

Бывшая Россия. Ульяновск

Девятьсот тридцать шестой и седьмой дни Катастрофы

Дальше ни постов, ни тем не было до самого Ульяновска, там пост был на самом выезде из города, стояли там менты с бандитами. Как трогательно. Отдали «Лось» с глушаком заместо местной валюты – в обмен прошли на торг. Нормально.

Основной торг в Ульяновске был на центральном рынке – на дамбе, как говорили, он типа на самом берегу был. Рынок смахивал на наш Восточный – там главное здание раньше аэровокзалом было, а торговали на бывшем летном поле. Тут рынок больше был, однозначно. Беспредела особого нет – но все контролируют бандиты и менты, и торг по понятиям. Надо учитывать.

Как рынок выглядел? Ну да как все рынки сейчас, или торги, как их называют. Вышки, на них стрелки – по периметру, но работу свою делают плохо, филонят – то курят, то еще чего. Везде колючка – три-четыре метра, где два ряда, где три. Как на зоне. Стоянка для машин огорожена отдельно, и тут же на ней торг. Причем как самими машинами, так и из багажников. Это мародеры. Как и везде, у мародеров и блатных что-то вроде вооруженного перемирия. Мародеры почти нигде не пошли под блатных и их понятия, но почти нигде и не объединились, чтобы вышвырнуть блатных и установить понятия свои. Блатные, в свою очередь, почти нигде

не справились с мародерами, потому что это все равно, что бегать с тапком за тараканами по квартире – не набегаешься. Так что блатные позволяли жить и торговать мародерам, но за границей официального рынка, а мародеры в ответ и бандитам кое-что притаскивали под заказ. Но за торг не платили, это по мародерке западло считалось.

Я тут знал кое-кого. Серый, он же Серега, в свое время жрачкой торговал, поднялся. Бывший бандит, но умный. После Катастрофы как-то выжил и снова собрал бригаду. Возможно, выжил потому, что я его в свое время напряг купить пару приличных нарезных стволов. Серый не относился ни к одной из крупных самарских и тольяттинских группировок, и занимался он по бандитским меркам делом непрестижным – продуктами питания. Но сейчас он на них и поднялся – оставил себе свой склад, прихапал пару других и начал торговать. А бригада пресекла попытки блатных поставить ему крышу.

Связей с ижевскими он не только не скрывал, но и бравировал ими. Это чтобы дать понять всем остальным, что у него приличный источник оружейных поставок.

Короче: встали мы на площадке, там таксофоны стояли – помните, это что такое? Ага, общественный телефон, они сейчас опять возрождаются. Я позвонил Серому в офис, и он обрадовался и обещал человечка подослать. А мы пока остались стоять под заинтересованными, а то и недружелюбными взглядами мародеров. По их меркам, одеты и экипированы мы были вызывающе...

Наконец появился наш проводник – лысый, в спортивках. Девяностые форева.

– Вы с Ижевска?

– Мы.

– Ага, Серый в конторе ждет.

Я перекинулся парой слов с остальными и пошел следом.

За вход на рынок платили кто чем, но меня по уважухе пустили бесплатно – я сказал, что торговать не буду, провожатый подтвердил – башлять не за что. Мы пошли по рынку, который тоже был как из девяностых. Только стволов до хрена, ментов нет и еще одно – у каждой серьезной группировки тут открыта была контора. Крупнейшие открывали небольшую забегаловку, где все члены группировки еще и питались бесплатно и из общего котла. Кто помельче, обходился вагончиком или бытовкой. У Серого были две бытовки, одна рядом с другой, в одной и поспать и пожрать можно было, но кафе Серый не открывал, как он мне

объяснил – там, где общепит, там сто пудов проблемы будут. Оно так – от стола-то никому не откажешь. Пришли, слово за слово, зацепились и... понеслась душа в рай.

Зашли в вагончик. Теперь там Серый себе кабинет отдельно отгородил, а в приемной, помимо быков охраны, сидела еще и деваха... ничего, кстати, аппетитная. Кстати, замечаю одну вещь – тощие мужики любят женщин в теле, и наоборот. Серега – тощий, как глист, его, наверное, и прозвали бы Глистом, если бы не в авторитете был – и секретарша у него, наоборот... есть за что подержаться. Я, наоборот, – толстоват малость, потому мне худенькие нравятся.

– Вечер в хату.

– О, Саня... японский бог... ты как снег на голову. Жизнь ворам, смерти мусорскому, хода воровскому.

Обнялись.

– Лен, чаю нам. Тебе как обычно?

– Ага.

Серый, никого не стесняясь, хлопнул секретаршу по мягкому месту и отправил варить чай. Дверь закрылась.

– Нормально, – сказал я, – жена не возражает?

Серый расхохотался.

– Пусть попробует. У нас тут, сам понимаешь, теперь патриархат. Вон Лось, смотрящий наш по рынку, – у него вообще три, с путяги выбрал. Будущие поварихи – они ему и жрать готовят, и... Сочные. Он только откинулся, наверстывает упущенное. Бабам голоса давать не надо, верно?

– Ты где такую взял-то?

– Да тут проблем нет с этим. С деревни – там все равно жизни нет, пашешь как лошадь. А чего – такую же надо? Спроворим.

– Не, я мимо.

– Скажите, пожалуйста... ты все еще с этой...

– Да.

– И чо-как у вас?

– Норм, – пожал я плечами.

Серый откуда-то узнал об обстоятельствах появления Элины. Но не трепался, хотя относился скептически. По бандитским меркам, это мезальянс. Пацан не может иметь в постоянках шлюху. Хотя Элина не шлюха, но раз продавали или в карты играли – шлюха. Серый об этом при людях не говорит, чтобы не уронить мой авторитет.

– Я, когда ехал, видел трупки свежие. Что, не можете собраться и город зачистить?

– А зачем?

Вопрос на миллион долларов – я так это называю.

– Тут на Жигулях недавно сходняк местный был, перетерли за то, за это, время, сам понимаешь, какое. Такой вопрос поднимался – типа объединиться и почистить все. Но Жук – помнишь Жука, кстати?

Я кивнул.

– Тольяттинский.

– Он самый.

– Так вот, Жук сказал – а чо, пацаны, нам с того, что все зомбаки умрут. Пока есть зомбаки – все колхозники наши, отстегивают без вопросов, боятся. Не будет зомбаков – будут борзеть, рано или поздно откажутся башлять за крышу, придется разбираться. Короче, пацаны репу почесали и решили, что тема.

Логика есть. Я, кажется, уже упоминал, что блатных не люблю. Нет, с отдельными блатными у меня все норм, с тем же Серым мы в деснах. А вот как класс я их не люблю. Терпеть ненавижу, короче.

– У тебя как?

– Да все норм. Контора крутится, лавеха мутится. Жрать-то людям всегда надо, так? Щас вот заводик запускаю.

– Какой?

– Сыр. Плетенки, колбасный. Сам понимаешь, хороший сыр – дело нужное, он и без холодильника будет храниться. Плетенку копченую – сунул в рот, сосешь понемногу, и сыт. У тебя-то как?

– Да норм все. Работаю, депутатствую.

– Все на дядю? Сань, ты же деловой пацан.

– Так вот – на дядю. Я хочу тебе тему одну рассказать, а ты послушай.

– Ну?

Принесли чай.

– Только никому.

– Могила.

– Так вот, сначала скажи – кто сейчас в Волгограде. И в Ростове. Оттуда надо кое-что забрать. И туда доставить. Сделаю – буду уже не на дядю.

Сергеа откинулся на спинку стула.

– Э... круто берешь.

– А что?

– Да там... сразу не скажешь.

– Все так плохо?

– Хуже некуда. Волгоград под Кавказ лег.

– Весь?

– Весь, с концами. Там даже русских нет, кто жив остался – до нас дернули. Движения там конкретно нездоровые, рожи стремные.

– Точно Кавказ?

– Сто пудов.

Вообще, кстати, тема интересная.

Вы видели, как ходит мертвяк, особенно если он только что обратился? Он даже по лестнице и то с трудом поднимается. Координации нет никакой.

А теперь представьте себе, что будет с обратившимся в горах. В том же Дагестане, например, где улицы порой такие, что приходится по ним на карачках подниматься. Где каменные осыпи и ручьи. Я не говорю про Афганистан. Про Грузию. Про весь горный Кавказ.

А я вам скажу, что будет. Ничего не будет. Мертвяк в таких условиях ничего не сможет, он или упадет в пропасть, или не сможет передвигаться. И если у нас на равнине они опасны, то там – нет.

Конечно, кого-то покусают – не без этого. Но многие выживут. Достанут заныканные стволы.

И начнут осваивать этот мир.

Все поняли? Вот эти и выжили. Сначала сами выжили. Потом начали выживать нас.

– Ну а Ростов?

– Ростов – по слухам, я тебе конкретно не скажу. Вроде там наши. Вояки, казаки и эти... ДНР. Но связи с ними нет.

– Пройти-то можно?

– Смотря как.

– С грузом.

Серый захохотал.

– Ты что, смеешься? Там и без груза-то – разуют, разденут, угонят в рабство. Они же беспределы конченные, бесы. Мы с ними стрелу забивали, они говорят – мы ваш закон в рот е... Мы говорим – а у вас какой закон? Они говорят – все просто: правоверный правоверному – брат, неверный правоверному – раб. Ты не знаешь, что тут вскрылось, когда вся эта муть пошла. Еще до нее в некоторых зонах джамааты были, на закон срали, перед кумом дыбали на цирлах, жили сучьей жизнью. А когда началось – так некоторые зоны оказались зелеными сплошную, от кума и до последнего петуха, взялись за оружие... такой бешбармак был. Некоторые туда и ушли... правоверные.

Да... чем дальше, тем чудесатее. Я еще до войны... ну, до всего этого задавался вопросом – зачем человека сажают в тюрьму. Ну, чтобы он

исправился, так? А джамаатовский – его можно исправить в принципе? Нет, нельзя. Так зачем же мы хоббитов в тюрьмы сажали, чтобы они там проповеди вели или как?

– А шлюзы кто контролирует?

– Тоже они.

Во б...

– К вам они ходят?

– Бывает. У нас с ними что-то вроде вооруженного перемирия. Они понимают, что здесь переть буром чревато в принципе... люди не поймут. А так... торгуют.

– Чем?

– Да всяким. Вещи, жрачка. Кстати, стволы.

– Какие? Наши?

– Не. Не «калаши». Там потом сам увидишь.

– Они и сейчас торгуют?

– Да, только с ними тереть бесполезно, если ты об этом.

– Хоть посмотрю.

– Это пожалуйста.

Я сменил тему.

– Насчет торга в Нижнем ничего не слыхать?

– А что должно быть?

– Да люди жаловались, что новгородские не только свой кусок хавают, но и на чужой претендуют. И московские с ними.

– Это кто так говорит?

– Ну, говорят... – неопределенно сказал я.

Серый прикинул.

– Знаешь, – наконец сказал он, – я такого не слышал, но ничуть не удивлюсь, если так и есть. Москвичей могила исправит... они всю дорогу на чужой кусок смотрят. И началось все откуда... с Москвы. Вот и прикидывай... муде к бороде.

– Ну... вспомнила бабка, как девкой была.

– Так, только кто-то же это сделал. И какие-то цели он при этом имел, да? А то, что москвичи и нижегородцы в близких – это не секрет, там половина областей центра торгует и отоваривается. Хочешь сказать, на вас смотрят?

– Я этого не говорил.

– А я не слышал, – сказал Серый серьезно, – но если, к примеру, такое будет... скажем – то мы готовы с вами базарить. Потому что не дураки, понимаем – сегодня вас нагнут, а завтра – нас. А нам снова под Москву уже

не в кайф. Понятно, что не бесплатно будет, но... ты понял.

– Понял.

– Хорошо, что понял. Братъ что-то будешь?

– В самом конце зайду, чтобы с собой не таскать и чтобы не сыздили.

– Заходи.

Гладко было на бумаге, но забыли про овраги. А по ним ходить...

Получается, что разгружаться надо здесь и здесь же – грузить наш товар. А это хреново. И, похоже, придется груз пока обратно отправлять, так как с ним не пройдешь. А это – разгрузать, выгружать – хреново. Деньги опять же.

Ай, лавэ, лавэ, лавэ, ай, лавэ...

Надо железку разведать.

Вышел с вагончика, вдохнул: гарь, мясо, людское жилье – хорошо...

Решил сходить, глянуть, чем торгуют. Может, и прикупить чего по случаю. У нас ИжГТУ – это, кстати, эвакуированный в войну МВТУ имени Баумана – собирает так называемую техническую библиотеку. По разным вещам, но главное – по оружию. Так что мы, где бываем, все необычное скупаем и везем к себе. Для науки. Рано или поздно пригодится, а что можем освоить – то осваиваем. Зачем? А зачем вообще человек живет на свете? Кто хочет, может дальше мародеркой жить, как червяк в трупe по жизни. А нам это не жизнь.

Короче, проверил, все ли карманы как следует застегнуты – ход воровской тут поставлен, карманная тяга только та, – и пошел смотреть, кто и чем торгует...

Торг моментально скатился в те же самые девяностые, плюсом с оттенком беды. Например, рабов в открытую не продавали, но все знали, к кому обратиться, если нужно. Торговали примитивной жратвой, торговали всем, чем можно, из дома, и своим, и мародеркой. Торговали средствами против зомбаков – топорики, молотки на длиннющих ручках, шпаги (шпагой нормально, кстати, получается, ткнул – и ваши не пляшут). Торговали одеждой, много торговали инструментом и всякими запчастями – машины сейчас под ноль разбирали и пускали на запчасти. В открытую торговали оружием. Кто-то торговал, но много было и тех, кто просто сидел на кортах или в столовках на дешевых пластиковых стульях и чего-то ждал. Это блатные. Они тут за любой движняк, кроме голодовки.

Про оружие расскажу подробнее, потому что это наши конкуренты.

Когда все началось – все, понятное дело, кинулись за оружием, потому

что из опасного баловства, как его видели раньше, оно стало предметом первой необходимости. Все просто: есть ствол – жив, нет – не жив. Оружия оказалось меньше, чем кто-либо предполагал. Склады мобрезерва солидно почистили еще при Сердюкове, идиоты пускали в печь царские «мосинки» с орлом, которые можно в США как исторические раритеты продавать. К счастью, это быстро остановили. Часть начали огражданивать, часть переделывать в СХП – под холостой патрон. Мы потом на этом, кстати, сильно поднялись – скупали и в боевое переделывали, или под заказ. Система нипель, блин. Потом – огромное количество оружия ушло на Донбасс и в Сирию. АКМ, РПК уже практически не было, только то, что на руках. Были АК-74, их, вроде, тоже под огражданку готовили, но не успели. Автоматы, кстати, классные, у меня один такой дома, тогда за три рекламации по качеству в квартал снимали начальника цеха. Плюс – у нас в Ижевске было несколько составов с семьдесят четвертыми – мы выполняли госзаказ на доведение их до стандарта МЗ/М4. Планки везде, приклад новый, прицел придается в комплекте – «Валдай». Спецвариант – там с глушителем АТГ шел и с пятидиапазонным лазером. Были РПД, были ПКМ. Но в общем и целом оружия было сильно меньше, чем на то рассчитывали.

Понятно, что начали переделывать – глушак, например, стал обязательной принадлежностью, так как звук выстрелов поднимает всех зомбей в окрестностях. У нас на новгородском торге глушаки всегда уходят все до одного, сколько ни привези – особенно ТВГ, на СВД и «Тигры». Но все-таки оружия почти сразу стало не хватать для всех желающих. Нет, СКС можно без проблем найти. Но что-то серьезное...

Поэтому началось производство. В первую очередь пистолетов – их на руках не было почти ни у кого, а нужен он был теперь всем. В Сарапуле у нас до сих пор делают дрянные, но дешевые шестизарядники. В Кирове запустили упрощенный вариант «Гюрзы» под обычный парабеллум. Массово переделали все газюки и травматы. У нас в Ижевске, например, освоили еще до всего этого «Кольт-1911», сейчас он просто шел в боевом варианте и под девятый, и под сорок пятый. Но все равно не хватало.

Так что – начали торговать, кто чем, кто самоделками, а кто и берет откуда-то. Вот этот, например, откуда такой набор пистолей взял? Явно новая поставка. «Беретты», «Чезеты».

Продавец – смуглый, коренастый – меня заметил.

– Салам алейкум, дорогой. Чего ищешь, чего не терял?

– Пистолет хочу глянуть.

– Так у тебя, вон, и свой есть.

- Мой – это мой, а речь за твои.
- Ну смотри, за просмотр бабла не берем.

Взял в руки... это не «Беретта», это турецкий «Явуз-16». Короткий вариант, у «Беретты-92» был короткий вариант, неудачный, с магазином на тринадцать патронов – он и близко не стоял рядом с популярностью полноразмерного пистолета. А вот турки сделали короткий вариант, но с полным магазином на пятнадцать.

- Откуда дровишки?
- Тебе какая разница, дорогой? Вот товар, хочешь – покупай.
- Такой товар на пакистанской границе делали. Ствол из водопроводной трубы, пятьдесят выстрелов – и каюк.

Продавец замахал руками.

- Аллах с тобой, какой Пакистан. Грузия собиралась на них перевооружать всю армию, да не успела. Мы склад вывезли.

- Сам с Тбилиси?
- Нет, с Батуми. Так что, берешь?

Думаю, недорого, а механизм тут интересный, от «Вальтера ПЗ8». Спишем...

- Сколько?
- Это от того, чем платить будешь.
- И рубли, и доллары есть...

Пистолет с запасным магазином сую в админку, она почти пустая у меня – лохов нет, меня один раз уже так обнесли. Иду дальше.

Еще одна тема. Автоматов-то довольно много, карабинов тоже, а вот таких вещей, как пистолет-пулемет или снайперская винтовка – в обрез. Зачем они? «Кедр» с глушителем можно носить почти как обычный пистолет, – но в случае чего у тебя тридцать патронов и автоматический огонь. Витязь с глушаком – стандартное оружие труда чистильщика, один стрелок несет на себе минимум шестнадцать снаряженных магазинов – попробуйте шестнадцать магазинов к автомату на себе весь день потаскать. Несколько снайперских винтовок с глушителями позволяют чистить города от зомби практически не рискуя. Как? Элементарно. Занимаешь господствующую высоту – это не так сложно сделать, особенно если в составе истребительного отряда есть пожарная лестница. Выставляешь несколько снайперов. Берется обычный дешевый квадрокоптер – на таких в зоны чай и сигареты доставляли. Крепится примитивный проигрыватель с динамиком – там записаны выстрелы и крики. Все это запускается. Врубается на полную громкость. Зомбаки это слышат и вываливают на

улицу – но не понимают, откуда звук, и начинают метаться. Снайперы начинают работать, не торопясь, планомерно. Закончили в одном месте – квадрик перемещаем на другую позицию. Под ноль зачистить не удастся, но восемьдесят-девяносто процентов снижения популяции это дает. Дальше, когда группа зачистки идет – одиночные попадают... например, дверь была заперта, выйти не смог. Но массовых атак уже не бывает никогда...

Опа...

А вот это я бы сказал даже – опачки.

Откуда есть пошли на прилавке американские М4, причем с болгарскими гранатометами, я знаю – от грузин. А вот откуда пошли G3 и НКЗЗ...

Это, похоже, Турция. Армейские... они там как раз перевооружались, когда все началось. Точно Турция, вон – прозрачные пластиковые магазины. Они, помнится, появились перед самой Катастрофой в магазинах по несмешным ценам.

А вон MP5 и моя мечта детства – MP5K. Тоже прозрачный магазин и ствол с пламегасителем. И MP5SD у них даже есть...

У нас, кстати, это все тоже есть. Даже вариант SD сделали уже после Катастрофы – по требованиям трудящихся. Армии же все на фиг не надо было, у них «Винторез», «Вал». Теперь все это на фиг никому не надо – патронов нет, а если и есть, то ломают за них... А бесшумный «Витязь» – он и легкий, и компактный, и выстрел тише мелкашки, и магазин на сорок к нему есть, и патрон стоит копейки, по нынешним меркам.

Но все равно интересно – а тут кто перевооружался? И продавец – нохча. Точно, нохча.

– Салам алейкум.

– Ва алейкум салам.

Смотрит подозрительно. Несмотря на жару, в черной куртке, скорее всего, под ней ствол. Рядом еще один, такой же, но моложе. Лет пятнадцать. Смотрит волком.

– Что интересует?

– Ну, скажем, вот это вот.

– Патрон НАТО, точность повыше, чем у «калаша», да.

– А прицел на нее?

– «Крон» отдельно есть.

– Новая?

– Совсем новая, да...

Точно нохча, у них в языке все предложения заканчиваются

утвердительным или отрицательным междометием. Они это в русский переносят.

– Как снайперская может работать?

– Да, к ней и глушитель есть.

– Самодел?

– Мастер делал, да...

– Ну, скажем, беру. А поновее что?

Краем глаза смотрю – справа еще один нарисовался. Думает, у меня прикрытия нет? Напрасно думает.

Нохча переговорил со своим подручным на своем языке, гортанном и отрывистом. Потом показал на пацана:

– С ним иди, он покажет, да...

– Куда иди?

– Недалеко тут. Я не торгую таким, у меня нет. Ахмед покажет, кто торгует, да...

– Хоп. Винтарь заверни мне, со всеми причиндалами. И вот этот вот. На обратном пути заберу.

Тут и в самом деле было недалеко, и торговали этим на железном ряду, что было уже нарушением. Впрочем, обходились правила легко – если торговать с образцов, то можно сказать, что это твое, для самообороны носишь. Кто проверит?

Железный ряд – это железо, ржавое и не очень, движки, кузова, даже станки. Люд самый разный – но что-то мне помнится, что, когда в Ижевске работал мотозавод, запчастями с него торговли одни кавказеры. Сейчас все то же самое, только пострашнее будет, потому что никаких тормозов ни у кого нет.

Пацан привел меня к какому-то дяде... чисто выбритый, лет пятьдесят, глазами можно масло резать. Кстати, я обратил внимание – почему-то чехи, в отличие от остальных, бороды не любят, бреются. Раньше были усы под Дудаева, но теперь и их нет.

– Салам алейкум.

– По-русски говори. Чего ищешь?

– Чего получше «калаша» и СВД, то и ищу.

– Получше «калаша» и СВД? Ну, сюда смотри...

– Куда?

– Сюда заходи, да...

Этот дядя торгует с постоянного места, у него тут не палатка, а настоящее место, с крышей. Торгует запчастями...

Я щелкаю по переговорнику – внимание, пригнувшись, прохожу под крышу.

– Такое пойдет, да?

Две винтовки. Одна – почти НК417, карабинного типа, складной приклад, но полноразмерный винтовочный ствол. Вторая и вовсе чудная – затвор ручной, но магазин... от G3, похоже, турецкий. Никогда не видел.

– Это что такое?

– Это? Это, дорогой, «Бора-12». Лучше не найдешь – патрон НАТО, глушитель, прицел. Питается из автоматного магазина, да.

Пацан, который стоит за спиной и нервирует меня этим, что-то говорит.

– Ахмед говорит, ты винтовку как раз такую купил. Купишь эту, у тебя будет все в одном – и винтовка, и снайперская винтовка. Магазин один, надо – перекинул. Патроны тоже одни, голова не болит. На тысячу метров такая пробивает, проверено. Глушитель, прицел – все заводское, родное, не Китай какой. Такие только у полка Шамиля есть...

Язык прикусил, но слово не воробей. Понятно, что там снизу, с юга, есть какие-то сохранившиеся боевые формирования – не банды, а именно боевые формирования. И понятно, что их кто-то серьезно снабжает.

Турция уцелела?

В Турции народа до хрена, особенно на побережьях, на курортах, там вряд ли что-то уцелело. А вот в горах... Турецкий Курдистан. Десять провинций, население бедное и озлобленное, на руках полно оружия – вооружен почти каждый. Партизан поддерживают все без исключения. С той стороны – Иракский Курдистан и Сирийский Курдистан. В Сирии идет война, в Ираке – Курдистан почти что независимое государство. И то же самое – горы, тропы, осыпи. Зомби там просто неоткуда взяться, не выживут они там.

Еще одно: в Турции странное оружейное законодательство, людям нельзя было иметь нарезное оружие – никакое, – но можно пистолеты. Пистолетов в Турции производилось море, самых разных, причем неплохого качества. А ведь это тоже сильно увеличивает шансы на выживание – пистолет не ружье, не автомат, его можно носить с собой, отреагировать на угрозу мгновенно. Зомби же – хватит и двадцать второго, не говоря о девяти миллиметрах.

Если Турция выжила, то, скорее всего все эти кавказцы торгуют не просто так – а от нее. И, значит, у нас рано или поздно будут проблемы.

Омрачаю? Да нет, скорее разумно предусмотрителен. Вы думаете, если большая часть населения земли вымерла, так и войн не будет? Ага, щаз...

Нас сейчас примерно как в конце Средних веков, думаю. А тогда только так хлестались.

– А три-три-восемь нет?

– Вот этого нет. Но есть под патрон от ДШК. Двенадцать и семь. Извини, такого с собой не возим. Надо будет – привезем под заказ. А тебе для себя или торговать будешь?

– Да и так и так. Посидим, поговорим? Долго времени не займет. А винтай этот я у тебя куплю. Без базара.

Такого в техбиблиотеке нет точно.

Так как торговали люди разные, то и заведения на рынке были разные, и для русских, и для кавказцев, и для всех, с интернациональной кухней. Но я, извинившись, предложил пойти не в кавказское, сославшись на то, что у меня от кавказской кухни изжога и мне нельзя острое, так как почки болят. Сейчас болячка была распространенная, многие ночевали где попало, с отоплением были проблемы, потому мои слова были восприняты с пониманием.

Первое заведение у нас на пути оказалось украинское – кстати, когда оно открылось, раньше его не видели? Меню простое – борщ, вареники, горилка, – но больше ничего и не надо. Из магнитофона хлещет музыка.

Дихає ліс,
Пташка на гіллі
Пісню співає, що тішить мій слух...
Я довго ріс –
Йшов через цілі,
Що тіло гартують і зміцнюють дух...
Тиха роса
Зіб'ється з трав
Криком «вперед!», дружним тупотом ніг...
Я тут знайшов
Те, що шукав
Славу здобув і себе переміг!
Мій лицарський хрест –
Моя нагорода
За те, що не впав, за те, що не втік!
Мій лицарський хрест –
Яскрава пригода,
Що буде тривати в мені цілий вік!

Мій лицарський хрест!..
Плинуть роки,
Їх заметілі
Скроні мої пофарбують у сніг.
Я, завдяки
Шрамам на тілі,
В пам'ять свою закарбую усіх
Друзів моїх
Та ворогів –
Кого любив і кого вбивав...
Може чогось
Я не зумів,
Та не згубив, не продав, не програв...[\[7\]](#)

Бандеровцы. Сейчас каждый – вообще каждый – пытается отыгаться за то, за что не смог отыгаться тогда, когда по улицам не ходили алчущие плоти мертвецы. Бред, конечно, полный.

Заказали борща, чечен уточнил – с говядиной, без свинины. Соблюдающий. За нами следили... но это плевать, пока они вряд ли что-то сделают. Просто надо иметь это в виду.

– Давно торгуешь? – спросил я, поливая сметаной густой, как довоенный, борщ.

– А чего интересуешься?

– Да просто всякое приходилось и слышать, и видеть. Ты историю про десять тысяч «Глоков» слыхал?

– Нет.

– На Нижегородском торге было – один пацан всем втирал, что якобы знает, где лежат десять тысяч «Глоков». Типа ФСБ сделало заказ, ОРСИС собрал эти «Глоки», но почти ничего отгрузить не успел, они так и лежат на складе в Подмоскovie, надо только подобрать.

Чеченец взглянул с интересом.

– И что было?

– Люди поверили, вложились. С концами.

– Деньги? Или люди?

– И то и другое.

Чеченец кивнул.

– Вы, русские, только и думаете, как кинуть друг друга, да.

– А вы – нет?

– Мы кидаем чужих. Это другое.

– Так вот потому я тебя и спрашиваю, сколько ты торгуешь. Мне вовсе не улыбается, чтобы ты меня кинул, да?

Чечен понял, что я его завел в логическую ловушку – но было поздно.

– Кидка не будет, – осклабился он, – мне еще тут торговать. Я Иса Тепкоев, два года торгую. Если надо, предками поклянусь, могилой отца, у нас такие клятвы не нарушают. Можешь спросить. А ты кто такой есть?

– Саней, Алексом, Александром – как хочешь, так и зови. Я с Ижевска, до беды стволами торговал и сейчас торгую.

– «Калашами»?

– И ими тоже.

Чечен задумался.

– «Калаш» – это хорошо, да.

– Вы тоже не бедствуете.

Чеченец цокнул языком.

– Да как сказать. Турки – они хорошо, точные, но с ними обращаться надо уметь, а «калаш» – взял и застрочил, любой пацан раскидает. И патронов таких не сказать, что много, подкидывают, конечно...

Чечен снова прикусил язык.

– Сколько поставлять можешь?

– А ты куда повезешь?

– Ну, скажем, в Новгород.

– А право имеешь?

– Имею.

Чечен задумался.

– А спрос какой? – осторожно спросил он

– На автоматы – никакой, «калаш» рулят. Разве кто только для понтов возьмет. А вот хорошая снайперка за день-два уйдет. От цены зависит. У вас что – доллар?

– И доллар тоже. Патронами возьмем, да.

– Это извини – ограниченно.

Еще не хватало, чехов вооружать.

– А у вас там как? Я имею в виду, с зомбаками?

– Мы их дохлыми зовем. В Городе^[8] совсем плохо было, но справились. А в горах чего будет? Там каждый дом – считай, крепость.

Чечен откинулся на стуле, улыбнулся.

– Помню, как-то раз едем по дороге, там кричат – мертвый, мертвый. Мы машину остановили, смотрим – у края поля лежит кто-то... поднимается и падает, поднимается и падает, да. Это у старика Шемшоева

сердечный приступ был, он как раз на табачном поле был. Пасынки обрывал. Вот он скатился, умер, а Аллах до конца помереть не дает. А до нас тоже не доберется никак. Мы так смотрели, потом Иса Хайхароев говорит: чего человеку мучиться, давайте пристрелим, и Аллах с ним. А я ему – ты дурак, что ли? Он и в самом деле туповат, не дошло до него, что кровная месть будет. Сын у Шемшоева на базаре, из мужчин в доме только правнук. Ему пистолет дали, сказали – стреляй, если мужчина. Он выстрелил...

– То есть в горах зомби нет.

– Какой зомби, у нас знаешь какие поля есть? Чтобы скосить, надо, чтобы один человек косил, а второй его за веревку держит, иначе упадет. Ничего такого нет.

Как я и думал.

– Так что насчет поставок?

– Это я один не решаю. Переговорить надо.

– Когда? Я бы десять штук винтовок взял.

– Столько нету. Дорогой товар. Три продам.

– А у аварцев что?

– С ними воюем, – чеченец махнул рукой, – они наглые очень стали.

Говорят, что мы не правоверные, что мы их землю взяли.

Придурки.

– Так когда ответ будет?

– Ты долго здесь?

– Как минимум день еще.

– Вот ответ и будет. Найдешь меня, а если меня не будет, спросишь отца Ахмеда, Абдаллу. Он меня найдет, я скажу...

Но я уже особо и не слушал – я присматривался и прислушивался. К тем пятерым, что зашли и заняли столик сразу за нами. Все они были вооружены, на четырех из пяти – одинаковое камуфлю. И разговоры специфические...

– *По сто пятьдесят. Зовсим сказився.*

– *Он монополию себе сделал. На нас нажирается.*

– *Ни, так не пойдет. Надо решать.*

– *Проводнику скажем, он пусть решает. Наше дило малое.*

– *А чо проводник, мы и сами...*

– *Рот закрой.*

И тут у меня заработала рация – причем срочный вызов.

– Кабан, это Сом, тут проблема у нас.

Черт...

– На приеме.
– Пабло вляпался.
Этого не хватало.
– Где?
– Третий ряд от конца.
– Иду.
Поднялся с места, кивнул чеченцу.
– Прошу простить, дела срочные. Разговор не заканчиваю, и стволы те за мной, до завтра.
Чеченец кивнул.

Когда я дошел до названного места, произошедшее стало мне ясно во всей своей неприглядной красе.

Разводка классическая, даже не представляю, как на нее еще кто-то попадает. Выходишь ты, скажем, из трактира или из вагончика, которые тут местные авторитеты за офис держат – и картина маслом. Кто-то обижает женщину (обязательно красивую) или ребенка. У тебя срабатывают инстинкты, ты вмешиваешься – и тут начинается скандал, а женщина или ребенок вдруг меняют показания. И ты оказываешься кругом виноват, а вокруг тебя – моментально собирается толпа. И чтобы урегулировать вопрос, ты отдаешь деньги, которые у тебя есть, или даешь обещания, которые лучше не давать – прилюдно, только чтобы развязаться с этим. И – попал.

В данном случае – похоже, что баба. Дурак.

– Так, чо за дела!?

Поделюсь еще своим опытом поведения в данной ситуации – надо переть буром. Сущность торга – уголовная, особенно местного, многое – на словах. Закона никакого нет, кроме разве что воровских понятий да самого примитивного понимания, что сегодня – ты, а завтра – тебя. Оттого простое и древнее правило – кому люди поверят, тот и прав. А кому поверят? Кто ведет себя наглее и увереннее. У братвы это «духовитость» называется.

– Че за наезды!? Кто старший?

Есть и еще одно правило. Если у тебя обрез ручного пулемета с сорока пятью патронами в магазине – с тобой мало кто решится связываться. Особенно если ты не один, а с друзьями, вооруженными не хуже.

– Кто тут старший?!

– Ну я...

Цыган, что ли?

– Погоняют как?

– Веслом гонят, а ты...

– Не знаю такого. Бригадир где, кто тут вообще за базар отвечает!?

Сам прикидываю ситуацию. Вот эта гнида, которого Веслом погоняют, потом вон тот еще и телка. Ряд – на стыке, справа торгуют всяким железом, слева – одеждой. Соответственно, народа собралось на скандал немало. Пока полубопыствовать, а далее...

Кто-то похлопал меня по плечу, справа. Собираются наши – это уже хорошо.

– Бригадир где, спрашиваю!

– А шо, без бригадира не порешаем, – Весло начинает наглеть, – твой пацанчик?

– А кто ты такой, чтобы с тобой решать, ты чо, в авторитете? Кто у тебя старший, кто за тебя подписку кинет?!

Заодно прикидываю – не похоже, чтобы Весло здесь многие знали и готовы были за него впрягаться, тупо потому что свой. Это хорошо. Залетный казачок.

– Так, расступились...

Появляются двое контролеров – это администрация рынка. Мордатые такие пацанчики, у одного пистоль на поясе, аж «Стечкин», у другого – помповое ружье.

– Че тут за дела? Ты кто, как погоняют?

– Меня Кабаном, а вот его – Ослом.

Ряд, который слышал предысторию, просто ложится. Это тоже надо уметь – в минуту напряжения разрядить обстановку уместной шуткой. Теперь, как бы все ни обернулось, многие будут на моей стороне – в том числе и потому, что я за словом в карман не лезу.

– Ага, и чо тут делается? Чо за зоопарк?

– Моего пацана по беспределу грузят. Здесь чо, честный торг или беспредел катит?

– Э, ты базар фильтруй немного, да? – говорит контролер, пока второй в упор смотрит на красного как рак, готового броситься Весло. – Беспределу тут места нет. Ты обоснуй, в чем тут беспредел.

– На пацана моего по беспределу накнулись, развести пытались, как лоха. Че за дела такие, я не в теме.

– Не было никакой разводки! – кричит Весло.

– Так, ша, тихо. По теме, – контролер поворачивается к Веслу, – у тебя какие предъявы и к кому есть?

– Вот к этому. Я с сестрой иду...

И тут происходит такое, что ломает весь план.

– Он мне не брат!

Прежде чем я успеваю сообразить, телка бросается на меня.

– Помогите. Он мне не брат, меня похитили, помогите, пожалуйста...

Я в ауте. Все, похоже, тоже. Контролеры приходят в себя первыми, один наступает на Весло.

– Ты кто такой, пацанчик? Тебе кто тут работать разрешил? Ты че, берега попутал? Хочешь на подвал – не вопрос, обеспечим.

– Да не, я свой, с четверки...

– Че... кто у тебя старший? Тебя старший сюда послал или ты сам пришел?

Я понимаю, что надо разойтись краями – пока не сняли и с него, и с нас.

– Так, предъявы к нам у кого-то есть? Тебя спрашиваю.

Цыган мотает кудлатой головой.

– Не... вопросов нет.

Попадись ты мне в чистом поле. Мразь...

– Тогда все, расход? Краями?

– Расход. Пошли...

Но телка крепко держится за Пашу...

– Так, че за тема. Она тебе не сестра, так? Ты опять мутки мутишь?

– Ну и вали своей дорогой.

Цыган смотрит на меня, и я понимаю, что при другом раскладе он бы тут меня без вопросов положил. Ну смотри, смотри. Шавки волкам не страшны.

Вышли за ворота, к машинам, отошли с тезкой и с Сомом покурить. Точнее, я поговорить, а они покурить и послушать.

– Короче, пацаны, тут темы. Появились стволы в продаже в большом количестве, турецкие. И как бы не новоделы. Торгуют ими одни чехи. И внизу Волгоград тоже держат они. Причем глухо. Может, и можно где обойти, но я пока не знаю.

– Ипать мою дивизию... – выругался Сом. – Следующая остановка станция Зима. Чехи Сталинград взяли.

– Чего?

– Волгоград... – поясняет тезка. – Это ж Сталинград бывший. Да... дела.

Блин... точно ведь.

– Короче говоря, ниже не пройдешь. Сейчас с пацаном одним пили

дольку малую, тот все конкретно обрисовал – беспредел лютый, на ходу штаны снимут. Соваться туда с двумя баржами товара – ну его на хрен...

– А если пару катеров подогнать, – рассуждает Сом, – да и вставить им по самые помидоры?

Ну... в общем, тоже вариант. У нас есть четыре конвойных корабля – это переделанные малые траулеры, впереди – пушка, двадцать три миллиметра, половинка от ЗУ-23–2, сзади два пулемета «Корд» и миномет 82 мм. У нижегородцев можно позаимствовать артиллерийские катера, там их два на ходу, на носу там трехдюймовка. Один точно дадут. И – как последний штрих – в Зеленодольске отстаивается один готовый и один в высокой степени готовности «Гепард» – там стомиллиметровка на носу, тридцать миллиметров зенитная скорострелка на корме и ракеты «Калибр». Есть и поменьше – называется «Каракурт», но тоже хватит за гланды всем заинтересованным лицам. Со всем этим – заявиться к чехам и силой пробить дорогу. Наверное, сможем. Проблема в другом – нам надо не только туда, но и обратно, и желательно не один раз. Второе: если чичи взорвут гидротехнические сооружения – обмелеет вся Волга. А они это сделают, если буром на них попереть – им пофиг. Так что – не, нельзя так.

– Не, не вариант. Попробуем пока в обход. И еще одна тема. Тут за соседним столом столовались хохлы. Разговоры реально мутные и борзые.

– Я их видел, – сказал Сом.

– И что скажешь?

– А чо тут сказать? Тут резать надо.

Люди к людям, красные к красным, гады к гадам, гребни к гребням. Так сказал бы Серый. А я скажу – за все приходится отвечать. По-любому. Хоть небо на землю падай. Когда вы в Одессе на горелых трупах танцевали – это многие запомнили. И не будет вам теперь жизни, граждане национально свидомые. Хоть и нет сейчас ни Украины, ни России, а есть непонятно что, но люди остались, и за косяки ваши при случае с вас спросить – святое.

– Погоди резать. И без хохлов голова кругом. Значит, первое: надо на хату сейчас встать. Второе: я договорился с одним дядей чеченской национальности. Он мне снайперку продаст, надо бы посмотреть, когда она сделана, тогда или сейчас. И третье: как только с чехом разберемся – надо баржи назад отправлять, а сами на колеса. Землей придется идти, ничего не поделаешь. Путь водой перекрыт.

– Понятно.

– Да ни хрена не понятно. Но будем разбираться. Так, пацаны, по машинам, и погнали. Квадрат нужен, встанем, дальше будем прикидывать.

– Хоп.

Только рассаживаемся – скандал. Телка эта, что с Пашей сюда приперлась, садится к нему в машину. А нам посторонние на хрен не нужны.

– Че за дела!

– Не трогай ее! Она с нами поедет. – Это уже Паша. Решил, что может решать, кто с нами поедет, а кто – нет.

Вот кого я больше всего ненавижу по жизни, так это дураков. А я дураком никогда не был и не буду.

– Паш. На минуточку.

Выходим из машины. За высоким забором с колючкой шумит рынок. Место, где нет ни добра, ни зла. А есть просто торг.

– Ты понимаешь, какой ты псдец творишь?

– Александр Вадимыч... а ей куда сейчас идти?

– На жалость не дави, я ее в пятом классе на жвачку сменял.

– Александр Вадимыч... я ее не брошу.

Мы смотрим друг другу в глаза... ему на пятнадцать лет меньше, чем мне. В его годы я был таким?

Нет, не был.

– Не бросишь, Паш, не бросишь...

Достаю бумажник, отсчитываю деньги.

– Бегом в торговый ряд. Поблизости который. Покупаешь ей одежду новую, всю до трусов, и все, что там нужно – мыльно-рыльные, и все прочее. Выбирай так, чтобы к неприятностям все было готово.

– Александр Вадимыч...

– Базара лишнего не надо, не заплачу. Будешь в обязоне. Поможешь, когда попрошу, понял?

– Без вопросов. Что скажете.

– Бегом давай. Сом, проводи его. И, Паш...

– Презервативы купить не забудь.

Паша срывается с места, вместо него подходит ВВ. Я не оборачиваюсь.

– Она остается.

– Шеф, понимаете...

– Это приказ. Вопросы?

– Да нет...

– С пацанами сам поговоришь. Пусть присматривают за ней, а то мало ли. Если что, доложите мне.

– Есть...

Зачем я это сделал? А не поняли? Телка эта... телка как телка, мне она ни шла, ни ехала. Мне Паша нужен. А нужен он мне для того, чтобы понять, что происходит в Камабарке и по каким-таким вопросам Забродин контактит с мутными москвичами. Если это просто левак – на него можно и глаза закрыть до времени. А если не просто – то надо действовать, пока все далеко не зашло. И кто нам поможет во всем разобраться, как не снабженец горадминистрации?

Я же говорил, что дураков не люблю.

На квадрат мы встали – там есть такое место, несколько многоэтажек стоят плотно – вот, несколько пацанов скинулись, ров прокопали, воду пустили, в пустых местах где контейнеры поставили, где автобусы на попу – вот тебе и получилось что-то вроде караван-сарая. Брали за постой прилично, но оно себя оправдывало.

Сразу начали готовиться к встрече с чичами – подняли беспилотник. Верить им нельзя, и надо быть ко всему готовыми.

Паша отдельно занимался своей красавицей, я ему не мешал. В конце концов, я и сам так же влип совсем недавно. В конце спросил:

– Может, ее с баржами наверх отправить?

– Она с нами хочет.

– А кого интересует, что она хочет?

– Она местная. Дороги знает.

– Точно?

– Проверим. И ты присматривай за ней.

С чехами договорились пересечься в районе Императорского моста. Место там интересное – высокая насыпь, с двух сторон тоже дорога, домики и сам мост, собственно. Снайперам – раздолье.

Мы подошли одновременно с чехами – они с того берега ехали, – и тут стало понятно, что их больше, чем мы рассчитывали.

Ладно. Как сказал тот чукча – где ж мы вас всех хоронить-то будем...

– Птаха – всем плюс.

– Двойка, плюс.

– Тройка, плюс.

– Если начнется – не отсекайте от моста, дайте уйти.

– Плюс.

Чехов опасно недооценивать, они за мирное время изрядно

подучились – мы же их и научили. Но и переоценивать их тоже не стоит. Хладнокровия у них нет.

Выхожу из машины. Чехов навстречу идет четыре человека, двоих не знаю. Один особенно колоритен – бородка, как у Радуева, и черные очки. Косплейщики гребаные.

Подхожу ближе, примеряясь в случае чего прыгать вниз, под насыпь.

– Деньги со мной. Где товар?

Спокойствие. Это главное.

Чехи смотрят на меня. Потом один говорит:

– Э, я тебя знаю. Ты в Новгороде на площадке автозавода торговал.

– И что? В чем вопрос?

– Мы тебя не знаем, – тот, с бородкой, – а с кем не знаем, не работаем.

– А кто сказал, что я работать буду. Че за движения? Договора такого не было.

– Легче, – вступает в разговор Тепкоев, – деньги не только мои, тут несколько тейпов торгует. Все твое сейчас принесут.

– И поторопитесь.

Появляется пацан. Еще один. Несут длинные чехлы. В свете фар почему-то все кажется черным.

– Откройте, проверьте.

– Э, там все нормально, – бородатый.

– Деньги тоже без счета возьмешь? Не вопрос.

Тихий щелчок в наушнике.

– Зомбак слева, в домах. Сейчас отработаем.

Этого не хватало.

– Зомбаки слева в домах, сейчас снайпер будет работать. Не пугайтесь.

– Чего? Снайпер?!

Чехи хватаются за стволы, мы тоже. Начинает работать снайпер, он с глушаком, отсюда почти не слышно ничего.

– Стволы не надо лапать, – говорю укоризненно, – там вон, под насыпью, дохлые в домах, сейчас сюда выберутся и нас покусаят, вам это надо?

– Где дохлые?!

– Там, – показываю.

В ответ чечены предпринимают психическую атаку – выстраиваются на насыпи и начинают шпарить из автоматов во все, что движется и не движется. Крики – вон побежал, вон там он. Глушаков у них нет, грохот стоит неимоверный, мертвого поднимет... хотя сейчас эти слова можно очень по-разному трактовать. В магазинах каждый второй трассер... откуда

берут только. Они же стволы так сожгут.

Ну придурки... Мастера контактного боя, твою ж дивизию.

Внезапно понимаю, что Тепкоев смотрит на меня. Поймав мой взгляд, он кивает – отойдем.

Отошли. Тепкоев достал портсигар.

– Будешь?

– Нет, не курю.

Молчим. Никто не знает, как начать разговор.

– Сейчас со всего города дохляки сюда на стрельбу сбегутся, – говорю я.

– Оно так, – отвечает Тепкоев, – молодые еще. Кровь гуляет.

Говорим по-русски.

– Товар, значит, я тебе привез, без обмана, деньги передаешь. И дальше буду привозить. Но тебе, я так понимаю, не только товар нужен. Но и информация.

Тепкоев понижает голос.

– Соображай. И ни с кем меня не путай. Я во время второй войны за вас был, потом в ФСБ работал.

– И?

– И я понимаю, что, как бы дело ни пошло, лучше договариваться с русскими, а не с турками, не с афганцами, не с паками. Пока мы с русскими были – мы сами собой были, своим языком говорили, Аллаху молились.

– А как же выселение? – задаю провокационный вопрос я.

– А... сколько времени назад это было. И потом – если таки подумать, выселение не русские делали, Сталин делал. Сталин грузин, это такая нация, они всех правоверных ненавидят. А сейчас в Городе кого только нет, набежали всякие шайтаны, в комнатах молятся, молодежь против стариков, против народа настраивают. Разговоры идут... говорят, что, раз мы маджлисы делаем, устазов и святыя места почитаем, никакие мы не мусульмане, а бидаатчики^[9]. Все это они не взрослым мужчинам говорят, если бы говорили, их бы давно зарезали. Все это они нашим детям говорят... шакалы. Если так пойдет и дальше, в один день нас в постелях вырежут, астауперулла...

– Понятно. Много выжило?

– Много. В Афганистане много, в Пакистане там такое место есть – Зона племен. Там почти все. В Турции тоже, особенно армейские части, и в горах – как раз те места, что с Грузией граничат. Каспий полностью под ними. Дагестан под них лег – все, кто уцелели. До нас дошли. Говорят –

Халифат, только вот нас не уважают. Недавно сам слышал на собрании – всем учить арабский надо. Зачем мне учить арабский, у меня свой язык есть!

«И русский», – подумал я, но ничего не сказал.

– Понятно.

– Еще. Голос у тебя есть, передай всем, кто хочет слушать. Тут у нас были ваши люди – до самого Сарычина доходили.

– Докуда?

– Сарычин. Не знаешь? Волгоград по-вашему. Был разговор – сначала про нефтяные качалки. Потом совсем нехороший разговор пошел.

– О чем?

– О том я скажу, когда ты мне ответ принесешь. Мне надо семью перевезти – примете? Они работать будут, мы все работать будем. Хоть кем.

Свежо предание. Хотя.

– Я сам не решаю.

– Передай тем, кто решает. У меня уже жизнь сделана. Я хочу, чтобы внуки росли среди людей...

Ну... в общем, понимаю.

– Что еще сказать?

– Скажи, что у дракона семь голов, но главная – жадность. Все, иди. Аллах с тобой, русский...

Бывшая Россия. Ульяновск – средняя полоса

Девятьсот тридцать восьмой день Катастрофы и далее

Ночью развернули станцию дальней связи, поднявшись на крышу и подняв небольшой воздушный шар, связались с Ижевском, потом с баржами и велели поворачивать назад. Они, скорее всего, в Новгород сразу уйдут и без меня. Странно... без меня в Новгороде ни одного торго не было... не по себе.

То, что мы таким странным образом закорешились с чичами, я передал отдельно, на станцию УФСБ и шифром. Шифр самый простой, страница из книги как ключ, но сейчас никто его не взломает – возможностей нет, да и не до того.

Теперь надо было уходить, и как можно быстрее.

Это было правильным решением – я это чувствовал. Слишком серьезный был вчера разговор на мосту, слишком многое могло произойти после него – вплоть до попытки уничтожения всей нашей группы. Способ

избежать всего этого только один – выйти из-под удара, уйти прежде, чем этот удар нанесут. Я много чего понял в этой жизни за крайние три года, и одно из того, что я понял – между битвой и избеганием всегда надо выбирать избегание, до тех пор, пока это возможно. Нет, если зажали в угол, то надо драться, тут без вопросов. Но если есть возможность промолчать, договориться, избежать, чтобы тебя поставили перед выбором, избежать драки – надо это делать. Встрял, потерял технику, людей, товар – уже проиграл.

И потому я уйду, еще ночью, когда никто не ждет. Прежде чем кто-то успеет что-то предпринять, если попытается.

Ночью, полчетвертого – поднял всех по тревоге, наглотались кофе и в десять минут пятого были готовы к выезду. Моросил дождь... не слишком сильный, но нудный и непрерывный. Это хорошо, это смывает наши следы и затруднит поиски.

Вместо шлагбаума тут был старый автобус; увидев, что мы уходим, – удивились, но ничего не сказали, откатили. В конце концов, мы ничего не были должны, наоборот – наше оплаченное время постоя еще не закончилось. Надо ехать – и надо.

Из относительно упорядоченного мира Квадрата мы вырвались в пустой и страшный мир незачищенного города, мир почти без людей, без жизни. Над землей низко нависало небо, дождь усилился, и наши фары пробивали пелену дождя всего на несколько метров. Казалось, что мы плывем под водой.

Батя поставил магнитофон, хрипло запел Шевчук.

*Когда идет дождь,
Когда в глаза свет
Проходящих мимо машин, и никого нет...
На дорожных столбах венки, как маяки
Прожитых лет.
Что ты в пути?
Третью жизнь за рулем,
Три века без сна,
Заливает наши сердца серым дождем,
И кажется все:
По нулям кислород и бензин,
И с кем-то она,
Но все-таки знай – ты не один...*

Да, мы все-таки не одни в этом мире. У нас есть дом, куда вернуться, и есть цель. Как сделать наш дом еще более крепким, еще более защищенным. И это главное.

На выезде из города на нас из развалин напал монстр, напал тупо. Какая-то каракатица попыталась запрыгнуть на машину и выхватить пулеметчика. Первое ей сделать удалось, второе нет – клетка помешала, и два слоя сетки-рабицы, которые даже монстр порвать не смог. В упор ударили автоматы и короткий дробовик, и тварь слетела с машины, пулеметчик отделался испугом. Останавливаться и добивать не стали, потому что это не наш город, и если местные не хотят или не могут навести у себя порядок, то и мы не нанимались.

Утро – настоящее утро – мы встретили на полпути к Сызрани. Город, по моим данным, настолько блатной, что и словами не опишешь, но мы его обойдем. Если к тому будет возможность. Потом круто повернем на запад и пойдем в сторону Воронежа. Дальше – по обстоятельствам...

Рассказывать о том, что вокруг, смысла особого нет, сельская местность – она и есть сельская местность. При Катастрофе она почти вся выжила – но роль фундамента какого-то нового объединения людей для выживания в условиях беды она не сыграла. Наоборот – она стала большой проблемой для дальнейшей жизни. В Тольятти, Ульяновске, Сызрани до восьмидесяти процентов бычья, низшего звена банд, – это как раз выходцы из села, вставшие на путь бандитизма уже после Катастрофы. И то, что они творят – уму непостижимо.

Советская власть русскую деревню убила. И не спорьте со мной, я до шестнадцати лет каждое лето жил в деревне у родственников – знаю, о чем говорю. Сталинизм напрочь убил в человеке хозяина. То, что свистят, что, мол, при СССР хозяевами земли были крестьяне, а хозяевами фабрик рабочие, – это все гон, ни крестьяне, ни рабочие не могли осуществлять ни одной функции хозяев в отношении того, что якобы им принадлежало. И крестьяне, и рабочие были государственные рабы, а у крестьян даже не было паспортов, они обязаны были трудиться на земле за трудовни – палочки, на которые неизвестно, что получишь, может, что и ничего. Каждый колхоз обязан был сдавать государству норму (которую могли и повысить, если не хватало в целом по району, а у тебя еще оставалось) под страхом уголовной ответственности, а на трудовни – что осталось.

Все это произвело действие страшное, аукающееся нам и поныне. Хозяев не стало, их объявили кулаками и послали на смерть, в Сибирь, а где-то и просто убили. Выживание стало зависеть от того, какие у тебя

отношения с районом, сколько на тебя разверстают поставок. Хороший председатель – это не тот, кто поднимает хозяйство, кто увеличивает удои и укосы, а тот, кто умеет договориться с районом и доказать, что хозяйство такое задание не осилит, надо бы поменьше. Понятное дело, не за так – за самогон, за поросенка. Крестьянин тоже никакого желания трудиться на земле не имел, если у него все и так отберут, а за попытку торговать будет тюрьма. Его задача – как можно быстрее, «на отвали» отработать барщину, потом заняться своими делами. У меня же все родичи из села, в город только мать перебралась, я знаю, о чем говорю. Собирали грибы, ягоды, дед плел корзинки и продавал. Тайком косили и сушили траву для коровы. Тем и выживали – не благодаря, а вопреки.

Так уже ко временам Хруща русскую деревню отучили работать, если раньше обвинение в лодырстве в глазах деревенского мира было приравнено к обвинению в воровстве – то сейчас к лодырям относились с пониманием. Потом при Хруще пошла вторая волна индустриализации, забирая из деревни самых умных и перспективных – таких, как моя мать. А при Брежнев мы уже начали покупать зерно, имея четверть всей пашни планеты.

Так что когда меня спрашивают, за что я ненавижу советскую власть и Сталина, – а вот за это и ненавижу. И не только за это. Когда в деревне рос я, она уже разделилась – часть могла работать на себя, но спустя рукава на государство, а часть тупо бухала, воровала все, что плохо лежит, и не могла работать даже на себя. Мои родственники держали корову, у нее удои был тридцать – тридцать пять, иногда и сорок литров молока в день, у колхозной – пятнадцать-шестнадцать. Причем – корову мы покупали у колхоза, еще первотелком, другой коровы нам взять было неоткуда. Просто наша корова всегда была сытой и ухоженной, а не стояла по вымя в дерьме, как колхозная, которая доилась, как коза.

Так вот. После девяносто первого, когда началась рыночная экономика и каждый должен был заботиться сам о себе, почти вся деревня рухнула, свалилась и скатилась. Справиться и зажечь своей жизнью она не смогла. Имея при этом лучшие условия за всю тысячелетнюю историю Руси – государство впервые за это время отказалось брать с деревни налоги, налогообложения в деревне почти не было. И то, что были пресловутые «ножницы цен» – фигня все это, я разбирался. Ярчайший пример – в Европе приемная цена за литр молока четырнадцать рублей за наши деньги, у нас двадцать два – это как? При том, что в Европе солярка дороже вдвое. Просто люди не хотели и не умели работать. Сталинское рабство убило деревню.

Потом в деревню пришел городской капитал, начался быстрый рост по всем показателям, правительство объявило субсидии на закупку сельхозтехники – но это не было возрождением деревни. Просто на деревне стали появляться бизнесы с городскими собственниками, и деревенские начали наниматься к ним на работу, как в городе. Потом хлебнули лиха с такими работниками.

Что же касается остальной деревни, – а на хорошую работу попало меньшинство, – то она выживала как могла. Возродилось отходничество – были бригады, строители в основном, нанимались на Севера, Крымский мост строить, все такое. Кто-то работал в близлежащих городах, в основном тоже по стройке, или балкон, там, сделать, квартиру отремонтировать. Эти еще нормальные, а были те, кто бухал, отбирал у бабушки-дедушки пенсию (по деревенским меркам пенсия очень большая, это в городе пенсии считались маленькими), гонял на старой «девятке» без номеров и жил, как птицы божьи живут – сегодняшним днем, есть что покушать и бухнуть – и ладно. Сейчас все эти строительно-шабашные бригады превратились в ударные отряды мафии, сменив строительный инструмент на автомат, а эти бухарики в основном присоединились к ним.

Для чего я вам это все рассказал так длинно? А для того, чтобы вы понимали, где мы едем и что нас ждет в пути, если косякнем, проявим неосторожность и просто не повезет. Мафия на Сицилии – она ведь тоже из глухой крестьянской глубинки.

Нас постоянно сопровождали, почти от самого Ульяновска. Часто не по одной машине – «девятка», «десятка», «Нива», дешевый джип. Самый писк моды – двери на фиг сняты, это чтобы можно было на ходу вести огонь из автоматического оружия, ну и просто круто, на машине как на мотоцикле едешь, ветер в харю, а я шпарю. От деревни в деревне... кстати, то, что Серый говорит, что они деревню в рабстве держат – фигня это все. Они могут держать в рабстве только пригороды, а также те деревни, куда они расселили бежавших из города горожан, чтобы работали на них. Вот эти – да, эти в рабстве, а деревню ты фиг в рабстве удержишь. Здесь же спайка мертвая, готовые бригады. И если они к тебе нанимаются работать – это не значит, что ты их хозяин. Срать они на тебя хотели!

– Вадимыч, глянь-ка.

Нас обогнала белая «Приора», тачка – отпад сама по себе. Двери сняты, крышка багажника тоже снята, в багажнике сидит е...нутый отморозок, по пояс голый, в спортивных штанах и резиновых сапогах, трясет пулеметом РПК с банкой. Не целится, просто трясет. Интересно, это он меня впечатлить, что ли, решил? Так я не впечатлительный.

- Предупредительным, что ли, долбануть? – поделился сомнениями пулеметчик. Спарка ПКТ не шутка, раз – и квас.
- Не, – сказал я, – пока обострять не будем.
- Плюс.

Рано или поздно остановиться все равно пришлось бы, так что мы остановились у бывшего придорожного кафе, разросшегося за время Катастрофы во что-то типа замка с блоками. Тут тебе и гостиница, и пожрать, и ремонт, и развлечения, и топлива нальют. Бодяжного, правда, какое и трактор «Беларусь» с трудом переварит. Но в целом – отличное место для непритязательного сельского досуга в стиле «колхозный рэп». Тут, наверное, даже вкусно, если не брать в расчет самогон.

Встали – рядом в основном те же «Приоры» и «Нивы» со снятыми дверьми, но есть и нормальные машины и грузовики. Из динамиков на всю округу бацает музыка.

*Владимирский централ, ветер северный,
Этапом из Твери, зла немерено,
Лежит на сердце тяжкий груз.
Владимирский централ, ветер северный,
Когда я банковал, жизнь разменяна,
Но не «очко» обычно губит,
А к одиннадцати туз.*

Бессмертная, надо сказать, музыка. А вот мы – ни хрена не бессмертные. К моему глубокому сожалению.

– Так, обедаем двумя заходами, – скомандовал я, – кто остается в машинах, оружие держать при себе, патрон в патронник дослать, с предохранителя снять, на пулеметах дежурить. Начнут воровать – доклад и работа, убивать – просто работайте без доклада. Саня, ты старший, второй сменой пообедает.

- Есть.
- На первый-второй рассчитайся.

Основное здание здесь – это два этажа, кирпич, к нему пристроено еще шесть – гостиница – и рядом еще три. То, что три – вывеска сообщает, что это «Казино Лас-Вегас». Понятное дело...

Вон и машины со снятыми дверями стоят. Их не угоняют – кто угонит,

да и куда. Другие сейчас времена.

Мы идем друг за другом, можно сказать – мы банда. То есть автоматы в машинах, но пистолеты под рукой, в случае чего и долбануть можем...

На входе дверь, стальная, и ручка стальная же, из согнутой арматурины сваренная, и ржавая – это уже «Сталкер-стайл» или «Чернобыль». Кстати, с ручкой они косякнули – нельзя делать прочную ручку на стальной двери, иначе ею же эту дверь и выдернут из косяка, зацепив тросом за машину.

Я подербанил ногой в парадное, после чего открылась кормушка и высунулось мурло – такое, что в два дня не обсеришь.

– Кто такой?

– Человек божий, обделан кожей. Пожрать бы мне по-человечески да выпить, если есть. Восемь душ нас, и еще потом восемь зайдет.

– Выпить есть. Только со стволами нельзя.

– Это всем или только нам?

– Всем.

– А если ствол сдам и скажу, что больше нету – шмонать будешь?

Компьютер в голове привратника зависает.

– Открывай давай, а то к соседям поеду...

Лязгает засов.

– Заходите. По одному только.

Я захожу первым.

– Польты куда, тебе?

– Чего?

– Проехали.

У охранника ружье, помповое, на удивление неплохое – «Моссберг». И дрын – банальная палка, черенок от лопаты.

– Вы тока это. Без глупостей. Хозяин за попорченную мебель три цены взыскивает.

– А за попорченные рожи сколько?

– Ладно, води...

Проходим. Во всю мощь буцает магнитофон – теперь «Нирвана».

*Load up on guns bring your friends
It's fun to lose and to pretend
She's over-bored and self-assured
Oh no, I know a dirty word*

*Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello*

*With the lights out, it's less dangerous
Here we are now; entertain us
I feel stupid and contagious
Here we are now; entertain us
A mulatto, an albino, a mosquito, my libido
Yeah, hey...*

Смеллс лайк тин спирит. Песни моей молодости...
Двор, магнитофон, подвал, девчонки. Футбольное поле ближайшей
школки, куда ходили драться. Жвачка «Турбо». Где все это...
Смех... нам тогда десяти рублей хватало на все, на компашку из
нескольких человек. Десяти, вашу мать, рублей.
«Нирвана», группа из небольшого депрессивного городка лесорубов,
ставшая легендой девяностых. Под эту песню дрались на стрелках – тогда
еще просто дрались, это потом стали убивать.
Курт Кобейн в конце концов купил винтовку и вышиб себе мозги.
А потом вышиб себе мозги и весь мир.
Ладно.

*I'm worse at what I do best
And for this gift I feel blessed
Our little group has always been
And always will until the end*

*Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello, how low
Hello, hello, hello*

*And I forget just why I taste
Oh yeah, I guess it makes me smile
I found it hard; it's hard to find
Oh well, whatever, never mind*

*Я худший в том, что делаю лучше всего.
За этот дар я чувствую себя благословленным.
Наша маленькая группа всегда была
И будет до конца.*

Боже, благослови нас и наш конец света...

Картошка есть картошка, а мясо есть мясо, их испортить невозможно, а приправы, какие получается достать, мы возим с собой. И получается очень даже неплохо.

Вместе с нами столовались еще человек... сорок, а точнее – сорок два, я всегда в таких случаях считаю. И так как речь шла не о настоящем Вегасе с настоящей мафией, а о колхоз-стайл – не подкатить они к нам просто не могли. Это тогда не колхоз получится – без драки с чужаками. Они даже не соображают, что у нас хватит опыта и сил всех их тут положить.

Посматривали на нас, потом подошел один красавец. Из таких, которые из армии возвращаются и после дембеля не успокоятся, пока всех девок в родном селе не перепортят. Красавец.

– Здорова.

Я продолжаю есть.

– Здорова, говорю.

Я поднимаю голову от тарелки и смотрю на него, но ничего не говорю.

– Вы это... по нашей дороге едете.

– Заплатить бы надо.

– Сомяра! – негромко говорю я.

– Аюшки! – Сом поднимает голову от своей тарелки с таким видом, как будто он до этого ничего не слышал и вообще не в теме.

– С нас за проезд требуют.

– Да ты чо? Кто?

– Вот, с колхоза юноша подкатил.

Со всего стола раздается сдержанный, но зловещий смех.

– Разведи по понятиям.

– Ага...

Сомяра аккуратно кладет на стол вилку и нож и в упор смотрит на прибалыканного пацана.

– Кто такой будешь, пацанчик? – ласково спрашивает он. – Как тебя

гонят?

Пацан не знает, что ответить (на селе вообще златоустов мало, при серьезной терке они быстро теряются), и отвечает агрессией:

– Тебе какая разница, дядя? Сказано – наша дорога, платить надо – значит, надо...

– Э... за такой базар тебе на любой зоне пику в требуху загонят без дальнейших пояснений. Сразу видно, что зоны не топтал.

– Был я на зоне, че ты гонишь? – возмущается пацан.

– Гонят говно по трубам, а мы с тобой базар трем, – спокойно поправляет Сомяра, – и по какой статье чалился, позвошь спросить? По двести тринадцатой?

– Сто пятьдесят восемь, часть два...

– О... это серьезно. Поросята, поди, с корешами на ферме сыздил, – заключает Сомяра, – а ништяк, авторитетная статья. Еще пара ходок – и, глядишь, коронуют ^[10].

Снова сдержанный, глумливый и зловещий смех.

– Так вот, племянничек. Если ты зону топтал, значит, понятия должен знать хоть немного. По беспределу никто никому платить не должен. Вот я тебе вопрос и задаю – как тебя гонят, под кем ты ходишь. Если ты не сам по себе, гайдамак ^[11], а от авторитетных людей с нами трешь, вопросов нет, отбашляем. А если за тобой только твоя деревня, какие базары тут могут быть?

– Слышь, пацанчик, – врубаюсь в разговор я, – вопрос ведь стоит не так, башлять тебе за проезд или не башлять. Вопрос стоит так, что проще – отбашляться и проехать или тебя и твоих бакланов вглухую завалить и тоже проехать. И больше уже никому и никогда здесь ни за что не башлять.

Пацан явно не знает, что и как ответить. И я ему подсказываю. Негромким голосом.

– Возьми с нашего стола пару пузырей и возвращайся за свой стол. Скажешь, мы уже платили...

Ответить он не успевает – раздается едва слышный тоненький свист, от которого кровь в жилах стынет, и тут же, совсем рядом, гремит взрыв...

Взрыв минометной мины. Я знаю, как это бывает, потому что и на стрельбище слышал, и сам разок попал. Но там восемьдесят второй, а это что-то посерьезнее будет. Как бы не сто двадцатый...

Мельком в голове пролетает – два этажа над нами, плюс крыша. Потолок отсюда видно – бетонная плита. Пробьет?

Нет, нельзя рисковать. Завалит – будет песец. Кого-то прибьет – оказаться в заблокированном помещении с только что восставшими из мертвых и с одними пистолетами – на фиг надо.

– Валим!

Пистолеты уже у всех в руках. Я слышал только один, одиночный взрыв – значит, не батарея работает. Сто двадцатый за пару секунд не перезарядить, мина тяжелая...

– Стой, ложись!

Мы падаем кто куда – и в этот момент гремит второй взрыв. Уже во дворе. Летят осколки стекол, сжимается сердце – за тех, кто во дворе остался, они ведь без нас не уйдут.

– Пошли!

Кого-то сшибая, выскакиваем на двор – кто-то уже корчится на земле, брызгая кровью из тех, кто выскочил раньше нас. К счастью, вторая мина попала в дальнем конце двора, наши машины от осколков прикрыли другие машины.

Сердце в глотке – добегаем до машин. Снова свист.

– Ложись!

Повезло. Промах, и солидный – за забором рванула, забор бетонный. Слышно, как по забору бьют осколки.

Кто-то на дворе уже умер – и вот-вот поднимется.

– Пошли!

Прыгаем в машины – кто в чью, в «буханку» шесть рыл набивается – она бронированная. Рвем с места, хорошо, разворачиваться не надо – то, что машины надо ставить носом к выезду, знает, по-моему, сейчас и ребенок. Четвертый взрыв гремит, когда мы уже на свободе, снеся шлагбаум.

И только что мне приходит в голову – мы не заплатили...

Рвем когти. Потом останавливаемся. Прямо на обочине. Выскакиваю без проверки я, Сивый с братом, они с автоматами разбегаются, а я ставлю на ровное квадрокоптер. Снова прыгаю в машину. Щас взрывы привлекут всю шваль, что есть в окрестностях.

– Квадрик пошел! Сивый, брысь в машину, сторожить некого!

Может, сейчас опять валить придется...

Откуда били? С запада, хотя могу и ошибаться. Главное поднять повыше, а там как повезет. И, главное, управляемость не потерять, потом искать задолбаемся.

Это что вообще было? Люди обедают, по столовке из миномета –

галимый беспредел, за такое вешать надо.

Есть!

Стрелки уже снялись – их выдает след пыли. Две машины уходят по грунтовке, их видно хорошо. П...ры.

Иду за ними, как могу, и настраиваю оптику на максимум, какой только возможно...

Ипать...

– Боря, ты тут? Глянь иди.

Бывший десантник – он до катастрофы возил одного министра, добрейшей души человек, даже на день десантника не дрался, – рассматривает, что происходит на экране монитора, присвистывает.

– Ни хрена себе...

Две машины. Первым идет джип... кажется, «Гранд Чероки». Темно-зеленый, обычный для них цвет. Второй – «КамАЗ». У «КамАЗа» кузов – типа реф, но крыша сверху вырезана на две трети – тут это хорошо видно, с квадрака-то...

Песдец.

Надо квадрак возвращать – вон, изображение уже полосами пошло.

Разбираться мы не стали – не с кем и незачем. А просто дернули оттуда как можно скорее, пока не прибыли местные. Они разбираться не будут, для них кто чужой – тот и виноват. А там сто пудов «двухсотые» были.

Вечером съехали в поле, ни в какую гостиницу, ни на постой вставать уже не рискнули. Если тут такой беспредел катит – лучше вообще от обжитых мест держаться подальше, чтобы за чужое не встять.

Развели костерок, согрели еды и поели. Потом собрали военный совет в Филях – я, тезка-ВВ, Боря...

– Это че было? – Саня не стеснялся в выражениях. – Совсем краев не видят. Им че тут, не жить уже?

– Братка, послушай, – вступил в разговор Боря, – это что-то реально серьезное было, не наезд. Мы с квадрака видели – джип и «КамАЗ», у «КамАЗа» кузов реф, а сверху дыра большая вырезана.

ВВ темнеет лицом.

– Точняк? Твари.

– Что?

– Со мной в Сирии пацанчик служил, с Донбасса, он на краткосрочке был. Рассказывал, у них зимой две группы работали. Одна на «Скорой», другая на мусоровозе. Точно так же – крыша вырезана, и миномет внутри.

Кошмарили город, два-три выстрела – и уходят. Помните, остановку троллейбуса обстреляли – как раз эти работали.

– Поймали? – интересуюсь я.

– По словам пацанчика, тех, что на мусорке, в конце концов выцепили. Местные вроде были, фанаты футбольные, что ли. Их даже судить не стали – положили в рядок и этой же мусоровозкой переехали.

– А нам че делать?

ВВ сплевывает.

– Теперь идем как по-боевому, если такие дела творятся. Квадрик поднимаем, дорогу смотрим, с дороги главной уйти надо. С местными вообще никаких дел.

– Хоп, – заключаю я, – так и сделаем...

Перед тем как идти на боковую – моя смена с трех ночи, – ищу Пабло. Тот в четвертой машине, со своей красавицей. Увидев меня, выходит.

– Испугался? – спрашиваю.

– Нет.

– Ну и дурак. Запомни, есть смелые экспедиторы, а есть старые. Смелых и старых не бывает...

Бывшая Россия. Средняя полоса

Девятьсот сороковой день Катастрофы

Дальше идти стало намного сложнее, потому что одно дело – просто ехать по дороге, а другое дело – постоянно останавливаться, поднимать квадрик и смотреть, чего там впереди, нет ли угроз.

Если ты идешь по какой-то местности, то ты выбираешь одно из трех: идти по главным дорогам, по второстепенным или по сельским (то есть вообще ломить напрямую). На первой тебя ждет куча опасностей, потому что это именно та дорога, на которую выходят бандиты, та, которая именуется «большой дорогой». Времена сейчас отнюдь не вегетарианские, и встречные бандиты могут просто тебя убить и отнять машину. Или просто убить. Кроме того, часть дорог действительно платная, группировки, сильные настолько, что могут рассчитывать на долгий контроль тех или иных дорог, садятся на них всерьез и берут плату, как феодалы. Более того, я знаю даже случаи ремонта дорог – подпрягают должников. Понятное дело, ремонт самый примитивный, кусочно-ямочный. Но это уже не поведение бандитов.

Второстепенные дороги – там полно этих самых селюков с пулеметами и автоматами, которые могут пальнуть просто из удали молодецкой, они чаще всего сильно разбиты, некоторые непонятно куда ведут, и можно заблудиться. Если лезть по полям сплошную – во-первых, ты топлива намного больше сожрешь, а во-вторых, в лесах банды. У нас в Кировской области это есть, в некоторых местах, приходится целую войну с ними вести. Около дорог чаще всего все же хорошо просматривается местность, а тут любой перелесок заговорит огнем – охнуть не успеешь.

Решили идти преимущественно по сельским дорогам, время от времени поднимая квадрик. Чтобы снизить риск, решили разбиться на две группы и идти вне пределов прямой видимости друг друга. Банды обычно разведку не ведут – и при нападении внезапное появление на стороне противника еще одной силы, удваивающей его огневую мощь, обычно обращает их в бегство.

Но идти все время по второстепенным нельзя было, и где-то мы выходили и на основные. Не зная, что в Саратове, я правил на Пензу и Тамбов, чтобы потом круто повернуть на юг, обходя тем самым возможные зоны контроля кавказцев.

Рассказывать о том, что мы видели, смысла нет – дороги разбитые, травы много, и это плохо. Кое-где, наоборот, сильные палы – траву жгли.

Через десять лет тут вообще дорог не будет.

Нас снова кое-где преследовали, но чем дальше мы уходили от Ульяновского анклава, тем меньше. Оно и понятно – меньше топлива, меньше работы. Работа – она нужна, хотя бы даже и в бандитской бригаде. А если ее нет – то и жить нечего.

В одном месте нас пытались остановить, даже поставили старый «КрАЗ» поперек дороги, но предупредительной со спарки ПКТ хватило – связываться не решились. И правильно сделали.

Так мы обошли Пензу и дорогами дошли практически до Тамбова.

Там нам надо было заправиться, и мы остановились на нефтебазе, на самой окраине Тамбова. Там уцелела нефтебаза рядом с железкой, и они откуда-то получали топливо. Про эту базу я слышал на новгородском торге.

Заправляться сейчас – это целая наука, потому что, если от бодяжного топлива движок стуканет, чинить, скорее всего, будет негде и нечем. Потому я потребовал от держащих базу мужичков с автоматами налить мне топлива в банку, поставил на капот отстаиваться. Посмотрим, чем они бавили, а то раз залил, с пеной, отстоялось – там воды чуть ли не треть. Еще мы с собой возим топливные фильтры и чаще чем обычно меняем.

Вроде не хохлы, что само по себе внушает доверие. До Катастрофы

хохлы всю дорогу бодяжили топливо, у них, говорят, на заправках чуть ли не треть разбодяженного: покупают мазут, печное топливо, и давай химичить, иногда прямо в цистернах. Из-за дороговизны бензина, а также из-за массовой бодяги на заправках в Украине все больше машин заправлялось газом – так хохлы додумались и газ бодяжить, до них никто еще не бодяжил газ. Разбодяжат – вроде газ как газ, а машина не едет и расход больше раз в пять. Я это узнал от хохла-беженца, который у нас осел, переработку нашей нефти подручными средствами налаживал, чтобы топливо в республике хоть какое – но было свое.

Тут я услышал разговор, которому не придал значения – мол, хохлы задолбали, жизни от них нету, надо уже тоже в лес идти. Но значения этому я не придал.

Топливо отстоялось – нормально вроде. Залили в три бочки – еще одна наука, сначала заливаем в бочки, оно отстоится немного – и только потом еще раз проверяем и льем в бак. А то сейчас такие самоварщики-затейники есть...

Кофе еще напились, так что глаза на лоб полезли.

Потом мы пошли сто девяносто третьей дорогой, она идет через всю Тамбовщину и выходит почти напрямую на Воронеж. И вот там, недалеко от рабочего поселка Мордово, столкнулись с серьезными неприятностями.

Там было место для того, чтобы купить поесть и заправиться – но оно было сделано на базе обычной заправки, и внутреннего двора там не было, машины стояли прямо у дороги, открыто. Вот там-то, только притормаживая, я и увидел...

Опа...

Вот эти вот машины я и видел тогда с беспилотника. Точняк эти – «КамАЗ»-рефрижератор с кабиной с обтекателем и джип «Гранд Чероки» предыдущего поколения.

Сто пудов эти.

– Батя, – негромко говорю я, – не глуши мотор. Всем стоп.

Точняк.

– Второму, Третьему, Четвертому, как слышите.

– Второй плюс.

– Третий плюс.

– Четвертый плюс.

– Всем внимание, вижу правее нас. «КамАЗ», кабина с обтекателем, и «Гранд Чероки», темно-зеленый. Это те самые тачки, с которых минометами накрыли...

В таких ситуациях всегда стоит выбор, бить или бежать. И решение

надо принимать очень быстро.

Что они нам сделали? Да ничего, но не пострадали мы только чудом. Плюс «Кама» с минометным расчетом в кузове опасен сам по себе и для всех. И еще неизвестно, где и как он всплывет. То, что они творят – обстрел места общепита, когда там толпа народа столуется, – беспредел по любым меркам. Про нас они не знают, силы у них небольшие. Значит, скорее всего, засада будет иметь успех, даже если половинными силами. Увидел – убрал. Все просто.

– Саня, слышишь?

– Плюс.

– Бери четверку, занимай позицию дальше по дороге. Как эти звездюки пойдут по дороге – вали. Но если больше трех машин – пропускай. Смотри, короче. Плюс?

– Плюс, сделаем.

– Рогом не упирайся, будь осторожен. Пошел.

Две машины, рейдовая и «буханка» – трогаются с места. Я пропускаю их, командуя своим:

– Батя, давай обратно по дороге. Ложимся.

Саня – ВВ, или Александр Михайлович Бурлаков, бывший старший лейтенант Национальной гвардии, – приняв на себя командование двумя из четырех машин рейдовой группы, точно знал, что делать.

До Катастрофы он служил в Подмосковье, хотя родился и вырос в Ижевске. Служба ему не нравилась. Нет, вопросов не было, то, что было обещано в контракте, то и выполнялось. Но он видел то, что ему сильно не нравилось.

Немалая часть его сослуживцев – младших офицеров – относилась к службе спустя рукава. Работа с личным составом велась для галочки. Над собой тоже не работали. Главное – полтос каждый месяц на карточку скидывают, и все. Люди воспринимали службу Родине как еще одну работу, причем такую, на которой и делать ничего особо не надо. Если до того, как подняли денежное довольствие, служили убежденные люди, фанатики в хорошем смысле слова – то после того, как подняли, и в армии, и в гвардии появилось много случайных людей. А так как контрактников не хватало, в военкоматах особо не смотрели, кого берут. У старлея Бурлакова было свое мнение на этот счет – создавать российский Иностранный легион, брать туда тех, кто хочет служить, пусть и иностранцев – лучше так, чем набирать своих, которым все до одного места. Но его мнение никого не интересовало.

Он работал над собой, много тренировался, прошел тесты и подал рапорт на перевод в отряд специального назначения, но не успел – случилась Катастрофа.

Чудом выжив на улицах Москвы – он своими глазами видел, как некоторые из его коллег в критической ситуации банально трусили и дезертировали, – он добрался до родной республики, попробовал записаться во вновь формируемый полк обороны края, но тут его старый друг, еще со двора, посоветовал подать документы на «Ижмаш», в охрану. Там-то он и познакомился с депутатом от завода Дьячковым. После первой же ходки на Новгород Дьячков предложил ему написать заявление на должность экспедитора.

Здесь, несмотря на то, что в основном все экспедиторы были пиджаками, не военными, только в свое время отслужившими, все было серьезно и случайных людей не было совсем. Не приходилось и скучать, экспедитор должен быть на все руки мастер. Он должен быть и солдат, и торговец, и переговорщик. Здесь все было без понтов и все касалось реальных денег и реального товара – потому и бессмысленного бреда, какого хватает в армии, не было. Надо уметь и стрелять, и договариваться, и понимать, когда делать одно, а когда – другое. И обычного дела, когда награждают непричастных и наказывают невиновных, тоже не было. Тут все реально: продал товар – не продал, получил за него деньги – не получил, нормально проехал или подставился. И оценка не только руководства завода, но и группы. Будут тебе доверять – не будут, прикроют – не прикроют.

Как человек военный, прошедший отбор в спецназ, он быстро стал старшим экспедитором и кем-то вроде старшего сержанта в группе. Должность была козырной, из обычной семейной двушки он перебрался с семьей в пятикомнатную на Льва Толстого. Но иногда помимо торговли приходилось и чисто воевать, как сейчас.

В машине он быстро сменил ствол: с СВДМ (он был одним из снайперов и командиром снайперской подгруппы) – он перешел на «Сайгу 308–50», быстро выбросил из почей магазина и вставил другие, двадцать пятые. Шесть штук – более чем достаточно.

Триста восьмой калибр он начал осваивать только после Катастрофы, но быстро пришел к выводу, что он, пожалуй, получше и пятерки и семерки будет. А «Сайга 308–50» – она, похоже, что если и не идеальная винтовка, то что-то близкое к этому. Складной приклад, планки, емкий магазин, резьба на стволе, причем обычная, калашовская, что хочешь, то и крепи. Отдача не такая резкая, как на пятьдесят четвертом патроне, а с ДТК и

подавно. Ствол не длинный и не короткий, в самый раз, что в машине с ней ездят, что в адрес заходит. Глушитель и любой дульник на раз крепится. А триста восьмой патрон – он и для охоты, и в городе, и для снайпинга. Пробивает забор, машину, пластиковую оконную или входную группу. Наконец, убийный дает шанс даже против монстра, особенно если патроны охотничьи.

На винтовке – на дорогом, фрезерованном кронштейне – у него стояли оригинальный ЭОТЕК и китайская откидная лупа с пятикратным увеличением – но нормальная, даром что Китай. Таким образом, у него была одна и та же винтовка для стрельбы и на десять метров, и на пятьсот. А конкретно в предстоящей засаде она была хороша тем, что с гарантией билась лобовое стекло машины и «камазовский» кузов.

Вооруженный пулеметами автомобиль притормозил перед поворотом...

– Пошли!

Саня-ВВ первым спрыгнул на асфальт, держа в руках винтовку, пробежал несколько метров по инерции, перепрыгнул через неглубокую канаву на обочине и залег в некошенной траве.

Чуть дальше залег его напарник и второй номер Тимыч, у него был ВПО-148, переделанный на автоматический огонь, с сошками и барабанным магазином.

Машин было три.

В голове шел тот самый джип «Гранд Чероки», за ним, не соблюдая безопасной дистанции, шел «КамАЗ». За «КамАЗом» поспевал белый бусик...

В бусике могло человек пятнадцать поместиться.

– Тимыч, номер один. Я номер два. Танцор.

– Плюс.

– Третий на тебе, не дай уйти.

– Плюс.

Машины чуть сбавили скорость, тут дорога шла в подъем. Небольшой, градусов восемь. ВВ поймал в прицел кабину водителя «КамАЗа», нажал спуск. Тут же рядом застрочил длинной очередью РПК...

Те, кто был в колонне, нападения не ожидали.

Как и рассчитывал ВВ, РПК (ВПО-148 и был РПК, только укороченным) забил «Гранд Чероки» в считанные секунды, в живых там не осталось никого. Машина потеряла ход, с багажника попробовал кто-то

выпрыгнуть – но упал под градом пуль. Сам он методично бил по кабине «КамАЗа», по стеклам, стараясь не задеть движок. Сработала привычка – «КамАЗ» был трофеем, в отличие от ненужного «Гранда», если его доставить с целым движком – его оприходуют и выдадут тебе двадцать процентов стоимости на руки.

Бусик попытался развернуться – но не смог, по нему ударили из трех стволов, не жалея.

Огневой налет закончился так же внезапно, как и начался – наступила тишина.

Никто не поднимался, никто не шел на досмотр. Дураков нет.

ВВ – как и все остальные – сбросил пустой магазин, прицепил полный, пустой аккуратно убрал в свободный поч – магазины и до Катастрофы ценились, а теперь и подавно. Нельзя имуществом разбрасываться.

Наконец появился «УАЗ», головной – прошел мимо расстрелянной колонны и встал в защитную позицию, перекрывая дорогу.

– Пошли!

Как раз в это время тот, что выпрыгнул из багажника, но не был убит пулей в голову, зашевелился и попытался встать, осматривая мутными бельмами навсегда изменившийся для него мир.

– Движение!

ВВ перешел на пистолет и выстрелил. Винтовку лучше было не использовать – могло рикошетом попасть в стоящий впереди «УАЗ».

– Контроль по головной!

Еще несколько выстрелов из пистолета – благо все стекла выбиты, моторный отсек дымится. Теперь точно головная опасности не представляет.

– «КамАЗ»!

С двух сторон, оружие наготове.

Тот, что за рулем – мертв, свисает на руль, мозгами остатки лобового забрызганы. Его просто на дороге...

– Тут выживший!

Я подъехал, когда все три машины уже зачистили. Приказал только цеплять и отогнать с дороги. Чтобы не светиться. И там уже спокойно разберемся.

Начали с головного – он, кстати, во время буксировки загорелся, пришлось останавливаться и тушить. В нем было аж пятеро, один как раз в багажнике был – в тесноте, да не в обиде. Машину, понятно, в утиль, только топливо слить.

С трупов взяли три АК (все – семьдесят четвертые, с тюнингом), одну винтовку типа AP-10 и одну «мосинку» в тюнинге. Арка украинская, «Зброяр». Три ПМа. Все глушаки тоже украинские – харьковская «Стрела». Еще достали плиты из плитников – они все оказались стальными. И обувь сняли.

Зачем? А затем, что обувь дорого стоит, продать можно. И не до брезгливости тут. Плиты тоже дорогие, потом сдадим, для них чехлы пошьют, а нам премия.

Что удивило – мало патронов. Я никак не рискнул бы идти в рейд с сотней патронов к чему бы то ни было. А у этих – два-три магазина, не больше. Видимо, совсем обломно у них с патронами. Зер гут.

В бусике было трое, это был старый «Мерседес-Бенц», с них взяли два АКМ, один АКС-74, помповое ружье – какого-то турка. И тоже плиты из плитников достали. У одного достали из кармана золото – попадались и зубы золотые. Понятно, что любви к нему нам это не добавило – впрочем, мертвому все равно.

Но главное – «мерс» был буквально под крышу завален разной жратвой, мы только переглянулись. Похоже, дань гады собирали. Мы решили брать только мясо копченое и колбасы – банки ну его на фиг, разобьются.

– Мясо без проверки не есть, – предупредил я, хотя мог бы и не предупреждать.

Тем временем пацаны вскрыли кузов «КамАЗа»...

– Шеф, гляньте-ка.

Я подошел, уставился в кузов «КамАЗа» через открытые задние двери...

Да... это мы, похоже, кого-то серьезного привалили.

Рефрижераторный кузов – это обманка, фуфло. Изнутри в него вварена рама, а весь верх вырезан, но снаружи этого не видно, кажется, что обычный «КамАЗ».

Внутри на этой раме стоит переделанный сто двадцатый миномет (штука очень взрослая, без вопросов), вместо плиты он крепится к этой самой раме на каком-то хитром поворотном круге, что дает возможность кругового обстрела. К бортам приварено что-то вроде полок, на них лежат выстрелы. Третий полк примерно пуст.

Тут же пристегнутые ремнями какие-то то ли кейсы, то ли кофры.

– Я посмотрю.

Если что-то делаешь – всегда озвучивай это. Нет ничего хуже, если другие не понимают, что ты делаешь – если не понимают, значит, не смогут

прикрыть или помочь. Работаешь в группе – привыкни озвучивать свои действия.

Забираюсь внутрь, осматриваюсь. Что, заминировано? Да нет, вряд ли. В конце концов, нападения они не ожидали, в кузове не было никого. Если минировать на время поездки – бред, а если потряхнет, детонатор случайно сработает? Тут боезапас к сто двадцатому, рванет так, что мама дома услышит. И отбежать не успеешь.

Что в кейсах?

Присел, потом встал на колени, осмотрел, нет ли каких-то признаков минирования. Похоже, что нет.

Отщелкиваю замки, осторожно, по миллиметру поднимаю – и моему изумленному взору предстает мечта моей босоногой юности. «Барретт» точка пятьдесят. В полном комплекте, даже с фирменным глушителем, сто седьмая модель в тане – песочный цвет. Запасной магазин, оптика козырнее некуда – US Optics SN-9 10–42 (x) 80. Насколько я помнил – такая оптика к вывозу из США была запрещена. Для нее пятидесяти калибр и есть родной, это даже не «Найтфорс», круче. Это снаряжение спецназа.

Во втором и третьем кейсах обнаруживается полный комплект БПЛА тактического класса и защищенный ноутбук с переходником – явно на нем программа для расчетов ведения артиллерийского огня, если я хоть немного в этом понимаю.

На крыле беспилотника – биколор, синий и желтый. С...и.

Я один за другим передаю кейсы вниз – мы их заберем – и спрыгиваю сам. Пацаны во все глаза смотрят на винтовку.

– Ни хрена себе, сказал я себе... – выражает общее мнение Сом.

– Хохлы это, – подвожу промежуточный итог я, – разведывательно-диверсионная группа.

– Откуда? – недоуменно спрашивает ВВ.

Откуда... Хороший вопрос, тезка.

На момент начала Катастрофы на Донбассе шла война. Украина имела – загибайте пальцы – отмобилизованную армию с немалым числом призванных – раз. Кучу отморожков из разных радикальных групп, часть из которых была на фронте, а часть ушла в тыл с нелегальным оружием, – два. Разгул преступности, по масштабам более страшный, чем в лихие девяностые, – три. Массовую торговлю оружием из зоны АТО, которое покупали и законопослушные граждане, просто из страха перед преступностью или на случай, если страна скатится в полный беспредел и войну всех против всех, – четыре. Ушедшие на дембель предыдущие волны мобилизации, которые в большинстве своем дембельнулись тоже не с

голыми руками, – пять. И целые районы в глуши, находящиеся под контролем поголовно вооруженных местных жителей – янтарные копанки. Шесть.

То есть страна была буквально наспигована и оружием, и людьми, способными его применить, терять которым было нечего.

Что с ними произошло после Катастрофы?

Понятное дело – в крупных городах был мрак, особенно в Киеве и Харькове, где жили скученно. Но и то не факт, при таком-то количестве оружия и вооруженных отморожков. А на линии фронта? Или в близлежащих местностях? У всех стволы на руках. Понятно, что сначала, кто встал и начал кусаться, с теми не знали, что делать, и эпидемия началась. Но рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, они не могли не понять, что выстрел в голову упокаивает зомби навсегда. Дальше просто передали бы полученный опыт всем по связи.

Наверняка и наше радио, и телевидение они слушали. Мы же в Ижевске слушали.

И теперь все эти добровольческие батальоны и полки, вместе с армейскими и ментовскими батальонами и полками, стопудово превратились в банды. Потому что ничего другого им и не оставалось. А многие украинские менты – они и есть готовые бандиты, можно каждому второму лоб зеленкой мазать, есть за что.

А так как свое все разграблено под ноль, что они стали делать? Понятно, ринулись ставить крыши, грабить и разорять Россию.

Понимаете, это как дважды два просто. Им просто не остается ничего больше. Границы нет, ее и не было по факту никогда. Вся эта стена – смех один и распил бабла. Наши проиграют хохлам однозначно, кроме разве что ростовских в союзе с ДНР – у них там свои счета, и в Донецке стволов как бы и не побольше было. А в наших благополучных Белгороде, Твери, Воронеже – хана. Хохлов больше, они с армейским вооружением, на бэтэрах и как бы не танках, они нарваные, привыкли убивать, грабить, мародерствовать, многие с судимостями, а еще больше совершили преступления и остались безнаказанными – на Украине перед Катастрофой по некоторым позициям раскрываемость менее пяти процентов была. Многие города эти знают, потому что там гастарбайтерами працювали. Знают, где и что лежит, что можно отжать. А закона сейчас нет никакого, кроме права силы – кто сильнее, тот и прав. Даже уголовный закон, и тот кончается, он держался на страхе зарулить на зону и того, что за беспредел спросят как с гада, – а сейчас какие зоны?

Наверняка хохлы уже и до Подмоскovie дошли, просто у нас еще не

появлялись. Вот такая вот... эпидерсия.

Скорее всего, обстрел этот был или ради устрашения, или потому, что отказались платить. То, что мы кончили – это разведывательно-диверсионная группа, правосеки или «Азов». Просто с военных они переключились на бандитские задачи, только и всего.

Ладно, еще посмотрим, кто кого.

– Трофеи грузите в машины. Осторожно только.

– А с минометом что делать?

– Решу.

Иду к раненому. Он был ранен легко и остался жив, потому что спал в спальнике «КамАЗа» – те, кто погиб, прикрыли его собой. Тот сидит на краю заросшего поля и смотрит, как ему копают могилку. Невеселое зрелище.

Присаживаюсь на корточки.

– Ты хохол или русский?

– Р-русский. С Харькова я.

– Тогда рассказывай. Правду расскажешь – будешь жить.

Харьков, бывшая Украина

Третий день Катастрофы

Иван Лысый. Фашисты

Катастрофа для Сергеева Ивана Владимировича – он же Иван Лысый – началась с того, что утром он пришел на работу в шинку и автомастерскую, а она была закрыта и хозяина не было. Он, как и пятеро других работников, не знал, что хозяина автомастерской сейчас кушает его дочь, заразившаяся в ночном клубе. Не знал он и того, что Харьков был одним из мест, откуда началось распространение страшной беды...

Иван Лысый вместе со своими коллегами прождал не менее часа, потом плюнул и решил ехать домой. На бусике, потому что денег на машину, даже самую примитивную, у него не было.

Иван Лысый был фашистом. Самым настоящим. Выходец из Салтовки – огромного спального района Харькова, застроенного на излете СССР, – он не имел в жизни никаких перспектив, кроме как ишачить за гроши. Нормального образования он тоже не получил – у родителей не было денег на взятки, и мать, и отец пили. Его такое положение дел, понятное дело, не устраивало.

Однажды один из корефанов по футбольной тусовке дал Ивану

прочитать «Майн кампф» – во Львове эта книга распространялась свободно, никто за нее не наказывал. Иван прочитал ее и стал фашистом – потому что все, о чем в этой книге говорил Адольф Гитлер, он видел своими собственными глазами. Каждый день. Вокруг себя. И он понял, что с этим надо бороться, как призывал Адольф Гитлер.

До того как произошел второй Майдан, особо никакой борьбы не было. Они так и тусовались своей футбольной тусой, делились книгами – Гитлера, Гиммлера, Розенберга, – обсуждали прочитанное. Время от времени их нанимали как титушек, что-то погромить или, наоборот, – защитить от погромщиков.

Зимой четырнадцатого он съездил в Киев, но только один раз. Махаться с самообороной Майдана. Он вовремя понял, что Майдан победит и от Януковича и его людей в Харькове, которые нанимали титушек, надо держаться подальше.

Потом Россия захватила Крым и напала на Украину. И Иван, как и все остальные украинские футбольные фанаты, включая крымских, донецких и луганских, свою сторону выбрали...

Но в армию он не пошел. Тоже сообразил – отец хорошего друга оказался военкомом и отмазал их всех за сравнительно небольшие деньги. Так Иван остался дома летом 14-го года и не «загинул», не «потрапил» в один из многочисленных котлов.

Служить он пошел позже, в шестнадцатом – и не в армию, а в батальон «Азов». Или, если называть вещи своими именами, в нацистскую банду.

«Азов» возглавлял Андрей Билецкий, он же Белый Вождь, уроженец Харькова, ранее судимый за разбой с отягчающими. Который еще несколько лет назад с успехом занимался рэкетом на харьковской Салтовке. Весь костяк группировки тоже был из Харькова. Исповедовалась национальная и расовая ненависть. После 2014 года он стал политиком и был избран народным депутатом Украины – а нацистская банда разрослась до размеров усиленного батальона (хотя называлась полком) и была зачислена в ряды МВД, что дало ей дополнительные гарантии безнаказанности. Министром внутренних дел Украины был Арсен Аваков, тоже харьковчанин, ранее объявлявшийся в розыск, вор, взяточник и половой извращенец, – но неонацистам было все равно на это, потому что Аваков покрывал их беспредел. Авакову же нужна была подконтрольная ему до зубов вооруженная банда, способная пойти на государственный переворот. Ради этого Арсен Борисович снабдил банду по высшему разряду, самой современной бронетехникой, что была в Украине. Кроме того, «Азов» был уникален тем, что никто даже в штабе МВД не знал его

настоящей численности – кто-то служил легально, а кто-то нет, среди тех, кто служил нелегально, были и граждане иностранных государств. Ради этого личный состав сдавал половину денежного довольствия, чтобы платить тем, кого не было в штате, а также занимался нелегальной работой – крышевал, отжимал бизнесы, бывало, что убивал за деньги. Внешне они мало отличались от таких же тербатов – но внутреннее отличие было огромно. Если в других тербатах исповедовался украинский национализм в редакции Бандеры и Шухевича, то в «Азове» – настоящий, без украинского национального привкуса, гитлеризм. Адольф Гитлер был их кумиром, фашистская Германия тридцатых – их идеалом. К ним начинали примыкать те, кто разочаровался в Европе, не верил в перспективу евроинтеграции, но продолжал ненавидеть, – а таких было все больше и больше. Постепенно «Азов» стал создавать территориальные отделения не только в Харькове, но и в других городах. Змея фашизма, вскормленная ненавистью, поползла по Украине.

Билецкий говорил мало, но делал много. Его сторонники обязаны были помогать друг другу, организация создавала бизнесы для своих сотрудников, регистрировала общественные организации и частные охранные предприятия, чтобы легально носить оружие. Лысый пока устроился работать на шинку, как и сказали, потому что они планировали потом отжать шинку и Лысый стал бы ее хозяином. Но не успели...

Бусик был одним из символов Украины – желтый «Богданчик» – а потом он станет его бедой, потому что, в отличие от нормального автобуса, в нем нормально не пройти и один зараженный запросто успевал перекусать несколько человек, прежде чем остальные успевали убежать. Но Лысому повезло – он доехал до знакомой остановки и остался цел. Правда, они видели какого-то странного мужика, он сначала бежал за кем-то, а потом выскочил на проезжую часть прямо под автобус.

От остановки Лысый направился домой, решив по пути заглянуть в ларек, купить сигарет, а то кончились, и водки. Но ларек почему-то оказался закрытым.

– Э, че за дела!

На стук никто не отозвался.

Потом – Лысый почувствовал, что рядом кто-то есть – он обернулся и увидел в нескольких шагах от себя наркомана. Он был прилично одет, но щека была в крови, и он как-то странно скулил, идя к нему.

– Да щас!

Лысый взгляделся и увидел, что наркоман продолжает идти к нему.

Захотелось его избить, но по здравому размышлению Лысый этого

делать не стал. Ну его на фиг, еще полиция приедет. Поэтому он сплюнул и направился к себе домой. По пути с ним ничего не произошло.

Запершись дома, он позвонил Оксанке – но та почему-то не брала трубу. Выругавшись, Лысый сварил себе макароны и поел, а потом сел играть в комп. И так играл часа три, пока не зазвонил телефон.

– Появилась, коза...

Но номер был левым каким-то. Поколебавшись, Лысый взял трубу.

– Але.

– Лысый?

– Да, кто это?

– Я от Артема. Где ты?

Лысый выпрямился – «от Артема» значило, что полк переходит на особое положение.

– Дома.

– За тобой заедут.

– Хорошо. Слава Украине.

Трубу положили.

Выключив комп, Лысый прошел на балкон, покопавшись, достал там ПМ и коробку с патронами. Начал снаряжать магаз.

Когда в дверь позвонили, он был уже одет, собрал в рюкзак немудреную жрачку и сменку. За дверью были двое, одного гнали Князем, другого – Моряком. Относительно последнего Лысый знал, что он относился к «метеорологам»^[12] – то есть внутренней безопасности полка. Возглавлял «метеослужбу» некто Коротких, по позывному «Малюта», белорус, исключенный из Академии КГБ Беларуси за фашистские взгляды и связи с неонацистами, несовместимые с работой в КГБ. До войны он обретался в России, где совершил как минимум одно убийство. В Украине он тоже успел совершить убийство – в Киеве, не на нуле^[13].

Еще больше Лысого удивило, что Князь открыто держал автомат.

– Собрался?

– Да.

– Ствол где твой? – спросил Моряк.

– В гараже, в яме.

Моряк скривился:

– Далеко?

– Не рядом.

– Ладно, заскочим. Пошли.

Лысый закрыл дверь, бросился за ними по ступенькам.

– Чо, началось?

– Началось, – сказал Князь, – только хрен знает что.

Во дворе, к удивлению Лысого, шатался тот самый наркоман, он пошел за какой-то старухой – потом увидел их и пошел за ними. Но они уже сели в джип – китайский вариант «Прадо».

– Гараж твой где?

– Со двора налево.

Машина тронулась с места. Наркоман вцепился в дверь, но не удержался. В зеркало заднего вида Лысый увидел, как тот упал.

– Чо за фигня творится...

– Не только здесь, – сказал Князь, – по всему городу какая-то лажа.

Мы решили за городом отсидеться... ну типа вышкил [\[14\]](#).

– Понятно.

– Теперь куда? – спросил сидящий за рулем Моряк.

– Вон на ту дорогу. Приехали почти.

Подъехали к шлагбауму. Посигналили. Никто не открывал. Еще раз.

– Да что за...

Князь выбрался из машины и отправился за сторожем. С автоматом.

У Лысого возникло желание тоже выйти – тем более что сторож его должен был помнить. Он как раз вышел из машины, когда раздался крик и короткая очередь.

Из сторожки спиной вперед выбежал Князь, а за ним вышел кто-то весь в крови. Князь прижался спиной к ограждению сторожки, сваренному из арматуры, почему-то не стрелял, но автомат был препятствием между ними. Князь что-то орал, а этот, в крови, как-то неуклюже тянул к нему свои грабки.

Лысый выхватил пистолет и прицелился. Из-за машины ему видно было только голову окровавленного. Мельком промелькнула мысль – посадят, – но следом палец вдавил спуск. «Макаров» грохнул – и окровавленный повалился как мешок.

Вместе с Моряком они подбежали к Князю.

– Там... там...

Он не договорил, его вырвало...

Окровавленный лежал на сваренном из прутка крыльце, ведущем в сторожку, кровь медленно капала вниз, на землю. Было непонятно, что с ним случилось – у него было порвано лицо и, кажется, сломана рука, – и Князь выстрелил ему в грудь, но он еще как-то жил, и только пуля в голову

успокоила его.

Моряк достал свой пистолет – у него был не ПМ, табельный «Форт». Кровью был залит порог, пол...

Лысый только успел заглянуть в сторожку и тут же метнулся обратно, грохоча коваными ботинками, сбежал по ступенькам, его мучительно вырвало...

Более хладнокровный Моряк, держа пистолет наготове, заглянул внутрь, оценил обстановку. Хотя чего тут оценивать.

– Как было? – обернулся он к Князю.

– Я... зашел... а там этот... рвет... жрет... бельмами смотрит, и на меня... на меня...

– Жрет?

– Жрет!

– Смотри!

Между гаражами ковылял какой-то человек, весь в крови. Увидев их, он застонал, протянул к ним руки, тут же упал, но стал подниматься, неуклюже как-то, ходульно, как пьяный...

– Твою мать! – Князь вскинул автомат.

– Постой!

– Стреляй ему в живот. Давай.

Гулко хохотнула очередь, снова опрокинув человека на землю, но он перевернулся, встал на четвереньки, потом начал пытаться вставать. Автоматная очередь разорвала ему брюшину, сизые змеи кишок волочились по земле – но он упорно пытался встать и даже не придерживал кишки, как делают обычно раненые. Ему просто надо было встать – и ничего другого ему не надо было.

– Он что, обдолбанный? – спросил Князь, даже не пытаясь скрыть страх.

– Вряд ли. Стреляй в сердце. Одиночным.

Князь прицелился – но в этот раз человек каким-то чудом даже не упал. С висящими из живота кишками, с простреленным сердцем – он кое-как, но шел на них.

– Подожди!

Моряк тщательно, не торопясь прицелился и дал одиночный в голову. Шедший на них человек свалился мешком и затих.

– Видели? Значит, только в голову надо стрелять. Поехали.

– Я его знаю, – сказал Лысый, – это сосед наш. У него гараж рядом с нами.

– Поехали, покажешь. Давай в машину.

Китайский «Прадо» заурчал мотором и покатиł их мимо рядов гаражей.

– Направо. Теперь вниз и опять направо.

– Там?

– Да.

Около гаражей их ждало не менее страшное зрелище: какая-то баба, толстая, наклонилась, выпятив обтянутый белыми штанами зад, и что-то делала. Увидев их, она быстро обернулась, увидела машину, людей и страшно заорала, оскалив перепачканную кровью морду (лицом это назвать уже было нельзя). А потом она бросилась на них, как-то странно – на четырех конечностях, не вставая, но быстро. Но Моряк был еще быстрее – он вскинул пистолет и выстрелил. Пуля попала бабе в середину лба, и та рухнула с конечностей как мешок и застыла без движения.

– Видели?

Князь перекрестился.

– Пошли. Где у тебя гараж, показывай.

Втроем, с оружием, они приблизились к бабе. Князь опасливо пошевелил ее ногой – та не отреагировала:дохлая, и слава тебе... Потом они пошли дальше, там стояла машина, наполовину выгнанная из гаража, а перед ней лежала на животе девочка... она была мертва. Только тут они поняли, что эта баба делала – она ЖРАЛА. Отрывала куски мяса и жрала. Одна рука у девочки была полностью оторвана.

Лысый до конца жизни запомнил испачканную кровью желтую кофточку. Его бы сейчас вырвало, если бы не вырвало только что до этого. Князя вырвало еще там, у сторожки.

Моряк, не теряя хладнокровия, проверил гараж.

– Чисто, нет больше никого. Который гараж твой?

– Этот... этот...

– Открывай, что стоишь...

Лысый открыл свой гараж, потом они с Князем начали разбирать в нужном месте пол, а Моряк страховал их, взяв у Князя автомат. Из тайника они достали автомат Калашникова, снайперскую винтовку Драгунова, гранаты...

Все это упаковали в нашедшуюся тут же большую сумку. Лысый зарядил автомат и повесил на плечо. Втроем они вышли из гаража, и Лысый запер его – он не знал, что больше никогда сюда не вернется. Они пошли к машине.

– Э, куда пошли!?

Они остановились. Моряк смотрел на них.
– А тачку кто заберет, Пушкин?
Они переглянулись.
– Она же чужая? – недоуменно проговорил Лысый.
– Ты что, совсем долбанулся от безделья?
Они снова переглянулись.
– Ключ в замке, – подсказал Моряк – давайте, за мной. И это...
Князь... в порядок себя приведи.

Когда они выехали – на двух машинах вместо одной, – город как-то неуловимо изменился.

Были сирены. Для большого города это не редкость, но тут их было что-то очень много. «Скорые», пожарные, полиция на своих «Приусах» спешили в разные стороны, и было видно, что власть с ситуацией не справляется.

На их глазах желтый «Богдан» вдруг пошел юзом, боднул старую «Ниву», потом налетел на бордюр и опрокинулся.

– Ипать! Ты видел!?

Лысый ничего не ответил, в душу его заползал страх.

– Ну песдец...

Через улицу они увидели еще одно зрелище – какой-то мужик вцепился в другого мужика, повалил его, а что он с ним стал делать, они не видели, потому что проехали мимо.

Пришли в себя они только за городом.

Там было несколько объектов, несколько точек сбора, одной из них был какой-то бывший заводик... плодоконсервный, что ли, – они использовали его еще в конце нулевых, когда вьетнамцев избивали и рэкетировали. Вот туда они приехали... там уже стояло несколько машин, в том числе три полицейских, потому что многие нацисты благодаря связям попали в полицию и получили возможность творить, что в голову придет, уже от имени власти и под защитой ментовской ксивы. Обнялись, тут была скважина, и Князь помылся из шланга, потом переоделся в чистое – рубашку дал один из побратимов.

Делать особо было нечего, никто никаких указаний не давал.

Лысый подошел к побратиму из милиции, который стоял у машины и пил пиво из горла.

– А чего делается-то? Не знаешь?

– А хрен его знает, со вчера еще подорвались, какие– то психи везде.

Один на другого нападают. Ничего не понять, они и на врачей бросаются. Я Артема услышал, когда на вызов ехал. А когда сюда ехал, на заправку заехал, деньги в окошко сую, а заправщик меня за палец... как собака! Психушки, что ли, открыли. В нашей краине запросто, ума хватит. Извини, брат, плохо чего-то мне, голову печет...

Лысый больше настаивать на разговоре не стал, отошел.

Тем временем Моряк по какому-то странному телефону с большой антенной – спутнику, видимо, – пытался связаться с кем-то, но не мог.

Подъехали еще побратимы, на двух джипах. Один привез пулемет. Все здоровались, потом раздался крик:

– Мангалу плохо!

Все бросились на крик – тот полицейский лежал без движения у машины.

– Да он мертвый!

– Отойдите!

Подбежал Шприц. Он у них был медиком, специалистом по тактической медицине. Он упал на колени, расстегивая рюкзак с крестом.

Подошел Моряк.

– Что произошло?

Лысый шагнул вперед.

– Я с ним говорил. Он пиво пил, говорил – плохо ему, голову печет.

Потом я отошел.

Шприц выпрямился.

– Мертв.

И тут мент пошевелился.

– Ты чо гонишь, вон он шевелится! – крикнул кто-то.

Шприц недоуменно посмотрел на пострадавшего, потом наклонился, чтобы прослушать дыхание.

– Странно.

Внезапно тот, кто только что был мертв, схватил пытающегося оказать ему помощь Шприца и вцепился зубами ему в лицо.

– А-а-а...

От неожиданности и шока Шприцу потребовалось несколько секунд, чтобы отбиться, но встать он уже не мог: пострадавший висел на нем и стонал...

Наконец Шприцу удалось оттолкнуть Мангала и вскочить, но почти сразу он повалился на землю, крича от боли и шока, а Мангал начал вставать, и глаза у него были... как у того мужика!

Бах!

Лысый и сам осознал, что он сделал, только когда в руке был дымящийся пистолет, а Мангал валялся у своего «Приуса» с простреленной головой. Все были в шоке.

– Ты че сделал... – сказал один из боевиков.

– Молчать, – крикнул Моряк, – молчать. Не подходить!

Шприц пытался встать... но не мог, у него был вырван кусок из щеки и текла кровь. Ему никто не пытался помочь, все просто стояли кругом и смотрели, как он умирал.

И он умер.

– Стоять, не подходить! – еще раз крикнул Моряк.

Перерождение длилось недолго – уже через пару минут Шприц дернулся, потом еще раз, потом открыл глаза и начал вставать. Увидев людей, он застонал и протянул окровавленную руку к тому, кого видел и кто стоял ближе. Тот отшатнулся.

Бах!

Стрелял Моряк. Шприц упал и больше не шевелился. Крыло «Приуса» забрызгало его мозгами.

– Все видели?

– Эта зараза передается через укус. Укушенный встает и начинает кусать других. Укусят – верная смерть. Стрелять надо только в голову, иначе он останется жив и укусит вас. Поняли? Только в голову.

– Пока не прибыл проводник – остаемся здесь. Командирам боивок ^[15] ко мне. Дорогу взять под прицел. Увидите таких же – стреляйте без окрика!

Собрались на втором этаже – там стекла пленкой завесили и кинули линию от ЛЭП, незаконно подключившись. Мебель была отовсюду и всякая.

– Где проводник?

– Он не отвечает, – сказал Моряк, – его нет ни на мобиле, ни на спутнике. Выйдет сам на связь, наверное.

– А нам че делать?

– Че делать... сымать штаны и бегать! Сидеть, проводника ждать...

– Своих надо собрать.

– Вы че, идиоты? – спросил Моряк.

Говорили все, кстати, строго по-русски, не было ни одного украиноязычного. Хотя украинцы были – но и они говорили по-русски.

Просто по-русски получалось говорить само собой, а на мове надо

было слова вспоминать. Кроме того, на мове не было ни мата, ни уголовного жаргона, многие военные термины тоже не переводились на мову.

– Ну приедет Проводник, и че мы ему скажем? Андрей Евгеньевич, мы тут сидели на попе ровно, вас ждали?

– Надо пацанов из города вытаскивать, работать с побратимами из Нацгвардии. Подгрести под себя все оружие, надо брать тракторный и танковый заводы.

– А если нас потом за это и раком нагнут?

– Кто?

– Ну...

– Петя? Да он, наверное, давно в Рашку дрыснул. Поближе к своей фабрике. Пидор жирный, тварь. Легитимный...

– Не, он не пидор, у него дети есть, – сказал кто-то, – это наш армян пидор...

День спустя нацистские боевики пошли на штурм Харьковского танкового завода имени Морозова.

Харьковский завод имени Морозова был осколком той гигантской промышленной мощи, которую Украина получила в наследство от единой страны, от великой империи. Заводами, равными ему, были только что харьковский «Турбоатом», Николаевские верфи, днепропетровский «Южмаш», запорожский завод «Мотор Сич». Это был один из крупнейших в мире танковых заводов, на нем разработали и выпускали легендарную «тридцатьчетверку», танк Победы. Он же выпустил первый в СССР танк третьего поколения – Т-64. После того как Украина стала независимой, все эти заводы владели жалкое существование, не имея часто и пятой части той загрузки, которая была ранее и которая была им нужна. Как говорили «национально-свидомые», нам заводы не нужны, потому что на них работают одни рабы. Парадокс, но о большинстве заводов украинские власти вспомнили только, когда началась безумная, кровопролитная война на Востоке и потребовалось оружие, которым бы одни граждане Украины убивали бы других граждан Украины.

Харьков, впрочем, всегда имел свое, особое мнение относительно заводов, русского языка, бандеровщины и прочего. И взаимоотношения Харькова и Киева базировались на очень непрочном согласии.

Предыдущий день они колесили по городу, собирали своих, кто уцелел, беседовали с полицией, с нацгвардейцами. К концу дня на их

сторону перешла уже солидная сила – полицейские, нацгвардейцы, несколько бронетранспортеров с экипажами. Один раз офицера, который отказался переходить на сторону нацистов и базлал что-то о присяге, банально расстреляли. Заодно и продемонстрировали на примере, что такое зомби и как от них можно спастись. Главное – стрелять в голову.

Завод Морозова был столь огромен, что к нему специально подвели ветку метро – в Харькове было приличное метро, три ветки. Но они шли поверху, так как, зайдя в метро, ты с гарантией не вернулся бы.

Лысый ехал в бронированном банковском бусике, которому зомби были не страшны, а перед ними ехал огромный бронированный «КрАЗ» с пулеметной установкой. «КрАЗ» был выкрашен не в защитный, а в черный цвет – они его подломили на территории автобазы МВД. Мало кто знал, что Аваков накапливал там технику для государственного переворота.

За ними шли еще две машины, в том числе «КамАЗ» – самосвал...

За эти два дня ситуация в Харькове полностью вышла из-под контроля... точнее, даже не так – власть даже не пыталась взять ее под контроль. На углу горел дорожный полицейский «Мицубиши», на закупке которого Аваков и его присные немало погрели руки, то тут то там вспыхивала стрельба. Людей было уже не так много, если кто и уцелел – они сидели по домам и были обречены: никто и никому не помогал. Правые вытаскивали своих, менты обтяпывали свои дела – в основном грабили. Те же, кто готов был действовать в общественных интересах, были безоружны.

Они вышли на сороковую дорогу и встали, ждать еще людей. Должны были подъехать «общественные активисты», главным у них был волонтер по имени Дмитрий Романов. Он был русским, бывшим ментом, воевал на Донбассе, но не по идеологическим причинам, а из-за денег. «Потрапил в полон», был освобожден под честное слово, вернулся на ноль уже как торгаш. Был он типа волонтером – но придворным, так как был на зарплате в МВД, имел корочки советника министра. Он и его люди были кем-то вроде придворных маркитантов – ездили по передовой, предлагали снарягу, бронежилеты нормальные. Вийсковые платили – с тех денег, какие получали в качестве дани с контрабандистов. Сам же Дима делился с кем-то наверху – и понятно, что у этого «кого-то» был прямой интерес зажимать выдачу положенного по нормам, чтобы покупали у Димы. Дима за последние годы сильно поднялся, пересел с подержанного «Корандо» на новенький «Прадо». Еще он публиковал патриотические посты в «Фейсбуке» и «Твиттере» и немного жертвовал на реабилитацию ветеранов АТО.

Но мало кто знал про еще одну ипостась Романова. Он ездил по фронту, присматривался, говорил с людьми по душам, оставлял номер телефона – мол, дембельнешься – позвони, найдем работу, устроим. Отзвонившихся он вязал кровью и формировал разборные бригады и группы исполнителей мафии...

Машины встали у самого въезда в город, справа от них был знак «Харьків», в цветах державного прапора, но обветшалый сильно. Вперед шла дорога, по частной в основном застройке, на горизонте виднелись дымь. Справа была Салтовка, оттуда постоянно шли и шли зомби, снайперы их валили из винтовок с глушителями – но они шли и шли.

Лысому надоело сидеть в прокуренной коробке, и он взялся за дверь.

– Э, ты куда?

– Отлить.

– Смотри, чтобы не откусили.

Раздался хохот.

Лысый выбрался из машины, поправил автомат. Мир изменился, неожиданно и страшно, и никто не знал, каким будет новый.

Он отошел к канаве, расстегнул ширинку и начал прудить... и тут заметил, что по траве как-будто прошла какая-то волна...

Будь Лысый смелым, он бы остался посмотреть или выстрелил. Но он был трусом, и на фронте это его спасало. Он бросился назад, даже не застегивая штаны, и влетел в дверь бусика, когда что-то уродливое одним прыжком вымахнуло из канавы.

Этой твари не хватило всего секунды – бронированная дверь бусика прокатилась по направляющим, и она с силой ударилась в нее. Бусик качнуло.

– Это чо...

– Там...

Водила глянул в зеркало – и закричал от ужаса.

– А...

Весло, самый хладнокровный из них, сунул ствол в бойницу и нажал на спуск, раз, другой, третий.

Поняв, что нападение не удалось, что машина бронированная, тварь метнулась в противоположную сторону – но ее движение уже захватила система прицеливания стоящего в голове колонны БТР-4 Нацгвардии. Оглушительно бабахнула пушка – и тварь взорвалась на бегу, куски полетели в разные стороны.

– Это че было?

– Посмотрим.

Они вышли, прикрывая себя со всех сторон автоматами, осторожно пошли вперед...

– Ох ты ж ё...

Тварь разорвало на три части – но как она выглядела, можно было понять. Какая-то уродливая обезьяна с длинной, вытянутой, как у акулы, пастью, полной зубов, и с длинным хвостом, который она, видимо, использовала как противовес при беге. Передние лапы стали длиннее, а задние, наоборот, – короче.

– Это чо...

– Монстр.

– Я вижу, что монстр, а откуда?

– Ты меня спрашиваешь? А откуда вот это все, придурок?

– Как ты меня назвал?

– Все, стоп.

– Из лаборатории, наверное, сбежал. Наверное, лаборатория взорвалась у кацапов.

– Или у днарей^[16].

– Хню не пори...

– Сам-то понял, чо сказал? Какая у днарей лаборатория?

– А откуда тогда?

Разговор прервал мелодичный гудок – подходила колонна, во главе был «Крузер». Машины встали, первым выбрался Романов, посмотрел на монстра, сплюнул.

– Песдец.

– Знаешь, откуда?

– Не. Но такая тварь у меня двух пацанов порвала, так что аккуратнее надо. Че, идем?

Моряк кивнул.

– На хвылиночку.

Отошли.

– Вождь где, знаешь?

– Не.

– Так стоит ли ждать?

Переглянулись...

Прошли сороковую – она, кстати, выглядела непредставимо убого для объездной полуторамиллионного города: две полосы в каждом направлении и засранная обочина.

Прошли ее, пошли в город по Леся Сердюка – улица не оживленная, убогая, но если заходить по Салтовке... там сейчас сущий ад творится.

Моряк пересел в «Крузер» к Романову. Был разговор.

– Чо, кто-то чо-то делает вообще? У тебя же батя депутат.

Романов покачал головой.

– Не-а. Власть героически свалила.

Моряк иронически хмыкнул.

– И почему я не удивлен?

– Только есть еще одно. В этот раз – некуда бежать.

– Что ты имеешь в виду?

– Я в Москву звонил. Там – тоже. Наши из города выходят как могут... трындец всему. И в Америке... везде.

Моряк покачал головой:

– Это чо такое?

– Теракт, наверное. Но чо бы это ни было – мир по звезде пошел. Как раньше было – уже не будет.

– Да... а как будет?

– Хороший вопрос. Спрошу – вот тебя устраивало все, что было?

– Ты чо? Нет, конечно.

– А что именно не устраивало?

Моряк задумался.

– Ну... жизнь вся эта. Власть хапает, как может, всем на все насрать, кругом зрада...

– Фигню говоришь.

– О как. А тебя тогда что не устраивает?

– Прежде всего, меня не устраивает такой порядок вещей, когда жирный е...лан депутат, рожу в два дня не уделаешь, приходит ко мне, фронтовику, сует мне деньги и говорит: сделай это. И я беру деньги и делаю. Как бобик. Служи!

– Ну а как ты хотел?

– Ни фига не так. Власть у богатых – потому и ж... такая. Потому мы и войну просрали – слишком много народа только о своем кармане и думало. Ни фига не так. А должно быть так, что этот депутат ко мне придет, в ножки поклонится, в ж... поцелует – и бабки оставит. За право жить, с...а! За право воздухом дышать...

– Короче, ближе к телу. Я на связь с эсбэушниками вышел, там знакомые есть у меня. Сейчас завод возьмем, потом заедем.

– Может, по пути? Вместе...

Романов посмотрел на Моряка.

– Понял. Завод, чтобы с ними на равных тереть.

– Смотри-ка. Вкурил...

Зомби, бестолково шатавшихся у входа, быстро перестреляли, потом спешили, открыли ворота. Колонна быстро прошла на территорию.

На которой мог бы разместиться небольшой город...

Работяг видно не было, за исключением немногочисленных зомби в рабочей форме, шатавшихся по территории. Несмотря на победные религии чиновников от Укроборонпрома о росте всех показателей, заводы работали плохо... точнее, почти не работали. Дошло до того, что технику на капиталку тайком переправляли в Беларусь и там тайком капиталили – на нормальных ремонтных заводах и с использованием нормальных запчастей. Потом перегоняли в/на и объявляли, что починили сами, а то и за новую выдавали. Бабки, выделяемые из бюджета, понятное дело, дербанили...

Зомби пошли на них – и тут же умерли. Украинцам сильно помогло то, что у них были фактически легализованы глушители – они назывались неудобоваримым словом ПСУЗВ. Глушитель приобретался почти к каждому стволу, и сейчас они сильно помогали, так как зомби реагировали на резкие звуки и бросались толпой, а глушители резкие звуки убирали.

– Куда? – спросил водитель.

– До конца этой улицы и направо – зайдем сразу к заводууправлению.

Колонна прошла разбитой заводской улицей, повернула направо – и тут же остановилась, причем так резко, что в машинах бойцов бросило друг на друга...

– Ё...

У заводууправления уже сутились люди, был виден снайпер, занявший позицию за импровизированной баррикадой. Судя по черным бусам «Фольксваген», это были эсбэушники. У них было и несколько бронемашин «Спартан».

– Вот же... Чтобы у них хрен на лбу вырос!

– СБУ?

– Они. Мать их.

– Похоже, они все-таки вкурили, – злорадно сказал Моряк.

– Завали.

Романов достал телефон, начал набирать номер на память.

– Але... Вадимыч, ты, что ли? Да, это мы, скажи, чтобы не шмаляли. Я сейчас выйду, перетрем...

Эсбэушники – *служба быта* – даром времени не теряли.

С Романовым Степко Владимир Вадимович, полковник СБУ, был знаком еще по нулю. Там, в гостинице «Краматорск», был временный оперативный штаб СБУ – вот он там працювал одно время, а Романов там же крутился, ухватывая, что получалось. Интересы их общие касались как государственной сферы, так и чисто деловой – Романов исполнял грязные заказы СБУ на ликвидацию неугодных режиму, потенциальных и реальных предателей (предателей не судили, а тихо убирали, потому что их реальное количество вызвало бы у общества шок), разборки за потоки контрабанды, за крышевание рынков, оптовых складов, транспортных компаний, занимающихся перевозками через линию фронта, обслуживанием «пенсионных туристов», и тому подобное. В свою очередь, СБУ делало ему крышу, закрывало возбужденные против него и его отморожков уголовные дела и тому подобное. Обе стороны немало поднялись на таком сотрудничестве – достаточно глянуть на стоянку у Краматорска, чтобы понять, ради чего ведется эта война, каков ее истинный смысл.

Дверь открылась – и какая-то тварь бросилась на них, но тут же упала под огнем двух автоматов в упор.

– Чисто!

– Чисто!

Первым зашел Степко, у него был с собой фонарик, он постоянно носил его с собой еще с тех пор, как служил на пограничном корабле. Сейчас он осветил лицо убитой его телохранителями твари, присвистнул.

– Ну, здорово, Илюша. Не знал, что так встретимся...

Приемная была просторной, но воняло в ней так, что Романов с трудом сдержал подступившую к горлу рвоту.

Дверь в кабинет была открыта, за столом в приемной сидела секретарша... наполовину объединенная. Объедена она была сверху, но ноги и низ весь были целы, бросалась в глаза короткая юбка, задранная чуть ли не до...

Романов все же не выдержал... отвернулся и блеванул, там же где стоял.

Степко был спокоен.

– Знаешь, кто это?

– Нет.

– Илюша Сурков... молодое дарование...

– Сурков?

– Ага, Сурков. Его только что на завод поставили, типа конкурс

выиграл, молодой, но талантливый менеджер, и все такое. Он типа создал процветающий бизнес, украинские продукты питания на Ближний Восток поставлял. Но это крыша, по факту он туда баб поставлял, в гаремы и бордели, да еще людей на разбор отправлял. На органы. Доигрался все-таки... сучонок. И папа не помог.

– Мы все... доигрались.

– Тут ты прав... давай в кабинет зайдем.

Они зашли в директорский кабинет, отделанный по-совковому.

– Дверь закрой...

Романов сделал, что было сказано, повернулся – и увидел направленный на себя пистолет.

– Вы... чего. Договорились же.

– Под меня идешь?

– ...

– Я два раза спрашивать не буду.

– Ну... да. Я всегда под вами и был, под кого же мне идти.

– Тогда запоминай. Никаких договоренностей не было и не будет, я отдаю приказы – ты выполняешь. То, что ты завод решил хапнуть, это я уже понял. Но не твоего уровня игра. Не лезь выше головы – цел останешься.

– Да я и не претендовал.

– Значит, идешь под меня.

– Да.

– А с тобой кто?

– «Азов». Моряк у них за старшего. Они тоже примкнут, я поговорю.

– Ты сказал.

– Без вопросов, Владимир Вадимович.

Эсбэушник опустил пистолет.

– Завод надо зачистить и взять под контроль. И еще есть ремонтный... там техника постарее, но годная тоже.

– А что произошло?

– Хороший вопрос. Своевременный, главное.

– Никто ни хрена не знает. В Москве началось одновременно с нами. Я бы подумал, что американцы по нам наворачнули, но у них то же самое... Лондон, Варшава... везде, короче. Наверное, Исламское государство. Все-таки придумали что-то...

– Мы когда ехали, убили какого-то монстра. Я на телефон снял, посмотрите.

Эсбэушник с интересом посмотрел на телефон, толкнул обратно по

столу.

– Убедительно...

– Такое... не придумаешь. Я думаю, инопланетяне это. Не знаю, что еще думать.

– А летающие тарелки тогда где?

– Во. Уже не сходитя. А вообще, знаешь, чему нас в академии учили? Если хочешь быть здоров – закаляйся!

– Короче, какие задачи сейчас на повестке дня. Собрать под себя выживших со стволами – раз. Взять под контроль ключевые объекты – два. Укрепившись, начать расширять территорию под контролем – три. Все понял?

– Понял... а с войной что делать?

Полковник рассмеялся

– Какая щас война? Щас бы самим выжить. У ДНР то же самое, не ссы. Им не до войны сейчас.

– Понял.

– А раз понял, чо стоишь?

Бывшая Россия. Тамбовская область

Девятьсот сороковой день Катастрофы

Продолжение

– Дальше чо было?

– Собрали под себя ментов, гвардию. Потом Полк подошел... они там уцелели в основном, на побережье.

– Дальше?

– Ну, работать начали. Крыши ставить.

– А здесь ты чо делал?

– Керивник сказал, я поехал.

– Что сказал? Это вы из миномета стреляли?

– Да.

– Почему?

– Башлять отказались, надо было поучить. Наше дело малое.

– Малое? Вот ты кто по жизни?

– Я вопрос задал.

– Щас...

– Что, язык отсох? Бандит ты! И разбойник. Живешь на людской беде!

– Это просто сказать. А где нам работу нормальную взять, кто нам ее даст? Если бы работало что-то, я бы работал.

– Кто даст?! А хрен ли вы тогда независимыми-то стали?! Кто даст?! Вы, б...! Сами себе! Какого хрена вам кто-то что-то должен давать, а? И какая же вы страна, если все, на что вас хватает – это стать бандитами! Нам вот никто ничего не давал, представь себе! Сами все сделали и делаем! А вы, твари...

Я встал обратно на ноги.

– Мы...

– Белгород – чей?

– Наш... ну наша там крыша, типа.

– Курск?

– Наши там.

– Воронеж тоже?

– Не, там местная братва сильная. У нас сил не хватает.

– Орел? Липецк? Брянск?

– Кроме Липецка – наше. Гомель тоже наш.

– Народа у вас сколько?

У пленного задрожали губы.

– Не скажу. Не скажу, пока не отпустите.

– Да мне это и не интересно. Знаешь, как один чукча сказал, когда его китайцы пришли завоевывать? И где мы вас хоронить-то всех будем...

Я достал пистолет.

– Ну че? Слава Украине?

Урода этого мы закопали вместе с остальными. Лучше не оставлять неприкопанными, если есть возможность закопать, на трупах всякая нечисть кормится.

Надеюсь, вопросов глупых задавать не будете, зачем я пленного расстрелял. Его все равно девать было некуда, не с собой же везти. Нет человека – нет и проблемы. А этого надо было в любом случае кончить – потому что он бандит. И свою дорогу давно выбрал. Вольно-невольно, но выбрал. Знаете, как в средневековой Европе говорили – хватай дубье и бей крысье. Если есть возможность убить бандита – по-любому надо убивать. А этот еще и с Украины. Мы таких сюда точно не звали – нам своей благоты хватает за глаза.

Пока закапывали, я кивнул ВВ, мы отошли в сторону. Я достал леденцы, самодельные, с кофе, сунул один в рот.

– Будешь?

ВВ угостился – хорошая вещь, на ногах позволяет держаться. Надо под язык, тогда кофеин прямо в кровь поступает.

– Все слышал?

– И чо думаешь?

– Хохлов тут только не хватало.

– Следовало ожидать. Они были ко всему готовы, мы – нет. Это у них были лихие девяностые, а у нас – излет нового застоя. Они стволы покупали, а мы по хипстерским кафешкам сидели.

– И чо делать?

– Ну, в одиночку мы с бандеровщиной по-любому не сдюжим. Надо круто на юг забирать. Я так понимаю, по факту там сейчас отдельное государство – Донецк, Луганск, Ростов, может, еще что. Вот туда нам и надо.

– Понял.

– Но?

– Обидно. Получается, чужие нашу землю топчут. Да еще кто – хохлы.

– Я уже говорил – нет никакой нашей земли. Твое только то, что ты можешь защитить.

– Да понятно. Но все равно не по себе.

– Наша задача – получить патронный завод и запустить его. Все остальное... ты видел, сколько у них патронов?

– Мало. Почти ни хрена.

– Вот именно. Будут у нас патроны – тогда и разберемся. Нет – не хрен и мозг долбить.

– Понял.

– Вот и хорошо. А за грамотно и без потерь проведенную засаду объявляю тебе благодарность.

– Служу Родине.

– Давай, сворачиваемся, и по машинам.

Служим Родине. Какой бы она ни была...

Бывшая Россия. Юг Воронежской области

Девятьсот сорок третий день Катастрофы

Квадрокоптер, который мы заряжали всякий раз, как только удавалось, используя для подзарядки накопители и китайские солнечные батареи, какие выбрасывали наверх всякий раз, как только выходило солнце, в очередной раз спас нас от беды.

А вообще, я дурак. Не сообразил, что если это место так удобно для привала – то им и другие могут воспользоваться. Хорошо только одно – что, помня о том, что рядом могут быть хохлы на технике, я приказал держать БПЛА в воздухе и плевать на ресурс. Вот он нас и предупредил.

Я смотрю через примитивный перископ, а сам держусь за стеной, потому что помню, что в войне на Донбассе массово применялись тепловизоры всех типов. И наверняка тут они тоже есть. Заметят нас – остановятся и вынесут с расстояния своей тридцатимиллиметровой скорострелкой. Влегкую.

БТР в голове, весь решетками обвешан. Не факт, что его и тандемка возьмет. Дальше три грузовика, пулеметный броневик, джип, еще два грузовика, еще джип. Головного дозора нет – как у себя дома.

Хорошо было бы рискнуть и взять в рейс слонобой – опытные образцы его уже были в металле, скорее всего, слонобой взял бы. Это ручная пушка, стреляет снарядом от БМП, с плеча, выносит все, кроме танка^[17]. Щас бы им...

Глупости говорю.

– Минуты две... – шепчет кто-то рядом.

– Да понял...

А так все хорошо начиналось...

После того как мы забили украинскую бандгруппу, мы пошли дальше, резко уходя на юг, в сторону Ростовской и Луганской областей. Трупы мы похоронили, а вот технику отогнали, бросили и запомнили приметы, а также взяли координаты – слава богу, ГЛОНАСС еще как-то работает, пусть глючно уже. После чего двинулись параллельно М4, дороге на юг, идущей почти параллельно границе бывшей Украины, но стараясь нигде на границу не выходить.

Топливо, которым мы заправились на окраине Тамбова, оказалось нормальным, не обманули на нижегородском торге насчет этого места. Одной проблемой меньше, перекачали через фильтр, заправились и дальше погнали. В одном месте видели монстра, он тоже нас видел – но не решился нападать, а мы не стали стрелять. Они тоже умные, понимают, какая добыча им не по зубам. Монстр был размером со льва.

Больше мы никуда не сворачивали, нигде не пытались отобедать.

Время от времени на М4 было движение, но какое – непонятно, да мы и не пытались понять. Нам надо было выйти к границам ОРДЛО и опознаться, чтобы стрелять не стали.

Интересно, что там? По идее, там должно быть лучше, чем в Украине – отмотобилизованное и полностью готовое ко всему население, автоматы на руках. Но главный тут вопрос – отбились, а как дальше жить?

Я помотался. И на новгородском торге разговаривал с разными, очень разными людьми. И рассказывали они разное. Требуется большое усилие, внутреннее, прежде всего, – чтобы не свалиться в феодализм или рабовладение. Сейчас ведь никакого контроля нет, никто ничего не навязывает. Вот некоторые предприимчивые люди (а большинство из тех, кто создал себе феодальные вотчины, – это бывшие предприниматели) и развлекаются как могут. Рабами торгуют. Убивают. Не понимая, что рано или поздно все равно начнется восстановление, и тогда их всех и их семьи придется уничтожить под корень. Потому что рабовладельцев и феодалов допускать к жизни нельзя, надо уничтожать, чтобы и семени не осталось.

Жестоко? Да нет, это практика государственного строительства. Никакое государство не может терпеть рядом рабовладельцев. Как и рабовладельцы никогда не примут государство, которое не дает им владеть рабами – может, и примут, но при первой возможности ударят в спину. Чтобы этого не произошло, – а удара в спину мы не выдержим, – надо уничтожить первыми всех, кто может ударить.

Я в какой-то степени начал понимать Сталина – ненавидеть не перестал, но начал понимать. Большевики строили свое государство, и оно было столь слабо, а враги столь многочисленны, что им ничего не оставалось, как бить первыми. И бить по площадям, уничтожая всех, кто мог представлять угрозу... точнее – кто не мог не представлять угрозу. Простить это нельзя, но понять... я как-то понял.

Наверное, и нас кто-то проклянет, если к тому времени хоть кто-то останется в живых.

Потом мы на квадрокоптере увидели деревню, большую, и рядом с ней, на горке, какое-то строение, какие-то цеха – большие, заброшенные. И решили, что ночь переночевать тут можно в самый раз. И пошли туда...

И... пришли, в общем.

Хорошо, что машины заныкали, не оставили на видном месте – привычка, что спасает жизни, не торчи на видном месте, как прыщ на пятой точке. Потом только решили ужин готовить – с наблюдательного поста сигнал. Приехали.

Квадрик прямо там и посадили – некогда с ним. Успели

рассредоточиться... там чего хорошо – цех по какой-то новой технологии был построен, там верхним ярусом площадки и кабинеты для белых воротничков, удобно: вышел – и весь цех как на ладони. Вот часть там засела, часть – в здании бывшего АБК двухэтажном...

Единственный наш шанс – то, что они не ждут нападения и, как видно, ведут себя зело расслабленно, как к теще на блины едут. Накрыть шквальным огнем, подранить кого – они восстанут, на своих будут бросаться. Но это если сейчас квадрик нормально пройдет и ничего не заметит. А если заметят – перемесят огнем с дистанции. И все.

– Саня, слышишь?

– Плюс.

– Трофей взял?

– Плюс.

Уже что-то. Получается, у нас теперь не один, а два слобоя – родная ОСВ-96 и «Барретт», к которому всего-то два десятка выстрелов. Но уже хлеб. Правда, для ближнего боя не подходит ни та ни эта: на одной прицел с минимальной кратностью десять, на другой – белорусский двенадцатикратник стоит, так и не смогли ни на что поменять.

– На бэтре вали водилу. Попробуем взять трофеем.

Сама по себе затея смертельно опасна, но мы к этому в общем-то и готовимся. Брать трофеи. У нас есть специальные трофейные команды в городе, заточенные только на это – они с чистильщиками идут, машину любую канцелярской скрепкой вскроют, ссаками заправят, пальцем с места сдвинут и за пять минут раскулачат, если не сдвинут. Это мы так шутим, а на деле – польза от таких навыков огромна. Сейчас мало что работает, и взять работоспособный трофей – подвиг само по себе.

Привожу в боевую готовность свой автомат – переднюю рукоять в боевое, прицел включить (батарейки тоже дефицит, и зарядить проблема), переводчик в среднее, патрон всегда в патроннике – мы досылаем, нам устав караульной не указ. Поделюсь еще опытом – у меня стоит на переходнике под сорок пять градусов обычная складная передняя рукоять от «Молота» – лучше для удержания нет, проверено. Сорок пять градусов – это самое нормальное, физиологически оправданное положение руки человека. Я это первый раз увидел еще до войны, когда был репортаж из ДНР о пулеметчиках Спарты – у нас его, кстати, как учебное пособие используют. Опробовал – нормально. А вообще, тюнигуете свое оружие – обратите внимание на рабочих и их инструменты, посмотрите, где рукояти, каким хватом удерживается инструмент во время работы, какие рабочие приемы и движения существуют. Ведь, по сути, оружие – такой же

инструмент, только используется намного реже, чем, скажем, болгарка или отбойный молоток. Вот с рабочих и надо пример брать.

На БТР украинский флаг – значит, враги. Это как-то даже не обсуждается, хоть нет больше ни Украины, ни России. Не знаю, чего в этом больше – мести за то, что было, или страха за то, что будет, понимания того, что если они в силе, то сейчас с России спросят. Но украинцы – враги. Если бы я увидел флаг ДНР – я бы и не подумал стрелять, честно. Попытался бы выйти на связь.

Интересно, что везут. Грузовики – это и не грузовики вовсе, это фуры. В каждой... много везут, большие. Тогда почему не по дороге?

Сворачивают. Все, приехали, бой точно будет.

Голова идет ровно, не отрывается. Они что – даже проверять не будут? Совсем оборзели.

Не, останавливаются.

Выходят... ага, квадрик будут запускать. Вон, выставляют.

– Всем тихо.

Тишина аж звенит.

Машины мы под крышу загнали, это без вопросов. Цех этот ранее производил сухое молоко и молочные продукты, я его опознал – у нас в Удмуртии есть такие. Вопрос – будут ли они пытаться внутрь заглянуть. Если будут, то нам звездац. Квадрик позволяет и внутрь, правда, есть возможность его сломать, а чинить сейчас нигде, и новый купить – тоже нигде.

С квадриком работают трое – но хоть как-то прикрывает только один. Второй ртом ворон ловит. Придурок.

Ладно...

Давно я так не слушал – до звона в ушах. Квадрик едва слышно, но, если снизится, можно сбить попытаться. Хотя... какое там сбить...

Время тянулось медленно-медленно...

Не заметили! Собираются, снова в БТР. Если бы заметили – забегали бы, не стали бы актерствовать.

Похоже, срастается.

– Птаха, всем плюс.

– Однёрка^[18] плюс.

– Двойка плюс.

– Тройка плюс.

– Четверка плюс.

– Работаем после меня, дождемся, пока выйдут. Огонь по джипам. Саня, тебе персонально – БТР.

- Принял.
- Если БТР выйдет за ворота, работай его наглухо.
- Есть.
- С богом, мужики.

Вот так. Редко такое бывает, мы не для этого ходим, и мы не бандиты. Но иногда бывает...

БТР притормозил, пропуская джип – но сам зашел вторым, что было, по моему мнению, грубой ошибкой. Лично я вообще оставил бы его за воротами, а может быть, и вовсе в деревне. Тогда бы мы хрен что сделали – пришлось бы ловить его противотранспортной с непредсказуемым результатом.

Затем начали втягиваться «КамАЗы».

Что они везут в рефах – мясо, что ли? Сейчас ведь торговли жрачкой нет почти, кто что вырастил, тот тем и питается. Топливо дорогое, дороги разбитые – перевозки себя не окупают, любая жратва золотой получается.

«КамАЗы» еще не все зашли – а из джипа, из БТР полезли стрелки. У украинского БТР в носу двери настоящие, выбираться из него легко...

Ну...

Я направил автомат на закатывающийся в ворота старый китайский джип и вдавил спуск...

Результат огневого налета был более чем удовлетворителен – если считать с джипом в воротах, то человек десять сразу легли. Ушли все, кто был в головном джипе, ушли все, кто выбрался из БТР – там двое было.

Теперь сложнее – захлопали дробовики, посылая прямо в гущу канистры со слезоточивым газом и еще какой-то дрянью. У нас в городе «Техкрим» был – фирма, специализировавшаяся не только по патронам, но и по баллончикам тоже. Вот они немало всякого сделали уже после катастрофы, когда законов больше не было, и главное – была эффективность. Сейчас ведь никто противогазы не носит, все забыли: как это. А тот же хлор сделать – не проблема, у нас в Камбарке завод по уничтожению химоружия работал, его в обратную сторону раскрутить... ну вы поняли. Основное у нас было... даже не знаю, как назвать: дым белый, запах нашатыря, ни один противогаз не помогает. Делаешь вдох – и трындец, легкие рвет, слезы, сопли, если немедленно не выйти из зоны поражения – загнешься, просто задохнешься. А есть контейнеры с этим ОВ, которые помещаются в патрон 12-го калибра. Правда, работать с ними никто не любит – если потечет, то глушанет им уже тебя...

Я замечаю, как один из контейнеров влетает прямо в открытую дверь БТРа. Все, БТР забили – теперь он сто пудов так не тронется.

Тем временем от ворот открывают огонь, в два или три «калаша». Это они зря, в ответ работают СВД, дырявят легкие конструкции забора. ОСВ пока молчит – правильно, ее только на БТР, а он мертвый стоит. Патроны эти снайперские экономить надо, дорого они очень...

Высавив по магазину-два, замолкаем и мы. Двор бывшего цеха плохо видно из-за дыма, который и не дым совсем. Без химии совсем плохо пришлось бы, жаль, на зомби она не действует. Не забили бы мы их без химии.

– Птаха, всем номерам, ждем, пока рассеется. Не подходить...

Думаю, если кто за воротами и остался, то он сделает выводы и рванет отсюда. И пусть валит...

Двое оказались живы – встали, и их добились снайперы в голову. Выждав минут десять, пошли. Двумя группами – от нас и от АБК. Хотя и надели заводские респираторы и очки, а все равно хреново, аж подташнивает. И глаза – слезы текут, половину не видишь. Утешаешь себя только тем, что противнику еще хуже.

Грузовиков было четыре, пятый тупо развернулся и свалил, он не успел зайти во двор. Ни преследовать, ни стрелять по нему не стали.

У забора нашли водилу, сильно оглушенного химией и немного пораненного, но вскользь – царапина. Он, как началось, побежал, но от химии ослеп, видимо, совсем, наткнулся на забор и там лег. Классическая картина – слезы, сопли, лицо красное, а глаза, наоборот, белые, как сваренные. На звуки он протянул руки и заорал:

– Не бийте! Я водий, водий!

Водитель – это хорошо, по понятиям с водителя спроса нет, как с лошади – ты погрузил, он и везет. Мало сейчас водителей. Потому один из наших с ним остается, достает бутылку – там вода, первая помощь. Есть у нас и бутылки поменьше, от химии, там уже не вода. Водитель нам еще нужен будет.

В расстрелянном мною джипе один остался жив и уже закусывает соседом – добиваем одиночным. Потом выбираемся на улицу, проходим ворота – и видим, как кто-то кого-то кушает и никого не слушает. Понятно – был ранен, тяжело, умер, встал и решил перекусить. Увидев нас, он поднял морду, перепачканную кровью, и застонал... типичный звук зомби, от него и у опытных людей мурашки по коже. Грохнули сразу три одиночных, и зомби упокоился – теперь уже навсегда...

Сколько мотаемся – столько раз я благодарен за химию. Обычно люди боятся всякой химии, а военные почему-то больше других, видимо, из-за учебных химических атак и фильмов, показанных в армии. На самом же деле химия не раз и не два спасала людям жизнь, особенно сейчас, когда подсумок из-под армейского противогаза повадились как админку использовать. Дураков учат.

В плюсе у нас – БТР, целый, причем пушечный, тридцать миллиметров, и с управляемыми ракетами, может, даже живыми, не просроченными. Два... нет, три джипа, если считать тот, что за оградой, причем доставшийся нам целым – а это «Паджеро» четвертого поколения, хороший, честный внедорожник. Четыре фуры непонятно с чем – но явно не пустые. Больше десяти... побольше даже – пятнаха, как пить дать, жмуrow, с каждого из которых мы что-то имеем, благо время собрать трофеи есть, если гости нагрянут – посмотрим, как работает пушка на БТР.

В минусе – по паре магазинов слили, израсходовали треть химии, что с собой везли. Один легко раненный. Все.

Вот вы сейчас скажете – так не бывает, ерунда все это, гон. На самом деле так и бывает. Помните – засады в Чечне, разгром колонны под Ярыш-Марды, проколы с ОМОНОм, не помню, чьим уже, разгром Майкопской бригады. Та ерунда, которая проходит в сводках – тел нет, но есть пятна крови, использованные индпакеты, следы волочения, – она скрывает неприглядную истину, что при грамотно поставленной засаде нападающий потерь обычно не несет или несет по минимуму. И это чехи еще химию не использовали, как мы.

Просто надо действовать решительно, стрелять всегда первым, переговоры вести – глупость, с кем и о чем вести переговоры на замертвяченной территории? Просто стреляй первым и используй фактор внезапности на все сто. Мы бы сейчас зашли куда-то без разведки – нас бы точно так же оприходовали бы. Вот и все.

– Трупешники закапываем?

– Нет, времени нет. Проконтролируйте только.

Контрольный в голову – сейчас это даже дети знают... я не шучу. Не будет контрольного – и нежить встанет и пойдет по земле, обращать других в такую же нежить. Про то, что чувствуют люди... простые люди – а у меня в группе есть человек, у которого отец скончался от сердечного приступа и которому пришлось... не будем, да? А то я много могу чего порассказать, от чего аппетит пропадет.

Как сказал, не помню уж кто – конец света сейчас, а не Первомай.

Но надо позаботиться и о живых. А водилы у нас в большинстве своем остались живы...

Подошел ближе.

– На меня посмотрели...

– Представиться – кто, откуда. Громко и четко.

Все представились. Трое из Белгорода, один из Харькова, один из Полтавы. Уже хорошо.

– Так. Старший кто?

Обычно на этом вопросе заминка случается.

– Старший, говорю, кто?

Один из дальнобоев шагнул вперед.

– Я, наверное.

– Да не наверное, а так и есть. Игорь из Харькова, так?

– Так.

– Правило простое – кто врет, тот умирает. Кто говорит правду, тот живет. Вопрос первый: везли что?

– Подумай, прежде чем соврать. Я ведь машину вскрою.

– Патроны.

Опа.

– Патроны – откуда?

– Луганск.

– Куда?

– Харьков.

Как говорится, не было ни гроша, да вот алтын.

– Патронный в Луганске работает?

– Работает, как нет.

– И почему продукция?

Водила пожал плечами:

– То я не знаю. Наше дело – привезти-увезти.

Интересно.

– С бэтээром почему шли?

– Охрана.

– От кого?

– Ну...

Я начинаю вкуривать.

– Патроны брали в самом Луганске?

– Нет, на границе...

– У кого?
– А мы знаем?
– Шо, так и не знаете? – глумливым голосом переспрашиваю я. – Ой? А если по-другому спрошу?
– Наше дело малое... нас погрузили, мы и везем, – сказал другой водила, – а грузили нас в Сватово.
– Где именно?
– Там... депо, железнодорожное... бывшее. Там. Еще грузили в коровниках. Там коровники. Рядом башня, железка, на башне флаг висит. Вроде как там мукой еще торгуют.
Вряд ли врет. Такое сложно выдумать, особенно в стрессовой ситуации.
– Грузил конкретно кто?
– Пацаны... мы не разбираем. Горки, автоматы. ЛНР вроде.
– Старший на какой машине ездит?
– «Крузер», белый.
– Номер?
– Пятьсот два... вроде...
Уже хлеб.
– Ну и чо с вами делать?
– А чо? Мы не в ответе.
– Не в ответе? Знаешь, меня уже конкретно это забодало – никто ни за что не в ответе. А кто в ответе? Путин?
– Так, короче, сейчас разворачиваете оглобли, и едем назад. Сдам вас ЛНР или чего там – и пусть с вами там разбираются, чо вы возили, где возили и так далее. Припадут на пару годков дерьмо на поля вывозить – так вам и надо. Рафики невиноватые...

Тем временем группа уже закончила сбор трофеев, как смогли, дезактивировали БТР (в смысле от химии, чтобы ехать можно было), с поврежденного джипа слили остатки топлива и заминировали – лишним не будет. ВВ в порядке, хотя на взводе. Меня самого малость потряхивает. Отходим в сторону, пересказываю ему краткое содержание истории с невиноватыми рафиками из Харькова.

– Понял?

– Что?

Не понял.

– Патроны – левак. Кто-то налево торгует, с хохлами.

Вот этого-то я не учел, когда все продумывал с заводом и с дальним

походом. Конкуренты! Торговля оружием опасна сама по себе, а сейчас она опасна смертельно. Дефицит всего, никакого закона – кто первым выстрелил, тот и прав. И торговля оружием – это всегда политика.

Понятное дело, что торговля с хохлами в ОРДЛО – это почти со стопроцентной вероятностью уголовка. И наверняка уголовка подрасстрельная, потому что нравы сейчас сильно упростились и ожесточились. Значит, те, кто торгует, готовы убивать, и наверняка у них крыша сильная на самом верху.

И тут я появляюсь, такой красивый.

Хохлы явно будут против еще и потому, что за патроны и патронный завод, если получится его выцарапать, мы заплатим оружием. Это наша расчетная валюта – оружие. У нас его много, и самого разного. А тот, кто получает оружие, тот получает и преимущество над соседями. Над хохлами, то есть.

Вот и получается, что если в ЛНР я выйду не на тех, то меня и всех нас могут расстрелять и закопать у террикона. И могилки не сделать.

– Поспросать, еще кто?

– А то они знают. Это исполнители.

– И тогда чо?

– А вот чо. Один справишься?

– В смысле?

– Ты не идешь в ЛНР, тут останешься.

– Не понял.

– Так понимай. Делимся на две группы. У тебя помимо твоей пары машин остается БТР с пушкой и дополнительный пулемет. Я иду минимальными силами – две машины – и конвоирую вот этих вот гавриков обратно. А дальше – как вывезет. Это дело поможет мне выйти на самый верх, на руководство республики. А дальше – как покатит.

ВВ охреневает, но быстро приходит в себя.

– А связь как же?

– А никак. Ну что я, сотовый буду в ж... совать? Оговорим, где и когда я должен появиться, условный сигнал, что все нормально. Если не появлюсь три раза – уходи, мстить за меня не надо, ни к чему.

– У тебя БТР будет, прорвешься. Дойдешь обратным путем до Ульяновска – там на торге спросишь Серого, скажешь, что от меня. Он и трофеи примет, и накормит, и заправит, и до дома поможет добраться. Дома скажешь людям, что погиб коммунистом. Зайдешь в УФСБ, найдешь Диму Базылева, расскажешь ему все как на духу. Больше никому.

– И это. Об Элинке позаботься. Хорошая она.
ВВ выдыхает.
– Нехорошо идете, шеф. Как прощаетесь.
– Брось. Живы будем, не помрем. Я знаю, на что иду, и всегда знал.
Давай дернем по маленькой и поскачем.
Достаю чекушку «сарапульской», отпиваю половину, передаю тезке, он допивает остальное. По пятьдесят граммов на брата. Это уже у нас традиция – побратимство.
– Сань.

– Жить надо так, чтоб не страшно было помереть. Ничего. Все путем будет...

Бывшая Россия. Миллерово, Ростовская область

Девятьсот сорок четвертый день Катастрофы

И снова – бывшая Россия, все ближе к югу. Леса сменяются перелесками, потом степью. Бывшая М4, одна из самых загруженных дорог России, пугает завалами ржавых, битых, расстрелянных, разобранных машин по обочинам.

Однако здесь снова видна жизнь, видны работы в полях, видно, что живы деревни и хутора, а это значит, что рядом анклав. Приметы безошибочные.

Машин встречных было мало, а те, которые были, прибавляли ход. Мы тоже не настаивали на знакомстве – сейчас легче легкого получить автоматную очередь в брюхо вместо визитной карточки.

А на меня опять нахлынули воспоминания. Такие, что хоть топись...

Россия, Татарстан

Шестьдесят второй день Катастрофы

Рука на плече. Печать на крыле.
В казарме проблем – банный день. Промокла тетрадь.
Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать.

Без трех минут бал восковых фигур. Без четверти смерть.
С семи драных шкур – шерсти клоч.
Но как хочется жить – не меньше, чем спеть.
Свяжи мою нить в узелок.

Холодный апрель. Горячие сны.
И вирусы новых нот в крови.
И каждая цель ближайшей войны
Смеется и ждет любви.

А. Башлачев От винта

Улица Туполева в Казани выходит на Николая Ершова, один из крупных магистральных проспектов города. Застроена она в основном сталинками, тут же находится Казанский авиационный институт... или, может быть, университет, я не знаю, как правильно это называется. Я вообще плохо ориентируюсь в Казани, так как бывал в городе отрывками и только по делам. Тут мы должны были встретиться с группой местных выживших – а вместо этого попали в ловушку. Сначала нас попытались замочить и отнять технику – вон, машина догорает. Но наличия КПВТ они не предусмотрели. Правда, успели серьезно повредить одну машину и менее серьезно, но все же вывести из строя другую. А КПВТ поднял всех зомбей, какие были в окрестностях, – а было их тут, по-видимому, немало. И вот они перли и перли, пока мы двумя машинами пытались удерживать периметр.

А наши водилы решили на коленке починить мост и движок, перебросив недостающее с нашедшегося под рукой «КамАЗа». Наверное, надо было послать их вместе с их инициативой подальше и уматывать на той технике, что есть. Но, во-первых, мы бы там набились как сельди в бочке и резерва на случай, если выйдет из строя еще одна машина, у нас уже не было бы. Во-вторых, бросать бронемашину, причем лучшую из них, с «камазовским», а не «камминсовским» движком (ну где вы запчасти на «Камминс» найдете?), было жаль.

Вот и влипли. Потому что истинного количества зомби мы не предполагали.

Автомат лязгнул в последний раз затвором и замолчал.

– Пустой!

– Крою! – Справа.

Магазин в сумку, из сумки – свежий, тяжеленький сороковник. Примкнуть, передернуть затвор. Хорошо, что с собой много, снаряжать бы тут упарились, каждый человек на счету. У военного вообще в подсумке четыре магазина – это смех. Я, например, только на снаряге ношу одиннадцать – нацепил на себя все почти, какие только сумел найти, став похож на черепашку ниндзя. Но мне в БТР или в БРДМ не садиться. А в сумке, которая рядом со мной, еще двадцать три магазина... осталось немного уже, правда. Все, что есть – сталь, пластик, пафгановские. Эту сумку я держу с собой в машине, если что – можно и оставить для действий в пешем порядке, а с машины – запас карман не тянет.

– Работаю!

Только крикнул – послышался крик справа. У меня магаз был целый – рванулся туда.

Так и есть – тварь. Думать, откуда она, некогда, скорее всего, подобралась со стороны тротуара, там зелень, мать ее ети. Длинная, зубастая, как... такса, только больше в несколько раз. И только чудом не порвала нашего Игорича – чуть промахнулась, сбила его с ног, вцепиться не смогла. Гиена какая-то. И сейчас, прижавшись к земле, готовится к броску – ее задержало только то, что появился я и она оказалась перед выбором.

(На самом деле это и была такса. Просто тут неподалеку жила женщина, у которой было несколько такс. Когда началось – одна из такс перекусила своих товаров, а потом и хозяйку укусила. А потом она всех съела...)

Выбрала!

Я успел перекинуть на автоматический огонь и упасть на колени, чтобы вести огонь снизу вверх и дать возможность стрелять с машины. А дальше тварь бросилась на меня, метров с пятнадцати, избиваемая свинцом. Хорошо, что у меня были охотничьи, со свинцовой головкой, такими и на лося, бывало, что охотились. И тут же – от машины долбанул «Вепрь-12» пулевыми, и тварь такое огорчение не вынесла – ее просто порвало пулями, она не смогла сделать последний прыжок. Но удивительно что – позвоночник перебит, а она все равно передними лапами скребет.

Живучая...

Игорич неуверенно поднялся.

– Цел?!

Если сейчас Игорич обратится – трындец. Другого такого водилы нет у нас.

– Цел...

Вижу, что цел. Ватник, подшитый изнутри чем-то вроде панциря из проволоки, спас. Почему изнутри? Потому что снаружи еще и вата, попробуй, прокуси или порви вату, а за ней – проволоку, тонкого, но прочного плетения.

И тут появилась вторая тварь.

Она вскочила на троллейбус, скособочившийся у остановки, и на секунду замерла, определяя цель.

Дух!

Долбанул за нашими спинами КПВТ, нас оглушило – а тварь порвало, мы видели, как полетели куски. КПВТ – это без вариантов.

Подбежал к Игоричу, помог...

– Долго еще?

– Минут десять.

– За минут десять нас порвут!

Водила сплюнул.

– За десять – поедет.

– Ладно, давай!

Сколько осталось? Немного ведь, уже выбирать приходится – все пустые.

– Саня!

– Иду!

– Ты долбанулся?

Да. Знаю. Я – долбанулся. Мы все – долбанулись. Конкретно долбанулись. Мы все – бредим. И все, что вокруг – это бред. Такого не бывает.

Не бывает, чтобы мертвые шли по земле как живые.

Короче, отбились мы. Десять минут превратились в двадцать пять – но мы отбились. Наши водилы, похоже, еще не вкурили, что делается. А делается конец света.

И – да... казанские на нас так и не вышли. Не знаю, что с ними.

– У нас бронемашина. Что они сделают с бронемашинной?

– Чо сделают?! Да спялят нах из РПГ в переулке!

– Какие тут РПГ? Город мертвый.

– Какие?! Не, ну ты из всех мудаков – мудака.

– Ночью. У нас броня, ночники есть. Обернемся за раз.

– Не, ну песдец.

Да все я понимаю. У всех есть что-то личное. У всех. И офицеры должны подавать пример – срать на личное, со второго этажа.

Да только я не могу так.

И все понимают, что я, как мне надо, так и сделаю. Я – гражданский и привык поступать, так как мне надо. А военных у нас почти нет в группе.

– Короче, говори с пацанами. Как решат.

Пацаны ели, набивая заодно и рожки. Костер уже потушили – нечего внимания привлекать.

– Пацаны.

– Короче, у меня тут дело есть. Не скрою, личное. Вам в эту мутку соваться вовсе не обязательно. Но один я туда тоже не дойду. Короче, решайте, пацаны.

Переглянулись. Потом Саня ответил – один за всех.

– Надо – значит, надо. Мы с вами города чистили. Надо вам – значит, надо и нам.

Вот так вот.

– Не вам, а тебе.

Не знаю, что и сказать. Я вообще... как-то не верю в дружбу. Получается – не верил.

– Благодарю, пацаны. Не знаю... не отдарюсь потом. Но все равно – благодарю.

«КамАЗ» был бронированным... есть такая фирма Streit, она одна из лидеров мирового рынка бронирования, ее кажется, русский возглавляет, а штаб-квартира в Канаде. Так вот – у них есть бронированные «КамАЗы» и машины на шасси «КамАЗ». Они, видимо, плотно работали с нашими – на заводе в Набчелнах мы нашли несколько машин, готовых к отгрузке. Эта, судя по всему, предназначалась для полиции, для перевозки крупных подразделений. Бронированные кабина и кузов с бойницами, сзади, как у пожарных машин, что-то вроде приступка, но главное – таранный бампер впереди, заводской, не самоделка. А внутри была подготовка под водометный ствол – нам его быстро, прямо в полевых условиях переварили под «корзину» для прикрытия пулеметчика. Корзина, конечно, так себе вышла, тяп-ляп, но пока есть что есть. Вернемся – думать будем, тут надо пулемет ставить, как на «Хаммерах».

Двое в кабине, считая меня, шестеро в кузове. Не могу сказать, как я благодарен пацанам – могли бы послать на три всем известные, и имели бы на то полное право. Но нет. Пошли.

– Направо.

Город вымер, и вымер страшно, где-то забиты транспортом улицы, не проехать, где-то просто аварии, но проехать можно – но кругом смерть, смерть, смерть. В Казани оставалось немало тихих, кривых улочек, закрытых дворов – городу тысяча лет как-никак. Все они превратились в смертельные ловушки...

Луч фары-искателя шарит по стенам, по домам...

– Где?

– В арку.

Арка оказалась перекрыта машиной – но «КамАЗ», поднатужившись, легко сдвигает машину в сторону. Ого... сколько тут...

И тут в машине непонятно с чего начинает работать аудио, и на весь двор раздается:

*American boy, American joy
American boy for always time
American boy, уеду с тобой,
Уеду с тобой, Москва, прощай!
American boy, уеду с тобой,
American boy.*

Бред... мама, мы все сошли с ума...

– Цели!

Звук двигателя привлекает внимание зомби, они в темноте выглядят как посланцы из преисподней... да они и днем так выглядят. Рафаил, который тут учился и город знает, просто прибавляет ходу и сносит зомби таранным бампером к чертовой матери...

– Вон туда, в угол.

Двор тут большой – и дом, несмотря на то, что новодел, хороший. Дорогой. Я это знаю, потому что одалживал денег на квартиру. Мог бы и так дать – да она не захотела...

Первый раз я ее увидел... сиреневое платье, каштановые волосы и совершенно безумного цвета глаза – такие же каштановые, но с желтизной. Как у кошки, только темнее. Понятно, что ей до хрена комплиментов говорили и до хрена что предлагали... но я сумел сказать что-то такое, что ее зацепило.

Работала она тогда просто бухгалтером в фирме, занимавшейся массово сливом фирм, которые были задействованы в схеме обнала. Берутся сто помоек, сливаются в одну, после чего объединенная фирма

закрывается – со взятками, понятное дело. За слив каждой фирмы берут от сорока-пятидесяти кусков в зависимости от того, сколько на ней грязи скопилось. Вот и считайте, господа.

Потом она стала главным бухгалтером и стала заниматься уже собственно самым обналом. А это конкретные контакты – банки, банк Татарстана, менты, налоговая...

Для меня она была просто Алисой. Она любила французское кино, песни Джо Дассена и загорать голой. И она любила меня.

Лисенок... Лисенок...

Ружье у нее было – это я настоял. Надо было настоять и на другом – тупо бросить все и переехать. Да, я знаю, что из этой системы вход рубль – выход тысяча. Но я бы, наверное, отмазал, не стали бы связываться... в конце концов, в Ижевске тоже есть жизнь и люди нужны. Работала бы у нас...

– Давай, сдавай задом прямо к подъезду. Вон к тому.

«КамАЗ» снова взрывает мотором, начинает пятиться, кого-то по пути задев. Хрен...

– Сзади чисто!

– Иду!

Выбираюсь из кабины, начинаю отступать назад, держась борта машины и отстреливаясь. У меня банка, должно хватить. Если только сверху что не прыгнет...

Дверь в подъезд – сталь, но пройти ее нет проблем, потому что у меня есть ключ. Там все еще работает замок, я стучу в заднюю дверь «КамАЗа».

– Дверь открыта!

Открываются двери «КамАЗа», вперед ставится легкий щит, за ним уже открывается дверь. Там и в самом деле оказывается зомби – какая-то бабка, невысокая, черненькая, в измазанном кровью платье в горошек. Ее сносят несколькими выстрелами.

– Чисто!

– Чисто, пошли!

Двери «КамАЗа» открыты в обе стороны, создавая своего рода щиты, машина стоит задом впрытик к подъезду. Сколько бы тварей ни собралось перед машиной, пока мы чистим адрес – хрен они нам что сделают.

Но внутри...

Чистить адрес – дело мерзкое. Даже если кевлар с головы до ног. Зомби – они могут быть везде, за каждой дверью. Открыл – тварь в десятке сантиметров от тебя.

Первый этаж – мертвяки. Одеты по-разному, вялые... но мертвяки.

Второй – мертвяки, тут пришлось выстрелить и мне, через перила. Выстрелил хорошо – снизу вверх, одним выстрелом полбашки на стене. Убитого я знал – здоровались, когда я тут бывал. Дельный старикан, ему дети квартиру купили. Дети в Америке.

Третий. Из-за лифта вымахнула тварь, но напоролась на щит. Щитовик устоял, а тварь легла под огнем из всех стволов.

– Чем дальше, тем толще мертвяки, – заорал Мешок, – где?

– Четвертый!

Да, четвертый. Вот она – знакомая дверь. Ковка и израильские замки. И кованая роза – тоже мой подарок.

Роза с шипами.

– Дверь закрыта!

Я уже знаю – нет там никого. Нет. Просто хочется убедиться. Понять. И, может, отдать последний долг.

Щелкает замок. Еще один. Еще...

– Наружу открывается...

Заходим. Я последний. Лучи фонарей пробивают полумрак... тут тихо. Как будто и не было ничего – ни идущих по улице мертвецов, ни тварей, похожих на исчадия ада. Просто отключили свет...

И не пахнет. Ни гнильем, ни ацетоном. Эти твари – у них запах какой-то странный, типа ацетона.

Подствольные фонари шарят наугад по темноте...

– Комната справа чисто!

– Комната слева чисто!

– Кухня чисто!

– Уборная чисто!

– Зала чисто!

– В квартире чисто!

Закрываю дверь на щеколду – тут она капитальная.

– Александр Вадимович... гляньте.

Прохожу в залу. Все перевернуто... даже полы вскрывали.

– Неладно дело.

Да вижу я.

Включаю свой фонарь, начинаю обыск. Перевернуто все вверх дном, во всех комнатах. В ванной сорвана занавеска, ванна набрана почти полная, на полу... блевотина, что ли? Так и есть.

На кухне – следы крови, нож хлебный.

Твари...

И тут звонит сотовый. Его звонок – как залп корабельной артиллерии.

Где?

На кухню вламываются пацаны, они тоже в шоке.

Вот. Подключен к аккумулятору – чтобы держался долго. На столе.

Лучи фонарей светят на дрожащий телефон.

Ладно... сыграем.

– Але.

– Але.

– Кто это?

– А это кто?

Идиотский разговор, верно?

– Полиция. Устраивает?

– А на ... тебе не пойти?

В трубе раздался смех.

– Только после тебя.

– Надо чо? Говори, или расход.

– Надо. Да немного надо. Комп у тебя?

– Чего?

– Не прикидывайся, что не знаешь. Ты ведь трахаль ее. Либо он у тебя, либо ты знаешь, где он.

– Повторяю, мусорок. А не пойти ли тебе...

– Не хами, сучонок. Потом на коленях прощения просить будешь.

– Мечтать не вредно. Кстати, как ты просек, что я в адресе?

– Догадайся с трех раз.

– Татьяна?^[19]

– Она самая. Коллега, что ли?

– Я таким хомутам, как ты, не коллега. Коллеги твои – в Тагиле парашу по утрам выносят.

– Пожалеешь о том, что сказал.

– Хоть два раза. Давай, говори, чо хотел, и расход.

– Хочешь узнать, где она?

– Допустим.

– Меняем. Комп – на нее.

– Поговорить дашь?

– Комп у тебя?

– Вопросов много задаешь, оборотень в погонах. Дай ей телефон. Нет – кладу трубу.

– Подожди!

– Три. Два.

– Стоять!

– Запомни, найду – порву на фашистский знак, мертвякам позавидуешь, гнида скотская. Расход.

Я бросил трубу. Все, кто был в зале, ошалело смотрели на меня.

– Это че было? – спросил тезка, он вэвэшник бывший.

– Адрес на контроле, щас тут гости могут появиться. Ноги в руки – и валим. Готовимся – по нам могут люди отработать!

Хотя людского в них уже мало. Убили они ее.

Твари, убили. А перед этим пытали. Комп им был нужен. Со всей бухгалтерией.

Кому он сейчас...

– В соседнюю зайдем...

В соседней старуха жила, Алиса о ней заботилась, помогала. Комп у нее и хранился. А эти твари...

Ладно, не время.

Комп забрал – вместе с несколькими накопителями. Старуха была там, мертвая, мы ее упокоили окончательно. Тут несколько пожизненных, только какое сейчас это имеет значение. Спускаемся вниз, почти бегом. Там мертвяки осадили машину со всех сторон, ломятся. Ничего сделать не могут, но все равно ломятся. Вперед уже не пройти. Несколько пистолетных – и вваливаемся в кузов. Все целы.

– Валим, бегом!

«КамАЗ» трогается, подминая колесами все, что есть перед ним, живое или мертвое...

Банда ждала неподалеку, в небольшом отделении банка, укрепленном настолько, что ему не страшен был даже гранатометный выстрел. Это была передовая база мародеров, они чистили богатые районы, не понимая, что расклады изменились и пачка патронов сейчас ценнее пачки долларов. Впрочем, какие-то ценности все равно должны были остаться...

Все они были сотрудниками полиции, бывшими или действующими. Бывшие – это те, кто успел засветиться, некоторые даже отбывали срок в Нижнем Тагиле. Действующие – те, кто срок отмотать еще не успел.

Но бандитами были все.

Все они относились к ОРЧБ – и все они были родом из лихих девяностых, когда не было ни чести, ни совести, ни достоинства, ничего. Умри ты сегодня, а я – завтра, кто не думает о себе – тот лох. В милицию они пришли зарабатывать – это была самая опасная прослойка в МВД. Про

службу обществу они и не думали.

Все они также относились к казанским группировщикам – но тем, кому повезло не засветиться. Иначе бы они не попали в полицию.

Дети проходных дворов.

Начинали как все – относительно честно. Присматривались. В полиции, которая еще тогда была милицией, служба недобрая. Много карьеристов, готовых идти по головам, много тех, кто готов просто подставить, чтобы остаться чистеньким самому, есть собственная безопасность. Уровень преступности в обществе страшный, зашкаливающий, а уголовно-процессуальный закон запрещает подозреваемого бить. А как раскрывать, если не бить? И научить некому – произошел разрыв, опытные следаки и опера начали уходить, и пошло это не с 1991 года, милицию развалил еще Андропов, развалил, видимо, с далеко идущими целями. Начальство себе на уме, оружие на постоянку ссыт выдавать, а раскрываемости требует – вот и работай, как хочешь. Простой опер всегда в чем-то виноват, что начальство более чем устраивает, потому что невиноватый человек – человек неуправляемый.

Потом время пошло другое, преступность девяностых удалось наконец разгромить, кто не сел – занялся бизнесом. Стало много денег в обществе, а так как полиция – часть общества, то денег стало много и в полиции. И если раньше за услуги расплачивались услугами, клятвами верности – то теперь за все требовались деньги, и начальству тоже надо было заносить деньги, и все это понимали...

Потом времена снова изменились – и они больше не обирали ларечников, они садились на конкретные темы. Теперь до них дошло, что, чем обирать бизнесменов, рискуя статьей, лучше заниматься бизнесом самим – понятно, что не лично, но вопрос решаемый по-любому. Жены начинали заниматься бизнесом, а они расчищали им дорогу, часто незаконно привлекая конкурентов к уголовной ответственности. Они крышевали наркоторговлю, контрабанду, разваливали дела за деньги.

Но к обналу – деньги из денег – они и не подступались. Все понимали – это кусок совсем другой структуры, и если на него пасть раскрыть, можно сесть конкретно и надолго. Не откупишься, размотают по полной.

Но многое они, как менты, знали. И как пришла катастрофа – решили действовать. Но неудачно.

Старший среди них, полковник Рамиль Ягафаров, тем не менее, не хотел упускать возможность и оставил хату фигурантов на Татьяне, выведя сигнал на передовую базу. Так они и поговорили.

Плохо поговорили.

– Вот гнида! – Старший на базе майор Новик, один из немногих не татар в таком звании в Казани, бросил телефон.

– Чо?!

– В ружье!

Расхватили оружие. Надо сказать, что личного оружия у полицейских оказалось немного – привычка, что в случае чего можно воспользоваться табельным, сыграла свою злую шутку. Тем не менее нашлась «Сайга-410К» и «Вепрь-12», один из ментов вскрыл нычку. Там был МР5 с автоматическим режимом огня, который он заныкал из изъятого – понравился просто. Кроме того, были ПМ и АКС-74У, на «Грачи» их еще не успели перевооружить, да и пацаны плохо про них говорили, клинит типа. Понятно, что АКС-74У автомат постольку-поскольку, но их в общем устраивало.

Дальше – если выражаться языком уголовного права – они совершили несколько убийств и разбойных нападений. Не обязательно за деньги – один из ментов расстрелял свою бывшую жену и ее нынешнего ебаря, – но денег тоже взяли немало. Потом на них по связи вышел полковник Ягафаров и сказал, куда подъехать. Они подъехали, потому что жизни вне полиции уже не видели и понимали, что, если кинуть такого человека, как Ягафаров, жизни потом не будет.

Полковник Ягафаров был в татарской полиции человеком неприкасаемым, потому что имел звание Героя России за Чечню. Звание это он получил честно, выжив в жестоком бою с боевиками, когда шансов выжить практически не было. Это не мешало ему сейчас иметь дела с чеченцами и брать у них деньги, и не только у них. Просто когда сержант Ягафаров пришел в милицию, старшие товарищи научили его не служить обществу, а врать, вымогать, предавать и убивать. А он всегда был хорошим учеником.

С Ягафаровым встретились около моста Миллениум, ставшего одним из символов Казани. Ягафаров был на черном «Крузере» – он у него и раньше был, но записан был на какого-то родственника, и на работу на нем он не ездил. С ним были еще несколько человек из СОБР, все с автоматами...

– Салам.

– Салам.

– Че происходит то, товарищ полковник. Жесть какая-то...

Ягафаров достал сигареты.

– Будешь?

– Ага, благодарю.

Закурили.

– Короче. Вадик, происходит задница, – сказал Ягафаров, смотря на город, разрываемый воем сирен и сигналок авто, – я с утра связался с Москвой, там идет эвакуация центрального аппарата МВД.

– Е... Куда?

– Да они и сами, похоже, не знают. В Москве звездец такой же, как у нас, если не похуже.

– А это чо вообще? По связи проходило – мертвые встают.

– Именно. То ли лаборатория какая взорвалась, то ли американцы сделали. Допрыгались мы, короче.

Ягафаров, не докурив, затоптал сигарету, уставился на майора Новика круглыми, совиными глазами.

– Ты как цел остался?

– Как-как. У Русика днюха была, вот, завалились на базу, шалав взяли, отпраздновали душевно. С утреча вызовы пошли валом, потом режим усиления объявили, а у меня башка как колокол. Я думаю – ну его на хрен, попадешься начальству в таком виде, таких бздей навтыкают! Уж лучше отморозиться, что там – дадут потом выговорешник, мало ли их у меня. Короче, не поехал, и пацаны не поехали, а потом поняли – худо дело.

– Хорошо, что не поехали. Потому что те, кто поехал, почти все на том свете уже.

– Даже так...

– Вот так вот. А нам надо думать, как выживать.

По мосту, сигналя, шли машины. Люди, как могли, уходили от беды.

– Ты с нами? В смысле, с системой?

Новик рассмеялся.

– Ну а как? К кому я примкну, к бондикам, что ли?

– Тогда вот что. В городе в центре вертолеты недавно садились, похоже, наше начальство решило героически деру дать. И получается, что в городе власти, кроме нас, больше нету.

Новик кивнул, хотя он не понимал, как это – власти нету.

– Надо работать... короче, твоя задача – отделения банков, оружейные магазины, все под себя. Земля твоя где?

– На Авиастроительной.

– Вот там и вставай. Делай себе точку и все под себя гребь. Про закон о полиции забудь, стреляй, если что, первым. Пофиг, потом, если и наведут порядок, все спишется. Твоя задача – главным там стать.

Ягафаров задумался.

– Авиастроительная, говоришь?

- Да.
- Иди, скажу чего тихо...

И сейчас поднятые по тревоге менты, быстро расхватав оружие, погрузились в бело-лунный «Рейндж Ровер Спорт» и рванули.

- Давай... туда, где бабу!
- Понял...
- Новик – обернулся к своим:
- Шмалять, если чо, сразу. Мне только один нужен, остальных валить!
- Чо он сказал-то? – спросил один из ментов.
- Нижним Тагилом грозил. Козел!
- Вот же пидор...
- Таких точно валить...

Свет ксеноновых фар метался по стенам домов, по дороге. Сбили какого-то нешуганного, медлительного зомби.

- Стоп! Стоп!

- Здесь засаду делаем!

Времени не было – уже был слышен звук двигателя.

- «КамАЗ» идет!
- Пофиг! Сразу по водиле огонь!

«Рейндж», который в другом случае поберегли бы – жаль не было, край – съезжают в салон и возьмут другой. Сейчас с этим проблем нет.

- «КамАЗ» вывернул из-за поворота, ослепил.
- Огонь!

- Контакт!

Ночь расцвела вспышками выстрелов, по лобовому стеклу пошли трещины попаданий. Но бронированная машина выдержала обстрел – ей и надо-то было несколько секунд. А потом – таранный нос «КамАЗа», как консервную банку, смял белый «Рейндж Ровер» и поволок его перед собой вместе с теми, кто не успел увернуться.

Они не ожидали одного – что у нас будет бронированная машина. В их раскладах они просто никогда с таким не сталкивались. Привыкли, что ксива им яйца заменяет, оборзели вкрай. Вот и попали...

«КамАЗ» остановился, когда проволока «Рейндж» метров двадцать. Я выскочил из коробки первым и с ходу дал длинную очередь вокруг, чтобы сбить атаку. Там был урод на асфальте, который пытался встать, но был

сильно покалечен и к автомату все тянулся. Ночник у меня был, хоть и примитивненький, но был. Я подбежал к нему, отбил автомат, схватил и потащил к «КамАЗу». Тот орал что-то...

Кто-то подбежал, помог – мы, как мешок, затолкали этого в машину...

– Валим! Валим!

Стрельбы больше не было. Как и света в коробочке. Я врубил фонарик, зажал его зубами и набросился на этого урода, что мы затащили в машину. Он уже не стонал...

– Говори! Говори, кто ты! Что вы сделали?! Что вы, с...а, с ней сделали!

– Александр Вадимович!

– Отвали! Говори, пададь! Говори!

– Александр Вадимович! Он умер!

– Ни хрена! Он скажет! Говори! Говори, гад!

– Александр Вадимович!

– Пошел ты! Пошли вы все!

– Александр Вадимович!

На окровавленном лице вдруг открылись глаза, но это были не человеческие глаза, в них уже не было жизни. Кто-то из пацанов успел приставить ПМ и нажать спуск. Грохнуло, кровью и мозгами мне брызнуло в лицо.

Ночная перестрелка встревожила всех, хотя выбрались мы без потерь благодаря броне на «КамАЗе». Я кое-как отмылся – а мыться нечем было, воду для питья берегли, только что смочил тряпку – и оттирай. И был еще трупешник.

Старший по званию из нас, капитан полиции Гусейнов Равиль, мельком просмотрел удостоверение.

– Шестая ОРЧ, МВД Татарстана. Ну, звидзец, – заключил он, – своих положили.

– Каких своих?! – психанул я. – Каких своих!? Это, что ли, свои?! Это мафия! Им теперь жизни не будет, я их рвать буду, как тузик грелку, где встречу!

Переглянулись. Потом Саня, как наиболее близкий мне, кому я, по крайней мере, не дам с ходу в рожу, осторожно сказал:

– Ну, ты же тоже их знал, так?

– Знал, только разница есть! Хочешь, скажу, какая?!

– ???

– Я не похищал. И не убивал. Понятна разница? Есть всегда предел. А

эти волки – предел перешли. За то и огребли. Легко, так сказать, отделались, будь у меня время, они бы у меня так легко не подошли...

Потом был подход второй группы, штурм и зачистка Казанского оптико-механического, где мы, несмотря на весь наш опыт и наработки, все же потеряли троих, причем двоих разорвал один и тот же монстр. Сумел перепрыгнуть щит, гад...

Но мы все же сделали...

Потом – уже на крыше, где мы курили, пили чай и дежурили, – ко мне подошел Мешок. Понятно, не сам, послали сказать.

– Сань?

– Ну.

– Говори, в морду не дам.

– Короче... ты бы поосторожнее в выражениях. Сотрудника завалили... на это по-разному можно посмотреть.

Я повернулся:

– Как?

– Ты телик смотришь? Видел, что в Украине произошло?

– Видел.

– И что ты видел? Милиция с народом, «беркута с уродом» – не слышал такого? Ты хоть представляешь, сколько ненависти к ментам?

– И что ты предлагаешь? Как у хохлов, всех пинком под зад?

– Ты дурак, что ли?

– Сань, ты меня с юности знаешь. А я знаю тебя. Ты знаешь, я не либераст отмороженный, который ментов ненавидит всеми фибрами своей души. Но вам – всем, и тебе лично, и тем, кто тебя послал поговорить, – надо решать.

– Что решать?

– Как жить. Те менты, которых мы кончили, – надеюсь, что там никто не выжил, проверять времени не было, – были оборотнями и убийцами, отвечаю. Мразью. А вам надо решать, как к этому относиться. Либо для вас ближе они, потому что они с ксивами и под погонами и вы знаете, что они свои, хотя они мразь мразью. Либо ближе я, мы, люди, – а они чужие, и надо их пристрелить и забыть. И решение надо принимать быстро, прямо сейчас. Потому что сейчас ксива уже не играет роли, у людей стволы на руках. И если вы опять возьмете за правило своих отмазывать и покрывать,

то вас просто порвут. Общими усилиями. И смотаться будет некуда. Везде сейчас одно и то же. Так что решайте.

Саня сплюнул вниз, проследил за плевком.

– Это легко сказать.

– А что сложного?

– Тебе не надо объяснять, в группе люди – все нормальные, крыс нет.

Но почему на нас волком и сейчас смотрят?

– Сань, а вот и ответь для себя – почему? Честно ответь.

Ответа не было.

Бывшая Россия. Ростовская область

Девятьсот сорок четвертый день Катастрофы

Продолжение

Блок на дороге был построен капитально, по типу того самого, на трассе «Кавказ», с тремя этажами. Около блока машин сейчас не было, в трубу был виден разбитый огорожок, огороженный колючкой.

Все правильно, казаки – люди хозяйственные.

Собственно, схема стандартная: белый флаг – и вперед. На скорости не более десяти. Когда мы подъехали к бетонным блокам, показался казак, одетый дико: низ – штаны с лампасами, верх – куртка ГИБДД, и еще жезл у него был, настоящий, полосатый. Этим жезлом он показал съезжать в карман.

– Не местные?

– Нет.

– Куда едете? И к кому?

– Старшего по званию пригласите.

– А ху-ху не хо-хо?

– Ты чего, казак, совсем припух на службе? – сказал я. – Гони атамана сюда, живо! С Волги приехали.

Казак мрачно посмотрел на меня, на пистолет в кобуре. У него, кстати, «стечкин» был, редкость сейчас, мало их осталось.

– С Волги?

– Пост два – Циклону, пост два – Циклону. Что, заснули там? Пост два, тут делегация целая с Волги. Атамана просят... Так точно. Есть...

Минут через пятнадцать в поле зрения появилась небольшая колонна:

автобус «ПАЗ», старый, какие по райцентрам ходили, и за ним БТР. Но БТР наш, восьмидесятка, правда, флаг какой-то не наш.

Я не удержался, посмотрел. Господи, ну и нарисовали.

– Ты по званию кто будешь, военный?

– Хорунжий Донского казачьего войска, не видишь, что ли?

– Вижу. А это что за флаг на коробочке?

– Наш.

– А зачем там голый мужик?

– Это наш флаг, исконный, голый казак на бочке с вином. Типа все пропил с себя, только саблю оставил. А что, претензии имеешь?

Я пожал плечами:

– Да не. Какие могут быть претензии. Это у командования к такому должны быть претензии. За проиписание вверенного имущества...

Подкатил автобус, подкатил БТР, казачки споро заняли оборону... а вот БТР у них был старый. «Восьмидесятка» – но без тепловизора. Это хорошо, значит, снайпера они не увидят.

После из автобуса выбрался мужик камуфлированный, лет пятьдесят. Но вместо уставного головного убора – казацкая папаха, и еще неуставной пояс с шашкой (я, кстати, заметил, что тут чуть не половина с шашками). Погоны тоже не уставные.

Подошел, посмотрел на меня испытующе – ну смотри, за посмотри денег не возьму. Я оделся поскромнее, не так, как на ульяновский торг, а то еще зависть казаков обуяет. А зависть – чувство плохое.

– С Волги идешь, говоришь? Кто такой?

Я достал удостоверение, предъявил.

– Александр Дьячков. Депутат Горсовета Ижевска. Прибыл от республики Удмуртия для переговоров.

Камуфлированный посмотрел на удостоверение, потом на меня.

– Депутат... – протянул он.

Такие вопросы надо сразу решать.

– Да, – пожал плечами я, – а в чем проблема? Во мне? Или в депутатстве?

– Да ни в чем.

– Нет, вы скажите, – вежливо настоял я, – в чем проблема-то? Меня избрал в горсовет трудовой коллектив оружейного завода. По вполне честной процедуре. И я вот сейчас мотаюсь, решаю от имени коллектива проблемы и пытаюсь загрузить их работой, чтобы производство не простаивало. Если я не буду этого делать – выберут другого депутата. Так в

чем проблема-то?

Камуфлированный криво усмехнулся.

– А что такой наезжий-то?

– Да я не наезжий, просто сразу все точки над ё расставляю, чтобы потом недопонимания не было.

– Недопонимания... ладно, пошли в автобус.

Тронулись.

Автобус первым, дальше идет наш «УАЗ», дальше «буханка», дальше одна за другой фуры, дальше БТР. Вроде как конвоируют: в том же Тольятти бы сказали: «Прими по-братски», а тут ничего не говорят. Не знаю, как тут жизнь устроена и вообще – Россия ли это. Я слышал, казаки вообще огорчаются, если назвать их «мужиками», и тут же поправляют – мы не мужики, мы казаки. В Тольятти опять бы сказали – мужики на промке пашут. Но было бы приятнее понимать, что вот этот вот казачина и остальные относят себя все же к русскому народу, считают себя и нас одним целым. Нет, это не значит, что я в ответ тут же пятьдесят процентов скидку сделаю или весь товар подарю. Но за скидку поговорить можно будет.

Едем... вид обжитой, не сказать, что Катастрофа. Понятно, что движения такого, как раньше, нет – но вот, трактор прошел.

– Куда идем-то?

– В Миллерово.

– А там что?

– Штаб наш, и военная часть там еще. Летчики.

– Добро. А зачем шашки носите?

Казачина усмехнулся.

– Зачем... ну ты дал. Мертвяк на тебя пойдет, ты что, голыми руками отбиваться будешь? А так раз – и срубил. Нас ничем не взять, у нас даже дети лозу шашкой рубят. В каждой станице, считай, отряд. Так и отбились.

– Сильно задело?

– Ростов сильно. А так... отбились.

– Понимаю.

Камуфлированный достал из столика в автобусе, который исполнял функции штабного, какую-то бутылку.

– Давай тогда... за понимание. Шахтерская... на травах.

– Воздержусь.

– Чего так?

– Дела не сделаны – за стол не сажусь.

- Ишь ты какой. Ну смотри. Не по-казацки это.
- Мы уральские. С заводов...

- Выше берите. Траектория очень крутая.
- Не учи папу детей делать...
- Все засмеялись. Ладно...

Дело было на летном поле бывшей миллеровской авиабазы, где командир Третьего донского полка есаул Гордеев пытался попасть в пустую пивную бутылку из глухого винтаря со ста метров. Я был уверен, что не попадет.

Глухой винтарь – это тоже наша тема. Был такой патрон 366ТКМ, его «Техкрим» делал, он попадал в категорию гладкого, хотя по факту был нарезом, просто специфичным. Но главное – патрон в Ижевске делали. Когда началось – у нас не было бесшумного оружия, совсем. Несколько «Винторезов», и все. Решили работать от того, что есть: на заводе сделали развертку под тот патрон, что есть, и начали выпускать винтари под этот калибр – на базе АКМ и «Лося». То есть не стволы с гладкой частью и не сверловку Ланкастера, а нормальные нарезные стволы. И нормально пошло – он по кучности получше «Вала» будет, а выстрел, если из «Лося» с глушаком – котенок громче пукнет. Автоматики-то нет! А «калаш» – он и есть «калаш», на него и переобучать не надо, только таблицу поправок запомнил новую – и в бой, за Родину.

Ну или Аллах акбар. Шутка.

Винтовка дернулась.

– Попал?

– Нет.

– Кривая у тебя винтовка, Ижевский.

Именно так – Ижевский, с ударением на «и». Я сдержался.

– Немного выше возьмите. Деление в прицеле.

Есаул мрачно посмотрел на меня, но затвор передернул и опять прицелился. Стоящий рядом молодой казак в березке^[20] и с орденом Мужества на груди смотрел на меня скорее с симпатией и на винтовку – тоже. Понятное дело – они, скорее всего, разведка, а им такое оружие нужно. «Винторезов»-то нынче днем с огнем, как и патронов к ним.

Винтовка дернулась. Бутылка лопнула, ее просто разорвало.

– Попал!

– О! Это любо.

Потом, когда казаки продолжали крутить винтовки – эту и другие, – я,

улучив момент, подошел к тому, что в березке, протянул руку:

– Александр.

– Дмитрий.

Я кивнул на автомат на груди, у него был какой-то странный компенсатор, похожий на выпотрошенный масляный фильтр.

– С пять сорок пять ходишь?

– Есть такое. Патроны к нему достать проще.

– Есть «Барс» в этом калибре, глушак и прицел к нему заводские.

Планка Пикаттини стоит под любые прицелы, впереди еще одна под ночник. Ствол с нарезками под глушак, отпущен в криокамере, резьба такая же, как на АК-74. На ложе крепление под сошки стандарт, и есть еще вариант со складной ложей американского типа, в РД-54 помещается. Сошки тоже есть, но примитивные...

Казак оживился.

– Почем?

– Договоримся. Вот такие вот – кто делает?

– Тут у нас контора одна. Рукастые ребята, они много всего делают.

– Мен на мен. Мне много всего и надо.

Посмотрим... договоримся – будет тут наш представитель и дилер, в принципе нам выгодно, когда все в одном месте и когда не с нуля работа начинается. А мы посмотрим, что тут хорошего придумали... такая жизнь, как сейчас, она в принципе крутиться заставляет, а техническая библиотека наша – всегда нуждается в пополнении. Как-то так...

Здесь, как и обычно в таких местах бывает, как и в Подмоскowie получилось, жизнь сохранилась вокруг воинских частей.

До Катастрофы шло их активное формирование. Россия пришла к 2014 году, почти не имея войск на своей западной границе... поэтому мне, кстати, смешны рассуждения о том, что вот можно было в 2014 году Украину захватить – шашки наголо и вперед, гусары. А чем? У нас реально на границе не было ничего или почти ничего и явно не было плана действий – ну не видели мы Украину врагом до 2014 года. А для того чтобы перебросить войска с техникой с других направлений, чтобы разработать хоть какой-то план – это очень много времени надо, и Запад два раза успел бы среагировать. Крым – это одно, а захватить территорию в шестьсот с лишним тысяч квадратных километров, на которой свыше сорока миллионов человек проживает, – это совсем другое. Помните, как США готовились ко второй иракской? А тут – страна с вдвое большим населением. И огромным количеством оставшегося от Советской Армии

оружия.

Когда же произошла Катастрофа – как раз завершалось формирование по крайней мере двух армий, одна из которых должна была быть расквартирована именно в Ростовской области. И так как формирование этих армий шло в приоритетном порядке, туда же поставлялось самое новое оружие. Ряды «Тигров» об этом говорили очень красноречиво – их доработали, видимо, уже после Катастрофы. На американский манер – на всех машинах поставили мощные таранные бамперы и сверху сделали защищенные со всех сторон корзины для пулеметчиков. Пулеметы из корзин торчали самые разные – от «Корда» до ПКМ, не исключая ДШК и НСВ.

Когда произошла Катастрофа, уцелевшие стали стекаться к воинским частям в поисках защиты, там же стали образовываться новые поселения и городки. Современный тип расселения в таких местах сильно походил на раннее Средневековье – городище в центре, укрепленное, там князь с дружиной, вокруг – торгово-промышленное поселение, дальше какая-то крепостная стена, дальше – села, где платят князю дань на содержание дружины и ходят на торг в город. Современным аналогом крепостной стены был глубокий ров, наполненный водой, – потому что зомби не могли плавать и, попадая в воду, тонули камнем. Кроме того, городище огораживали, где просто сеткой-рабицей, а где бетонным забором. Сетка-рабица была лучше – через нее можно наблюдать, можно стрелять, а бетонный забор даже КПВТ не выдержит.

Здесь, как я успел заметить, систему укреплений дополняла берма – что-то вроде крепостной стены из земли, такие делают на Ближнем Востоке, чтобы обозначить границу между странами. А что, все правильно – куда-то же надо землю из рва девать. А такой крепостной ров никакая пуля не возьмет...

Дружеское отношение к России и осознание общности нашей непростой судьбы тут сохранилось: нас приняли, приняли наши подарки, приняли и приبلудные фуры с патронами, сильно обрадовавшись и мельком пообещав «порешать там», а водил посадили в местную тюрьму, до выяснения. Разместились мы в гостинице, расположенной в пустующем доме, а меня пригласили в баню. Оно и правильно – сейчас все серьезные разговоры только в банях и делаются. Потому что голые все и ствол никто не пронесет – ну и морду бить в бане как-то тоже не принято.

Баня была выстроена явно уже после Катастрофы – с решетками на окнах и решетчатой двойной дверью, как в тюрьме, – и топилась углем, что для нас, уральцев, было диковато. Но натопили жарко, так что дышать было

нечем. Вместе со мной в парилку зашли пятеро...

Пропарились, надо сказать, знатно – особенно после дальней дороги. Я не очень-то люблю баню, если честно, равнодушен я к ней, помылся горячей водой – и ладно. Но тут жаром аж до костей пробрало, что любому полезно для тех, кто привык спать где попало и как попало. Парил меня как раз есаул Гордеев.

Как только попарились – выбрались в соседнюю комнату, всю отделанную деревом, что по безлесности степи – за роскошь. Стоял самовар, к чаю был хлеб из печи (я умею отличать, сейчас много из печи пекут) и степной мед. Кроме того, стоял кулеш^[21], что меня удивило – вроде как под чай не принято так плотно подкрепляться. Ладно, со своим уставом в чужой монастырь не лезут...

– Так, попарились, можно и разговоры поговорить, – подвел итог невысокий, чернявый, но крепкий мужик, – я полковник Мечников, командир войскового района. С есаулом Гордеевым вы уже знакомы, он возглавляет казаков, это Итин Пал Палыч, он глава места, он же у нас глава местной торгово-промышленной палаты. Это Кунцевич Игорь Иванович, он у нас возглавляет безопасность, и Дорошенко Дмитрий Палыч, глава Схода. А вы у нас человек новый, представьтесь, о себе скажите пару слов.

– Дьячков Александр Вадимович, депутат Городского совета Ижевска. Все знают, где Ижевск находится?

Ижевск – не раз с этим сталкивался – на карте России мало заметен. И еще меньше знают Удмуртию, многие вообще не ассоциируют Удмуртию и Ижевск. В отличие от той же Перми или Саратова, о которых все хоть что-то, но знают, Ижевск – темное пятно. А ведь это город с населением свыше шестисот тысяч человек, мощнейший промышленный центр – промышленность Ижевска соответствует хорошему городу-миллионнику. Во время ВОВ Ижевск произвел вдвое больше стрелкового оружия, чем вся промышленность Великобритании. А еще раньше, в революцию, Ижевск был единственным крупным промышленным центром, не принявшим власть большевиков категорически и поднявшим восстание. К последнему факту относятся по-разному, кто-то не приемлет, кто-то гордится. Я, например, этим горжусь, у нас есть улица Азина (Азиньша) – только названа она так в честь латышского командира большевистской дивизии Азиньша, он по ней драпал из города. Есть и улица Пастухова – на ней Пастухов, председатель большевистского Совета, был ижевчанами убит.

– На Волге... – неуверенно сказал кто-то.

– На Каме. Но дело не в этом. Город у нас в основном сохранился, власть в нем людская, а не бандитская. Работают оружейные заводы,

делают оружие, и хорошее, замечу, оружие, не те самоделки что сейчас клепать везде начали. Есть пулеметы, есть снайперские винтовки, есть бесшумное оружие всех видов, освоили гранатометы. Также предлагаем на продажу лес, нефть, бензин, прокат, локомотивы малые, на автомобильных движках, но под широкую колею, «КамАЗы» подремонтированные да и много чего еще. Еды у нас хватает. С Сибирью связь держим, с теми, кто выжил, в Новгород на торг ходим. Людское признаем, блатного сторонимся, воровскому хода не даем, порядок уважаем и поддерживаем. Заинтересованы в том, чтобы торговать, торг на вашей земле открыть, и вы на нашей сможете открыть, если пожелаете. Также принимаем переселенцев, военным жилье сразу.

Про патронный я не сказал ни слова. Не время и не место, еще непонятно, как повернется. Но про льготы военным озвучил. Ненароком так.

Местные переглянулись. Затем Дорошенко, явный хохол, лет пятидесяти, седой как лунь, спросил:

– А сам-то кто будешь?

– Я же сказал – депутат Горсовета.

Гордеев хохотнул.

– Депутаты, мил человек, в кабинете сидят, а не с группами мотаются. Что-то ты темнишь.

Я пожал плечами:

– У нас мотаются. Вот я депутат от оружейного завода. Представитель трудового коллектива, получается. Что надо трудовому коллективу? Зарплата, работа. А чтобы работа была, надо, чтобы товар продавался. Вот я мотаюсь по торгам, договариваюсь, предлагаю. Люди благодарны. А если я буду в кабинете сидеть и мамон отращивать, нахрен такой депутат кому нужен?

Все засмеялись.

– Ну, это да, такой депутат нахрен никому не нужен, – сказал Мечников, – а то, что ты предлагаешь, это хорошо, только у Круга надо разрешение взять. Дозвил это у нас называется. У нас иногородним торг запрещен.

– Иногородним? Я же русский.

Все переглянулись. Потом заговорил Дорошенко:

– Чтобы ты понимал, мы люди вольные. У нас своя власть, мы под Москву не идем, хватит. Проживем сами.

– Вопросов нет.

– Только вот что, казаки. Вы, я так понимаю, со всем Кавказом воюете. И Кавказ уже Волгоград взял. Дойдут до хохлов – немного осталось, – и вы останетесь в полном окружении. Вот и вопрос, кому больше надо, нам или вам. И что с вами чехи сделают. Подумайте, пока есть время...

Из парилки вернулся в гостиницу, своим о разговоре ничего не сказал. Не то чтобы я был возмущен... просто удивительно, как люди не понимают, что моя хата с краю – не вариант. У чехов, дагов, любых среднеазиатов хаты с краю не может быть по определению, ты всегда часть общего, как пчела – часть роя, а муравей – часть муравейника. И отделиться у тебя не получится – в лучшем случае будешь изгоем, в худшем зарежут и откажутся хоронить по обряду.

Вот и выйдет, как в стародавние времена – один на один самый захудалый русский дружинник легко справился бы с любым монголо-татаринном. Но этих монголо-татар были десятки тысяч, а у нас – феодальная раздробленность и обиды друг на друга. Вот и попали под иго.

Жаль, что история ни хрена ничему не учит. Жаль.

Бывшая Россия. Миллерово, Ростовская область

Девятьсот сорок пятый день Катастрофы

Утром за мной заехал Дима, он, как я и предполагал, был из пластунов – взводов казачьей разведки. Ездил он на «Мицубиши Паджеро», очень старом (второе поколение) и переделанном под боевой – срезали крышу, сделали локальное бронирование, очень примитивное, кстати, и вварили стойку с ПКМ. На мой взгляд, у машины был существенный недостаток – верх голый, а твари обожают с крыш невысоких зданий прыгать, прыгнет – и в полминуты порвет всех, кто есть в салоне. Но если в степи воевать – наверное, это не актуально.

Дима, понятное дело, был заинтересован в оружии, я был заинтересован посмотреть и, если получится, купить работы местных умельцев. Ну и просто – нужен кто-то, чтобы прояснить ситуацию...

– Крыши нет, – прокомментировал я, – тварей не боитесь?

– Нет, – сказал Дима, – мало их, потому что спрятаться негде. И мы, и чехи их стреляем, а в степи не укрыться. Мы их шайтанами зовем, как и они.

– Ростов под кем?

– Наш.

– Краснодар?

– Их.

– Ставрополь?

– Тоже.

– Сочи?

– Наш, как и Новороссийск.

– Как же так вышло?

– Как-как. Абхазы подошли. У них с чехами конфликт большой, злые они друг на друга почему-то. У абхазов оружия много, хорошие воины, и осетины тоже с ними с обеих Осетий. Там резня была, осетин резали, карачаевцев резали. Уцелевшие вместе с ментами и военными, кто жив был, ушли в Южную Осетию и взорвали тоннель. Потом туда ушли, сумели зачистить и удержать порты. Помогаем друг другу. Вот так и живем...

– «Мужик»^[22] у тебя откуда?

– За Сирию дали...

Мы вылетели из города, покатали дальше. Дорога хорошая, ямы щебнем заделаны, все огорожено колючкой в один-два ряда. Кое-где виднелось что-то вроде виселиц, я покосился на них...

– Это копанки.

– Копанки?

– Да, где уголь попадает, там делают копанку. Тут еще угля немного, ближе к шахтам он всплошную идет. Раньше нельзя было добывать у самой земли, а теперь выхода нет. Зимой без угля никак.

Я кивнул.

– Правду говорят, у вас там все спаслись? Или брехня?

– Ну... не все. Потери все-таки были. В городе стволов полно... так что сам понимаешь. А у вас как?

– Да каком кверху...

– Началось не сразу... просто не верил никто. Потом пошли сообщения. Все больше и больше. В одной шахте в лаву горняк спустился покусанный – дальше надо?

– Понятно. Много потеряли?

– Да не считал никто.

– А с Ростовом чо?

– А Ростов, считай, мы и отбивали...

– Город тесный очень, стволы не у всех, пусть казаки обычно ствол

держат. Мы потом заходили, вместе с контрачами. Там хорошо, что военные части были.

– А хохлы?

– Хохлы по факту домой дрыснули. Мы прошли, что наше взяли, еще кое-что с Днепропетровской области прихватили – а дальше надо ли? Нам бы свое.

– Как живете?

– Ну... относительно неплохо. Как войны не стало, проще все стало. Поля родят, уголь из копанок, некоторые шахты работают. Что попроще делаем.

– А чехи что?

– Знаешь уже?

– С чехами постоянная война, они Ставрополье и Краснодарский край своими исконными землями считают. Там, кстати, не только чехи, там пришлых много, и со всего Кавказа собрались. Овец им пасти негде. Там до войны уже сильные сети были, закладки оружия делали.

– Мрак.

– То-то и оно. Мы понимаем, что, если чехи верх возьмут, песдец всему. Они же рабовладельцы, для них раба держать – норм.

– Угоняют?

– Всех, до кого руки дотягиваются. Ну и... мы в долгу не остаемся, рейды делаем. Взрослых вырезаем подчистую, как в девятнадцатом веке. Они тоже в долгу не остаются.

Я кивнул. Осуждать глупо и не к месту, все разом скатилось в Средневековье, когда народы вырезались подчистую, чтобы освободить жизненное пространство и не иметь никаких проблем с побежденными. Кавказ... по сути, до девяностых там был законсервирован родо-племенной строй, потом с нашей помощью они перешли как раз в феодализм. А рабов – я от знающих людей слышал – в Грузии держали еще в семидесятые, так что не стоит на одних чехов валить, они просто стали делать в открытую то, что другие тоже делали, но тайно. Как-то раз один грузин, приехавший в конце семидесятых в Центральную Россию, посмотрел на все наши разрухи и покосившиеся дома и сказал: вы не уважаете сами себя. И он был прав.

А сейчас – все просто стало проще. Не стало цивилизованности, не стало военных прокуроров. Зато каждый теперь понимает, до ж... понимает, что он защищает – свою семью, которую они угонят в рабство, если ее не защитить. И единственный способ решить проблему раз и

навсегда – совершить геноцид. Потому что на Кавказе никто ничего не прощает, и, если оставить в живых даже грудного ребенка, мать его вырастит мстителем – за отца, за брата, за народ. Вот и получается...

Точнее – не получается. Жить по-другому не получается...

Молния – вжикнула, открывая нутро большого, длинного мягкого кейса, в котором были примкнуты ремнями к его стенкам две винтовки, обе снайперские. Третья была моя, я ее в рюкзаке принес – но я уже решил, что Диме ее подарю. За орден его и за то, что чувствую – не гнилой он и можно будет на него положиться. А у меня там, в машине, еще «Ремингтон-700» катается, им обойдусь на край.

Пока собираю свой «Барс», расскажу о других.

Первая – это СВД, но СВД несколько необычная. Это промежуточный вариант между СВД и СВДМ. Тяжелая ствольная коробка – она сейчас на всех машинах идет, а вот ствол – не полувывешенный, как в СВДМ, но очень тяжелый: семьсот миллиметров, холодная ковка. И шаг нарезов другой. Приклад стандарт, дерево – чтобы дешевле было, на конце ствола – пламегас, но на резьбе, не как на обычной СВД. И обычный крон боковой, от установки на крышку ствольной коробки мы отказались – рискованно.

Получилась винтовка, которую можно делать на конвейере, которая дешевле СВД в производстве раза в полтора, но которая при этом бьет 1,0 МОА более-менее качественным патроном. Сделано это только за счет одного – снятия ограничений по весу и нового ствола, который мы с Вятских Полян получаем – они там и до Катастрофы лучшими в России были. Там австрийская ротационно-ковочная машина стояла.

Вторая машина – Вятские Поляны. По сути своей это «Вепрь-308», но «Вепрь-308» сильно переделанный. Их начали перед самой Катастрофой делать. Магазин на 25 патронов, складной приклад, ствол пятьсот двадцать, глушитель, оптический прицел. Получается как бы полный аналог «Галил-308», их в свое время хохлы делали, точнее, собирали для своей армии из израильских комплектов. В отличие от СВД старой модели с ее резкой и неприятной отдачей, эта позволяет вести беглый и точный огонь на средней дистанции, частично заменяя пулемет. Ее проблема – патрон, все-таки в армейских резервах его не было. Мы получаем его из Сибири, а вот как тут будут...

Впрочем, вон, вижу, «Галил» у них есть. Трофей, видимо. Как-то же обходятся.

Про «Барс» я уже сказал, говорить нечего. Любимая моя винтовка – легкая, разворотистая, точная, тихая, с боеприпасом голова не болит. Но

для города большего, чем «Барс» чаще всего и не надо. Равно как и в наших холмах и лесах.

Народ в пластунах – шестнадцать человек, это типичная группа – минимальная боевая единица в спецназе. Вооружены в основном АК-74, но есть и СВД, и ПКМ. Все стволы доработаны, где просто глушители, где нестандартные дульники с этими самыми дырявыми банками. Значит, серией этот тюнинг делают...

Закончил, пустил по рукам.

– Посмотрите, приложите, пока говорить буду.

Казаки с интересом стали передавать друг другу винтовки, прикидывать к себе.

– Значит, мы торгуем всем, но специализируемся на глушителях всех видов и типов, снайперских винтовках и пистолетах, потому что и с тем, и с другим, и с третьим – проблемы. Вот, работаем как можем...

Я достал из разгрузки пистолет.

– Стандартный пистолет ПБ, только модифицированный нами. Глушитель нового типа, многокамерный, все сталь, никаких резинок и прочего бреда. Ничего менять не надо, чистить просто – обычным чистящим для духовок и плит. Ну или что под рукой есть. Магазин есть и на восемь, но мы придумали и внедрили модифицированный, есть на десять патронов, есть как у нас тут – на четырнадцать. Внизу на рамке – планка Пикаттини, можно фонарь или лазер сюда поставить, или как у меня – и то и другое, можно привязаться сюда и сделать крон, скажем, для того, чтобы установить «Эймпойнт» и не пытаться что-то наверху сверлить или цеплять.

Преимуществ у такого пистолета масса. Это ПМ, к нему стандартные магазины подходят, но при этом он полностью бесшумный. Почти как двадцать второй калибр. Патроны к нему найдешь, где хочешь. Это самый крупный калибр из всех, что позволяет делать пистолет с неподвижным стволом, – а это и точность, и глушитель на него не влияет. Заклинить его почти невозможно, убийности достаточно, что для человека, что для зомби. Сиську с водой поставьте метров на тридцать. Можно с пивом, если не жалко.

Сиську поставили, я с первого выстрела ее опрокинул. Она мало того что порвалась – пуля прошла ее насквозь.

– С двадцать вторым такого не сделаешь. Пукалка – она и есть пукалка. Теперь по винтовкам.

Все видите сами. СВД – модифицированная, очень тяжелый ствол,

глушитель на нее ставится любой, как и пламегас, тут резьбу сделали. Ствольная тяжелая, не играет, крон боковой. К ней стандартом новосибирский прицел идет 4–10, но можно поставить любой, если есть, от ПСО-1 и до любого «Найтфорса», если есть крон. К ПСО и любым прицелам этой серии мы, кстати, предлагаем переходник на батарейку АА, недорого. СВД способна работать до тысячи метров отобранным патроном – кстати, у нас к ней в комплекте калибровочная плашка идет для патронов – что-то вроде подгона для покупателей. К СВД, кстати, есть магазины на пятнадцать, но они дорогие – вдвое от родных. Дефицит на них, но к этой винтовке по два идет в комплекте. Ствол в стандарте идет хром, но можно заказать и черный, с ним, правда, проблемнее, и он менее живучий. «Вепрь», в отличие от СВД, легче, разворотистее, приклад складной, можно в машине ездить. Схема АК, ничего выдумывать не надо, планка боковая, на три точки, кстати, сделана, верхняя крышка тяжелая и со стальной планкой – некоторые на нее предпочитают прицел ставить, но это кому как. Крышка, кстати, на двух точках крепления. Ствол тяжелый, кованный, резьба такая же, как на АКМ, – то есть, у кого есть АКМ, можно дульники с одного на другой перебрасывать. Оптика в комплекте идет новосибирская, но можете свою поставить, или можем Казань – но это от себя отрываем и дороже будет. Сошки в комплекте идут, везде, как видите, планки, можно что угодно ставить. В отличие от СВД, позволяет вести беглый огонь по цели, отдача воспринимается намного мягче. И цена – ниже, чем на СВД, причем существенно...

От себя добавлю: старые СВД, выпуска восьмидесятых и особенно девяностых и нулевых – они с проблемами. Куча гуляет – то есть сама по себе куча есть, но собирается в разных частях мишени. Ствольная играет, проблемы с хромом... в общем, не руками делано. А у нас многие предпочитают «Вепри», особенно те, что перед Катастрофой пошли: спецборка там, полувывешенный ствол, куча на уровне старой СВД – от одного до полутора. Если бы сам не работал на заводе и не имел бы СВДМ, сам бы такой взял.

– Обе винтовки можно использовать и как снайперские, и как оружие поддержки, если нет пулемета, работать с ними проще простого – схему что «Калаша», что СВД все знают, патроны – распространенные. Короче, знакомьтесь, стреляйте, если понравится – пишите требование командованию части или как там у вас положено. Час на ознакомление с матчастью и пробные стрельбы у вас есть.

Надо сказать, что пластуны показали себя только с хорошей стороны –

а я немало разного повидал, в том числе и «спецов», которые круты только базаром своим. Минимальными средствами пластуны сделали себе учебно-тренировочный комплекс, экскаватором выкопав в земле целые лабиринты и киллхаусы, а земля пошла на большой вал, перед которым было мишенное поле. И на этом мишенном поле была дистанция в полтора километра – у нас, например, в Удмуртии, до Катастрофы и километра не было. Просто раньше как то не думалось об этом. За двадцать тысяч рублей уже можно было купить гладкую «Сайгу-12», но большинство предпочитало купить «Айфон-8». Последствия этого...

Ладно, не будем, что я вас лечу. Кому айфон, а кому полшестого ^[23]...

Дима в учебный процесс не вмешивался, я как понял, у него в группе было двое толковых сержантов, они же, видимо, могли возглавить восьмерки, если придется делить группу надвое. Сам Дима только время от времени подносил к глазам монокуляр.

– Меня ДНР и ЛНР интересуют... – негромко, не пытаясь переговорить пульсирующий ритм выстрелов, сказал я.

– Что интересует?

– Они какой жизнью живут?

Бывший сирийский контрактник невесело усмехнулся, и мне многое стало понятно.

– Ну, официально такой, как мы. Мы вроде федерация.

– А неофициально?

– Неофициально...

– Я не для праздного интереса. На трассе я хохлов с патронами перехватил.

– Слышал.

– Получается, днем воюем, а ночью воруем?

– Ну примерно так.

– Я в политику не лезу, мне она ни шла, ни ехала...

– Короче, там, на первый взгляд, все по-людски. Шахтеры, земледельцы. На деле же...

– Есть такой городок – Старобельск. Там за два года убили трех мэров.

– Кто?

– Бог весть. Но удивительного ничего нет. Есть люди, которые до 2014 года там королями были. Есть – которые после 2014 года королями стали.

Но как ты сам понимаешь, трон один. Вот и идут разборки. И каждый привлекает всех, кого может. Чехов, нас...

– Вот ко мне уже подкатывали. С конкретным предложением. Я послал. Мне сказали – капитан, ты никогда не станешь майором.

М-да...

Обвинять кого-то – опять же глупо. Все это не вчера началось. Это все идет еще с девяностых, и не надо думать, что если там ходили с флагами и кричали: «Россия!» – то там автоматом благорастворение воздушных масс наступит и во человецех благоволение. Война, которая кончилась, потому что потеряла смысл, потому что рухнули оба сражающихся государства, а народы стали кушать друг друга в самом прямом смысле слова. А выжили в такой ситуации, как и в девяносто первом, социопаты.

Возьмем меня. Я ведь тоже в какой-то степени социопат. Сороковник – а ни нормальной семьи, ни детей. Работы тоже нормальной нет – а за ту, что есть, по ходу срок мне светил... не такой большой – но лет пять как с куста. Полон сейф стволов. В шкафу – все, что нужно для выживания, а не памперсы и детские вещи, из которых дети выросли. И если я в компе что-то и искал – так курсы акций или облигаций, или страховки, а не что делать, если у ребенка зуб режется или сын начал чувствовать себя взрослым и тебе хамит.

Ненормальный я. Был и есть. Но я выжил. А они не выжили. Они умерли все или почти все – не сумевшие прорваться к машине, покусанные соседями, застреленные бандитами, угнанные в рабство... Отнюдь не лучшие выжили, понимаете. И осуждать кого-то сейчас – это как себя осуждать.

*Мы выродки крыс,
Мы пасынки птиц,
И каждый на треть – патрон.*

Пел Саша Башлачев. А еще он пел про время колокольчиков. Вот оно и наступило.

Время колокольчиков...

– Кого-то можешь назвать?

– Где?

– Скажем, в Луганске.

Дима задумался, потом сказал:

– Бодров.
– Как актер?
– Да.
– Кто он?
– Подполковник, член Госсовета. Он вроде если и грязен, то в меру.
– А кого опасаться надо?
– Тут все спят зубами к стенке.
Понятно.
– До границы сопровождение организуешь? А то все нервные, встрять на ровном месте не хотелось бы.
– Можно.
Я сплюнул.
– «Барса» я тебе дарю. От сердца, можно сказать, отрываю, себе собирал. Сведешь с теми, кто вам такие занятные дульники делает?

Вечером я через Северок выдал заранее оговоренный код, свидетельствующий о том, что у нас все нормально. И получил ответ...

Бывшая Россия. Шахты, Ростовская область

Девятьсот сорок шестой день Катастрофы

Шахты – второй по величине и значению город Ростовской области – город с мрачной историей. Здесь проходил сталинский «Шахтинский процесс», здесь же долгое время жил и работал маньяк-убийца Андрей Чикатило – его мазанка и до сих пор стоит, говорят, заброшенная, люди к ней боятся подходить. Это Восточный Донбасс – та часть Донбасса, которая досталась России при разводе в девяносто первом. Граница была проведена идиотски, не думая – но «маемо те, шо маемо», как сказал первый президент Украины.

В отличие от украинского Донбасса, здесь до самой Катастрофы не велось добычи из близко расположенных к поверхности пластов угля, хотя их было не меньше, чем в украинском Донбассе. Говорят, что при СССР добыча была запрещена под предлогом того, что эти пласты нужны на случай большой войны как самые легкодоступные.

Произошедшая катастрофа изменила все – границ больше не было, каждый как мог, так и выживал, копанки были даже в огородах. Шахты, кроме того, зарабатывали еще металлом – здесь был Ростовский электрометаллургический завод – и швейкой. Здесь был мощный швейный

куст, в том числе предприятие БТК – производство армейской формы, – было производство спецодежды, в том числе сверхценные сейчас костюмы сталеваров. И армяне, которых в Ростове жило традиционно много, подсустились с типичным для них ремеслом – обувным. А мародеркой не проживешь, одеваться все равно надо.

Между крупными городами ходили колонны, сопровождение было скромным, но Дима напросился в сопровождение, чтобы выполнить свою договоренность и свести меня с производителями снаряжения и тюнинга. Как он сказал, тут есть даже производство оружия, даже примитивного.

Колонна была довольно большой, загружена всяким – лесом, жратвой. Железка тоже работала, но вяло – большие составы сейчас трудно собрать, электровозы на приколе все, а тепловоз много жрет, дорого гонять. Подумалось, что вот тебе и сбыт для нашего камбарского машиностроительного, да и не только для него. Вот у нас, например, в Можге есть завод, который сохранил производство кузнечных наковален и слесарных тисков. До Катастрофы кому это все было нужно, кто слесарил? А сейчас кому нужны эти пятикоординатные станки, доработают до первой поломки – и все, запчастей нет. А без тисков, наковальни и простенького токарного или фрезерного станка – куда ты денешься...

Хорошо, что у нас все старое оборудование не успели в металлолом сдать, да и сами мы станки кое-какие производим. Ижевские станки – самые простые и примитивные, но сейчас другие и не нужны.

Дорога была хорошей, мы по М4 как раз и шли. Рядом – бывшая Украина. Значения это сейчас не имело никакого, границ больше не было, был единый Донбасс. Великая степь – поселения, терриконы, «виселицы» у копанок. Мне, уральцу, здесь было не совсем комфортно – совсем не было леса. И земля плоская. У нас все-таки привычка к горам и к лесу, в котором, чуть что, можно спрятаться. Лес и прокормит, и защиту даст, лес – это и доступное топливо, и материал для постройки жилища...

Наши машины стояли в конвое рядом, а Дима ехал в моей машине – присматривался, как у нас сделано, перенимал опыт.

– А что, вы теперь так и живете отдельно, Удмуртией?

– Не совсем так, – объяснил я, – с нами еще Кировская область и часть Татарстана, что ближе всего. И большая часть Перми. А то, что у нас национальная республика, это ерунда все, до Катастрофы у нас две трети русского населения было. Да и... самой Удмуртии раньше не было, Сарапул, например – это была часть Вятской губернии, он на хлебе богател и на обуви. Сапоги со скрипом как раз в Сарапуле и придумали.

– А воюете с кем?

– С бандами в основном. Банд много, у нас рядом Вятлаг и Мордовия – там колоний было что грязи.

– А чехи?

– Они до нас не доходят. Между нами самарские стоят, под ними Самара, Тольятти, Ульяновск. Вот они с чехами контактируют – но не воюют.

– А там что за власть?

– Бандитская. Но там бандиты умные, они привыкли города держать. За беспредел они тебе первому башку открутят.

– А с Москвой что?

– Кто уцелел, тот в Подмосковье сейчас, но сам город вымер на хрен. Весь. Поднялся Новгород сильно, там сейчас торг большой – большего торгового я в жизни не видел. Все торгуют – кто чем. И бандиты, и люди.

– А власть у вас какая?

– Людская, я же говорю. Выборная. Как раньше – депутаты от трудовых коллективов. Завод – основная единица жизни, у каждого завода опять есть подшефные сельские хозяйства, есть жилье для работников, есть медицина. Работаете на заводе – все у тебя есть.

– Как же вы производство оружия сохранили?

Я пожал плечами:

– А что хитрого? Ты на оружие не молишься, это такой же потребительский товар, как и многое другое. Причем самый простой в производстве. Чего там – сталь да дерево, простая обработка. Автомат Калашникова – он же специально для войны делался, чтобы можно было и в эвакуации его делать. Никакой электрики, никакой электроники – просто руки приложить надо.

– У нас тоже стволы начали делать.

– Какие?

– Пистолеты самые примитивные. Стрелялки под ВОГ-25.

Я кивнул. Оружие можно сделать из самого примитивного, хоть из кроватной трубы – вон в Пакистане целые города этим занимались. Правда, прослужит оно тебе пятьдесят-сто выстрелов, не более того.

Но и на такое спрос есть – у нас Сарапул делает, Киров. Примитивный пистолет нужен обычному гражданину, чтобы положить в карман и забыть, пока на мертвяка не нарвешься или на разбойника. Военным нужно уже совсем другое. Но у нас и другое есть – я уже говорил, в свое время сколько стволов охолостили? Вот, сейчас обратно переделываем...

– Ты меня все спрашиваешь, а сам расскажи, что на Украине, например?

– На Украине? Хреново на Украине.

– А подробнее?

– Из того, что знаю – на севере фашисты стоят, Харьков у них столицей.

– Какие фашисты?

– Обыкновенные, со свастикой и «хайль Гитлер». Южнее и восточнее нас стоит Хабад. Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Евреи. (Вообще-то, Дима употребил другое слово, но я его тут приводить не буду, и дальше тоже не буду, потому что мы все живем в мире, и евреи тоже.) Хабад – это организация их так называется, вроде как абсолютная власть или что-то в этом роде. Уцелели многие. Живут плохо, держат рабов. Но торгуют широко, торг у них в Днепре...

– Где? – не понял я.

– Днепр. Так теперь Днепропетровск называют. А так широко стоят, до самой Одессы. Армия у них – наемники: чехи, грузины, турки, румыны. Сами они тоже оружие носят, все.

– Охренеть, – искренне сказал я, – а с вами они как?

– Как. То торговать пытаются, то банды оттуда ходят, а они глаза делают.

– Охренеть, – повторил я.

Про себя я отметил, что надо перепроверить – ждать от казака правды о евреях... как минимум глупо. А с другой стороны – а почему бы нет? Я знаю места, где русские русских держат в рабстве. Так почему бы представителям богоизбранного народа не держать в рабстве гоев? Падать легко, трудно подниматься...

Тюнинговщик жил не в самих Шахтах, а в Майском, это поселок такой городского типа, сросшийся с городом и по пути к Ростову. Человек этот жил по сегодняшним меркам не хорошо, а даже отлично – двухэтажный коттедж и «Крузер». Мы подъехали как раз, когда он закрывал ворота, услышав машину, он повернулся, положил руку на рукоять пистолета в кобуре.

– Игорь, отбой, мы это.

– А это кто с тобой?

– С Ижевска приехали.

– Ничего себе! Ижевск работает?

– На полном ходу, – вступил в разговор я. – Александр.

– Игорь...

Чуть выше среднего роста, лет сорок с чем-то. Одет в горку, видно, что

это для него повседневная одежда. Пистолет на спортивном широком поясе, с другой стороны – паучеры с запасными магазинами и еще одна кобура.

И еще он точно где-то был, или в Чечне, или в Сирии. Я это сразу просекаю.

– Хорошая слава впереди бежит, мне бы вашу продукцию посмотреть и свою показать, может, и договоримся о чем.

Игорь посмотрел на Дмитрия.

– Нормально, он у нас временно числится.

Игорь с усмешкой кивнул на нашу колесницу.

– Три пулемета. Кучеряво живете.

Я пожал плечами:

– Мы их делаем. Дилерам – скидки...

Дима поехал отметить у местного войскового старшины, а мы двумя машинами рванули через весь город...

Шахты – город по местным меркам бедный и невзрачный, по меркам же средней полосы – очень даже неплохой. Мне, кстати, в свое время показали разницу – на юге города лучше выглядят, в них старины больше сохранилось, потому что в них почти не строили из дерева. У нас же город за сто лет обновлялся полностью, или сгнивал, или сгорал. В Ижевске, например, я могу на память назвать все здания, которым больше ста лет, открывает список дом бывшего лесничего около старого здания МВД, ему лет сто пятьдесят, и оно деревянное. А тут старина дольше сохраняется.

Сейчас в Шахтах была жизнь, это было видно и по заведениям, и по транспорту. Поразило большое количество лошадей и конных телег – все правильно, казаки всегда лошадь держали, а сейчас бензин дорог, урожай на базар можно и на лошадушке отвезти. Еще заметил – везде, как и у нас, стояли двери-вертушки. Все правильно, так и надо. У нас это обязательно, без них домовладельцев штрафуют. Зомби через вертушку не пройдет, тупой слишком, а заблокировать ее намного проще, чем обычную распашонку – и тогда хрен через нее прорвешься. Есть даже здания, где педаль установлена на ход, а не на стопор, то есть, если швейцар на педаль не давит, дверь автоматически останавливается.

Свернули в промку. Там на входе шлагбаум был, все колючкой на три метра, и стоял диковинный БТР – я опознал украинский, у него впереди дверцы, и выход десанта не вбок, а назад. Он выше и массивнее нашего.

– Отбили?

– Купили, скорее всего. Хохлы за деньги мать родную продадут.

– Двойка – Птахе, БТР и три карандаша перед тобой. Снайпер на здании справа, на крыше. Сто десять метров, готов работать.

– Плюс-плюс...

Дима-казак покосился на меня. А вы как думали? Нигде нельзя расслабляться, никому нельзя доверять. Нигде и никогда...

Как оказалось, цех был прямо рядом с Ростовским электромеханическим, который работал на металлоломе (этого добра еще надолго хватит) и представлял собой двухэтажное здание из легковозводимых, в котором стояли станки. Работало на постоянной семь человек рабочих, что очень неплохо для частной лавочки. Занимались не только оружием и даже не столько – в основном точили запчасти на сельхозтехнику для местных фермеров. Все правильно – сейчас запчастей-то взять негде.

Со всеми поздоровался, у одного из мастеров оказались родственники в Можге. Записал координаты, проверю при случае. Почты сейчас нет, если только с оказией да по радио связываться. Обнадежил мужика тем, что у нас многие выжили, в Можге – больше девяти десятых...

Глушаки были, конечно, хороши...

Особенно мне понравились короткие, тактические, на АКС-74У и на «Витязь». Они примерно вдвое короче стандартных, и мало того – к ним в комплекте идет и ДТК, то есть глушак надевается прямо на ДТК, ничего свинчивать не надо. Понятно, что стянуто с Ase Utra Jet-Z, – но это надо заняться, сделать. Еще были глушители из трех частей – одна присоединяется к другой, можно варьировать эффективность/вес и габариты. Короче говоря, отлично сделано.

Еще производили сошки, обвес всякий – понятно, что точили, как придется, уровнем намного ниже, чем раньше, когда были доступны пятикоординатные станки. Но все равно главное-то – голова и руки, а не станок.

Станочный парк состоял из токарно-фрезерной «Такисавы», на которую, как я заметил, молились, трубонарезного тайваньца, пары наших простых токарных станков завода Седина – он тут недалеко. Был фрезерный, но я не понял, работал он или нет, были три сверлильных, разного размера, была кузница с молотом, колхозным, правда, и примитивной, но, видимо, рабочей термичкой. В целом для производства «на коленке» уровень неплохой. Особенно термичка – далеко не у всех она есть, и далеко не все разбираются в закалке металла.

Разобрался я и со странными пламегасами наподобие выпотрошенного фильтра. Это обычный пламегас, а поверх него – как бы защитная крышка идет перфорированная... тут сложно объяснить, это видеть надо. Факт тот, что и пламегас работает как надо, и при этом звук и пламя гасится, можно и в помещениях работать. Проблема одна – вес.

Еще кроны на прицелы – тут особо и изобретать нечего, но сделано было качественно. В свое время фрезерованный крон на прицел стоил ненамного дешевле самого автомата (пардон, ВПО-136). Сейчас то же самое делали намного дешевле.

Из цеха – чего там смотреть – взяли оружие, мое и фирменное, и переместились на стрельбище. Оно было в шаговой доступности, а пулеуловителем был террикон – сейчас все проще было.

Мое внимание привлек один мужик... он был моложе остальных – сорока еще не было, и с оружием обращался уверенно. Меня поразило, что он носил с собой настоящий немецкий МР40 с глушителем. Я слышал, что на Украине такого целые склады... а у нас такой в магазине до Катастрофы до «полулимона» стоил огражденный^[24].

Оружие для мужиков всегда повод для разговора.

Подошел, кивнул на автомат.

– Не отягощает?

– Да не, хорошая вещь.

Украинец. Я это понял, потому что у меня друг детства был украинцем по матери.

– Оттуда?

Мужик помрачнел.

– У меня друг детства украинец, так что не парься, претензий нет.

– Да задолбало просто. Там чужой среди своих...

– А теперь тут?

Украинец сплюнул.

– А теперь тут... Ты мне можешь ничего не говорить, я и сам про себя еще хуже скажу. Дураком был, верил в то, что в Европу идем, европейцы помогут нам с коррупцией совладать, чиновников наших, о...евших вконец, как-то взять к ногтю. А получилось... жопа, короче, получилась. Ты хочешь узнать, как там, в Харькове?

– Почти сразу власть в городе взяли фашисты. Настоящие фашисты, знаешь, какое у них приветствие?

– «Слава нации!» – а ответ «Слава Гитлеру!» Флаг у них фашистский,

со свастикой, не скрываются, с...и. Там с Белоруссии тоже нацисты были, с России. Кто был против – тех убили всех. Я мужика знал, у него сервис был, и он волонтировал – расстреляли и его, и всю его семью. На глазах у мужика застрелили жену, натравили на детей сначала, потом на него. Всех обложили данью. Я хорошо, втик – все, что там было наработано, оставил, только чертежи взял и продукцию какую-никакую, что в машину положить сумел. И все. Вот вам демократия, дети, вот вам и свобода!

– А чем они живут? – спросил я.

– Известно чем. Грабят, рэкетируют, обкладывают данью. Торгуют людьми, рабы у них есть...

– Ну и какие же это фашисты?

– Фашисты, по крайней мере, свою страну не грабили и не издевались над людьми. А эти – обычные нелюди, просто решившие для понта свастику на флаге нарисовать. Бандиты и убийцы. Кончать их надо. До последнего человека.

Бывшая Украина. Харьковская область. Обыкновенный фашизм

Девяностый день Катастрофы

Разве может быть счастье за счет несчастья других?

Андрей Тарковский

Сталкер

– Сань. Фигню ты говоришь...

Дело было в Харьковской области, в селе Коропово Змиевского района, где был построен элитный пансионат. Сейчас этот пансионат стал центром политической жизни Харьковской области и был заполнен весьма специфичными персонажами. Бороды, татуировки свастики и немецкого орла, как у заместителя министра внутренних дел – на полспины, автоматическое оружие. Подруги тоже не отличались разнообразием – фигура, рагульский говор, разноцветная татуировка. Разговоры об одном и том же – тачки, минеты, элитный отдых.

Над пансионатом подняли два флага – один флаг Азова, в сине-желтом колере, и посередине надпись SS, и немецкий, со свастикой. У многих на куртках тоже были свежие нашивки с теми же буквами – СС.

Нельзя сказать, что эти крепкие и физически здоровые люди были убежденными нацистами, нацизм – это тоже идеология, и ее надо понимать, принимать, следовать ей, это как гражданская религия, а все, кто здесь собрались, были безбожниками по сути своей, из тех, кому чужая шейка – копейка, а своя – рубль. Однако всех их объединяла глубокая и непоколебимая вера в то, что они сверхчеловеки, а все, кто вокруг – недочеловеки. И что они могут творить все, что угодно, и никакого наказания им за это быть не должно.

В корпусах же, особенно элитном, шли совсем другие разговоры. В котором принимал участие, например, командир группы спецназа погранвойск Украины, щирый хохол – галичанин (румынского происхождения). Убеждения которого в настоящий момент претерпевали глубокие и кардинальные изменения под влиянием окружающих.

– ...Враги нам москали или нет, в этом нет никакой разницы. Сейчас особенно. Есть белое, арийское братство. В которое принимаются все, кто имеет арийское происхождение и разделяет наши убеждения. Тебя, например, мы тоже готовы принять.

А один из офицеров уже отказался и сейчас лежал в подвале, понемногу подтекая на пол...

– Мы должны держаться людей своего языка и своей крови.

– Ипать, ну так и держись! Кого ты там собираешься держаться? Рагуля своего, которое в Польше как рабы працують за копейку денег и плевков в лицо?! Давай, б...! Держись этих терпил!

– Майор, – спокойно сказал эсбэушник, – вы не понимаете одной простой вещи. Власти больше нет – никакой. И порядка нет. Кто установит порядок, тот и будет власть.

– Да, но для чего власть?

– Да чтобы жить!

– Правильно, жить. Но по мне, власть должна быть такой, чтобы обеспечивала развитие украинской нации. Иначе это не власть, не моя власть.

– Ух, как ты задрал. Украинская нация друг дружку в подъезде кушает, ты что, не видел, что делается?

– Перемогли Радяньский союз, переможем и это.

– Ты совсем идиот? Шпарю прямым текстом – будем Русню брать, Белгород, Воронеж. Устанавливать там свою власть. Ты с нами или как?

– А як же. Перемогать Русню – с вами.

– Вот и домолвились...

Когда за упертым командиром погранцов закрылась дверь, представитель полка «Азов» демонстративно сплюнул.

– Понабирают рагулей... ему бы свиной пасти в родных Карпатах, а все туда же. Володь, ну чо скажешь?

Третий участник разговора, представитель «метеорологов», кивнул головой.

– Отработаем. Внедрим своих людей, посмотрим, кто чем дышит в подразделении. Как только замену найдем – так этого тормоза и кончим.

У эсбэушника зазвонил телефон, тот выслушал, коротко кивнул.

– Есть. Да... сейчас передам. Вас. Степко.

То, что оторвали от отдыха, было, конечно, плохо, но работа есть работа, и кто-то должен был ее делать...

Тронулись довольно большим конвоем на юг области. Грузовики и джипы. В джипах сидели молодые нацисты, в основном навеселе – «била молодь», прошедшая рэкетирскими тропами Салтовки...

В машине было много оружия, играла музыка...

*Доктор Богословия был не так уж прост,
На Восточном фронте начал холокост!
Бей жидов проклятых! Убивай совков!
Начинай расправу с нацией рабов!
Русские, украинцы, немецкие штрафбаты
Маршируют на восток – фюрера солдаты,
Партизаны по лесам попрятались, ублюдки,
Но отыщем и найдем советских недоумков.
Дирлевангер маршируют – весь фронт объят пожаром,
Дирлевангер атакуют – не скряться партизанам,
Дирлевангер, лишь вперед, нет жалости и страха,
Дирлевангер, Дирлевангер, каратели-солдаты!
Фронт ломается на части,
Отступаем мы в Берлин,
Огрызаясь волчьей пастью,
До последнего стоим!
Наша Слава! Не поверьте!
Сквозь грядущие года!
И сожженные деревни помнят Доктора всегда!*

Молодые отморозки даже не задумывались, что «нация рабов» в песне – это они и есть, и случись им столкнуться с настоящими карателями Дирлевангера, штандартенфюрера СС Глобочника и тому подобных личностей – то все, что им светило, это виселица. Не задумывались и о том, что их деды, если бы знали, кем вырастут их внуки, наверное, задавили бы их еще в колыбели. Но они об этом не задумывались – чувствовать себя карателями, сверхчеловеками, распоряжаться жизнями других было как нельзя более круто...

Навстречу по дороге шла техника, одиночная, но уже не так много, как раньше. К этому времени уже все каратели Донбасса поняли, что происходит, поняли, что смысла сидеть в окопах и что-то там защищать больше нет, нечего больше защищать, и осталось только пробиваться домой и защищать там свой «вишневый садочек коло хаты», потому что больше никто не защитит.

О, кстати...

Идущий навстречу белый «Порш» просигналил переливистым сигналом и начал сворачивать на обочину, за ним поспешал БТР-4 и огромный бронированный «КрАЗ», половина лобового стекла которого была закрыта бронешаляси.

– Колонна, стоп. Не стрелять.

Старшим в колонне был неонацист по кличке Рэкс, он был русский, переехал в Украину, чтобы избежать уголовной ответственности за групповой разбой, и сейчас был уже керивником, воевал в АТО и имел украинское гражданство. Из джипа к нему уже шел здоровенный, под два метра ростом, качок-культурист, позывной Рэмбо, специальное звание – майор полиции. До армии он титуханил^[25] по-черному, но сейчас быстро сориентировался и неслабо за время войны поднялся...

– Опа... какие люди на дороге. Слава нации!

– Фюреру слава!

– Слава Киевской Руси!

– Новороссия, соси!

Сначала на нацистский манер пожали друг другу локти, затем обнялись. Бойцы с обеих сторон расслабились, столкновения не намечалось...

– Ну чо, как на нуле дела?

– А сам не видишь? Нет больше нуля.

– Ну а чо у вас было-то?

– Чо было... сначала никто не чухнул ничего. Потом по связи инфа прошла странная... хлопчик под сто двадцатый миномет попал, умер, а потом вдруг воскрес, медиков покусал и смотался. Потом прошла инфа, что днари бросать позиции начинают, мы запросили Площадь, что делать, ответа не получили... там все драпа давали уже. Ну, вышли вперед, и дальше что? А потом кто-то догадался Кацап-ТВ включить, там такие прогоны давали...

– Площадь – это теперь Краматорск?

– Ага. Он самый. Ну, короче, постояли еще немного, решили пока здесь быть, а так как выйдет. Потом на нас со стороны Донецка такая тварь вышла, ты не поверишь. Порвала Безмена и Монаха... ну мы и решили ноги делать...

– Отчего не верить, поверю. А «Порш» где взял?

– О... это история отдельная. Ты помнишь, был такой подполковник Ветвицкий.

– Бэтмен, что ли?

– Он самый. Короче, это его джип. Он уже полканом стал, в Артеме ему дом поставили, на потоки присел.

– Гнида.

– Она самая. Вот, это его.

– А сам полкан где?

– Щас покажу.

Они прошли к «Порше», Рэмбо открыл заднюю дверь. Там в полиэтиленовом пакете лежала... отрезанная голова.

– Ну ты красава. С собой, что ли, тащишь?

– Ага.

– Зачем?

– А хочу перед домом ее на кол насадить, как у казаков принято.

– Ну ты зверь...

– Ты, кстати, в курсе, что он п...р был?

– Кто, Бэтмен?! Да гонишь.

– Отвечаю.

– Епс тудей...

– Во-во. Откуда только такая мразь берется.

– Откуда... от грязи.

– Точно. С Харьковым чо? Салтовка все?

– Все. Трындец там полный. Не погонять нам теперь там черно...ых. Мы даже вплотную подойти не смогли – там такие твари. Только БТРа и боятся. Вот, думаем пробомбить сначала, а потом заходить.

– Это дело. А власть у вас кто?
– Кто-кто. Степко – слышал про такого?
– Не.
– Он из Киева приехал, возглавил СБУ. Как я понял, сослали его. Вот он.
– И чо, вы под СБУ теперь?
– Сегодня – да...
Двое фашистов поняли друг друга без слов.
– А к вам можно? На довольствие принимаете?
– Почему нет. Конечно, не я решаю, но... принимаем.
– А вы сейчас куда?
– В Краматорск как раз. Пойдешь с нами?
– А чего нет? Только у меня с топливом реально хреново...
– Не колотись, заправим, у нас наливник есть...
Полтора десятками нацистов стало больше.

В районе Изюма с кем-то пострелялись, но без фанатизма – скорее просто не опознали друг друга. Близ Славянска ждали два бронированных джипа с пулеметами, в них были спецназовцы, судя по экипировке – «Альфа». Скорее всего, это и был знаменитый Шайтанбат – батальон из бывших и действующих сотрудников СБУ, сильно замаранных на Майдане и теперь «искупающих вину кровью». Все знали, что Шайтанбат действует по прямым приказам президента Украины, переданным через генерала СБУ Шайтанова^[26]. Занимался же Шайтанбат самым разным – силовым прикрытием курируемых с Банковой контрабандных операций, ликвидацией неудобных режиму и тому подобными вещами. В частности, именно бойцы Шайтанбата в свое время «затримали» Геннадия Корбана. Шайтанов же был связан с ЦРУ, в его «пидроздиле» были иностранные кураторы, а многие его сотрудники прошли курс обучения в первом учебном центре спецназа ВВС США на базе Херлбертфилд во Флориде.

Дальше двинулись уже с ними...

В Краматорске, ненадолго занятом людьми Стрелкова, но потом быстро потерянном, были два центра военной активности – это аэродром, где находился штаб АТО, и НКМЗ – Ново-Краматорский машиностроительный завод, один из крупнейших заводов тяжелого машиностроения в мире, где, в частности, были произведены два самых мощных прессы в мире (оба для России). На пустующих площадях НКМЗ располагались некоторые подразделения ВСУ, СБУ, МВД и УГО. Здесь же

был концентрационный лагерь для сторонников ДНР – фактически это был лагерь смерти, где ломали и пытали людей. Тела запытаных и расстрелянных бросали в печи, что было удобно – и везти никуда не надо, и следов никаких.

Исходная точка для выдвижения находилась на перекрестке дорог в районе Селезневки, это рядом с озером, за которых Славянская ТЭЦ. Там стояли и машины, и техника, видимо, были люди с ТЭЦ, в общем, народа немало было, человек двести. Часть на броне, часть на бусиках и джипах, часть – на своих машинах. Снайперы на фишках отстреливали зомби, идущих со стороны Славянска.

Рэкс нашел полковника Степко, тот находился в окружении машин, из которых сделали безопасную зону, поставив их в каре. Это на случай, если не справятся снайперы.

Тот с кем-то разговаривал, но Рэкса заметил и кивнул – сейчас подойду.

Рэкс отвернулся и начал осматривать в монокуляр здание ТЭЦ, которое он давно не видел...

Полковник подошел через десять минут, кивнул на Рэмбо:

– Это кто?

– Наш пацан, просит принять. Пятнадцать хлопцев с ним, с оружием, на технике.

– Под твою ответственность. Короче говоря, боевая задача – выйти на Краматорск, взять под контроль НКМЗ и зачистить. Вопросы.

– Да никаких... а что мы там забыли?

– Такие вопросы на гражданке задавать будешь, а сейчас – рот закрыл и исполнять молча. Понял?

– Понял.

Про себя и Рэкс, и Рэмбо подумали, что полкан напрасно пальцы расширяет. Ведь если так подумать, что сейчас стоит корочка СБУ? Да ни хрена.

– Через двадцать минут начинаем движение.

– Есть.

Резкие хлопки выстрелов звучали все чаще...

– Галл!

Какофония эфира... дисциплины связи нет ни хрена.

– Галл, ты слышишь меня?!

– Галл, плюс.

– Галл, здесь Рэкс. Мы не пройдем, ж... короче. Мясо прет и прет. Надо фишки выставлять и ничтожить снайперами, как понял.

– Плюс-плюс. Мы тоже остановились.

– Где?

– Левобережная, в районе перекрестка. Там реально не пройти.

– Какого перекрестка?!

– Какого, перекрестка, тебя не понял, повтори!

Ответом была только какофония в эфире...

Рэкс достал наушник.

– Галл встал где-то на левом берегу. Там тоже задница...

Рэмбо выругался, примкнул магазин к своей «Зброяр-08». Винтовка была третьего поколения, внешне напоминающая полуавтоматику – но с ручным затвором. Нормальная такая тактическая винтовка, с емким магазином, позволяющая вести не только точный, но и довольно массированный огонь.

– Я наверх.

– Давай.

«КрАЗ» был хорош тем, что на бронебудке наверху были большие люки, и там можно было вылезти на крышу и вести огонь с нее. А высота машины – почти четыре метра – гарантировала, что никто не доберется.

Наверху были двое, один вел огонь одиночными с АКМ, другой – с «Ховы» с глушителем, что была очень популярна, так как качеством не уступала «Рему-700» при цене сильно ниже.

– Пацаны, отдохните.

– Хайль.

Усевшись поудобнее, Рэмбо выставил сошки на максимальную длину, чтобы вести огонь сидя, и дослал патрон в патронник. Прицел вывернул на минимальную кратность – больше полутора тут и смысла не было. Целей было много...

В прицел он увидел оборванного, всего в крови мужика в какой-то спецовке – у того была сломана нога, но он ковылял и ковылял к машине.

– Вата, твою мать...

Понятие «вата» было очень удобным, так как позволяло не видеть в уничтожаемом противнике человека. Вообще. Вата, ватники, ватаны, колорады, сепары – все эти слова на удивление легко вошли в общеупотребимый лексикон на Украине. Это позволяло не видеть отдельных людей, а видеть только безликую серую биомассу, прущую с Востока на Украину, которую только и можно, что жечь, убивать,

уничтожать, «нищить»...

Винтовка отдала в плечо, Рэмбо передернул затвор – в этой винтовке он тоже был удобным, можно было не менять прикладки. Так... вон еще один прет. Старуха жирная...

Вата...

Тварь охотилась уже два дня, но безуспешно – она так и не смогла найти себе пищи. Но и осталась в живых, что было немаловажно, потому что то, что вызвало к жизни эту тварь, заботилось о поддержании жизни в организме настолько, что, если организм все же умирал, оно возрождало его к жизни, как могло. Оно же запускало немыслимые для человека процессы перестройки организма на молекулярном уровне, с целью приспособить его к новой жизни, к охоте на биомассу...

Наилучшим образом.

Тварь, которая выглядела сейчас как охотник из «Чужих», в прошлой жизни была обычным работягой, который был задержан по подозрению в причастности к ДНР. В списках на обмен его не было, и его припахали на хозяйственных работах. Во время таких вот хозяйственных работ в заброшенном здании профилактория его и укусила какая-то странная вялая крыса. Крысу он убил, а потом умер и сам.

Потом его нашли охранники. Несколько раз стреляли в него – но безуспешно, для него они стали пищей, позволившей перестроить свой организм.

Так он стал тварью, существом, для которого в русском языке существовало удачное определение – нежить. Но несмотря на то, что все живое для него представляло теперь не более чем биомассу, в нем остался какой-то крохотный кусочек человеческой памяти. Он ненавидел тех, кто одет в британский камуфляж, и охотился за ними. Память об издевательствах осталась – и теперь он мог отомстить.

Сейчас он подбирался к большой машине по высокой, некошеной траве, подбирался медленно и терпеливо. Его добыча время от времени смотрела в его сторону, и он замирал – но его не могли увидеть. Дело в том, что на нуле – так называли фронт – к четвертому году войны скопилось достаточно самых разных тепловизоров и наблюдение вели только с ними, а без тепловизора вести наблюдение не умели и не учились. Но он не был живым, и температура его тела ничем не отличалась от температуры окружающей среды, а потому и тепловизор его не видел...

Снова движение – он замер. Громкие звуки означали выстрелы, которые ему были практически не страшны. Чтобы свалить такого, как он,

нужен был ДШК или КПВТ.

Потом на крыше бронированной машины встал в полный рост человек – и он понял, что должен его убить и насытиться им. На нем был тот самый камуфляж, который вызывал у него ненависть.

Человек исчез из поля зрения. Но человек был там – он чувствовал это. И когда он услышал выстрел, он не только понял, что он там, но и сумел приблизительно определить его положение на крыше.

Сжавшись в стальной комок, он приготовился к прыжку. В том, что он сумеет запрыгнуть на крышу, он не сомневался – его ноги трансформировались и напоминали чем-то лапы хищной птицы...

– Часто работает. Может, помочь?

– Сиди. На вот, дерни.

– Не, у меня свое есть...

Один из бандеровцев достал из нагрудного кармана тюбик из-под валидола, высыпал на ладонь какие-то яркие таблетки. Принял одну, предложил побратиму.

– Не, не буду.

– А чо так?

– Стремно что-то. Еще подсядешь. Я лучше шмали укурю.

– Ни фиги не будет, отвечаю. Это американские витамины, специально для армии, принимаешь – и все ништяк, про страх даже не думаешь. Мы когда с «беркутней» на Майдане махались, всегда колесами закидывались. Только много нельзя, потом несколько дней спать не будешь. И почки садятся.

– А я титуханил тогда.

– Да ты чо? Ну даешь. Много башляли?

– Не много. Обещали по пять штук за выезд – хрен. За первый две заплатили, а за второй ничего – кинули.

– Козлы...

– Везде кидалово, – заявил сидевший напротив нацист, – мы когда на ноль заходили, я тогда еще по мобилизации служил, так вот ротный нас собрал и сказал: половину с карточек – ему. Один отказался, так у него через несколько дней граната в руках взорвалась. А если у родаков бабки есть, так вообще нет проблем, пятьдесят тысяч гривен – и тебя в тыл переводят...

Удара о броню они не слышали – только как-то сдавленно вскрикнул майор, и все. А потом из люка пропали его ноги... как выдернули.

– Чо?

– Что за...

От стоявшего за ними бусика ударил автомат, потом еще один. Один из нацистов отомкнул запор двери.

– Не ходи!

– Пошел ты!

Выскочил первый, затем второй, третий...

– Чо там!?

– Не знаю! – Солдата, который расстрелял весь магазин и теперь пытался трясущимися руками заменить, трясло. – Не знаю... он его... он его...

– Куда он побежал?

– Туда!

– Так, б...! Приготовиться к прочесыванию! Дистанция...

– Не надо прочесывания, парень...

Подошедший эсбэушник показал на что-то, лежащее в грязи у самого борта. Рэкс подошел... это была оторванная голова Рэмбо. На борту была кровь, как будто кто широкой кистью мазнул от души...

Рэкс накрыл ладонями уши и страшно заорал.

Несмотря на потери, зачистка все же была завершена достаточно быстро. Больше двух сотен стрелков, почти все с боевым опытом, а некоторые из спецназа, немалое количество брони. В конце концов, нежить – ничто перед броней и автоматной пулей. Опасность представляют только внезапные нападения в ограниченном пространстве да твари – настоящие монстры, как из фантастических фильмов.

Сейчас «пидроздили» первой атакующей волны отошли, их отпаивали водкой. Потеряли двенадцать человек – это было много, а по меркам опытных чистильщиков – недопустимо много. Но украинцы еще не имели никакого опыта, они также не использовали щиты и защитные костюмы (при том, что рядом был металлургический завод и они там были).

Подошли пидроздили второй волны, там в основном была «Альфа» – спецназ СБУ. У поставленных в каре джипов несколько офицеров разбирались с документацией, разложив ее на капоте джипа. Среди них был Степко, он был в штатском, и рядом с ним стоял толстый, лысый, нервничающий полковник службы РАВ, который постоянно вытирал потное лицо платком, хотя жарко не было. В сообщество боевых офицеров он не вписывался, даже внешне...

– Точно тут?

– По накладным так написано... – сказал полковник РАВ, нервно

вытирая пот со лба.

– На заборе тоже написано, – грубо сказал еще один офицер, в форме без знаков различия. Это, кстати, и был легендарный Валерий Шайтанов.

Степко прищурился.

– Смотри, Сережа. Если конем скатались, я тебя до конца жизни на свинокомплексе припашу. Будешь навоз вывозить из-под свиней, если больше ничего не можешь.

– Да тут оно! Если не спиздили.

– А кто мог спиздить, кроме тебя, Сереж, – прищурившись, сказал Шайтанов, – сколько ты на Банковую в месяц засылал, а?

– Проехали... – сказал Степко. – Так, Валер, банкуй.

Шайтанов, в отличие от многих других эсбэушников, был боевым офицером и кое-что смыслил.

– Так, внимание на меня!

– Выдвигаемся под прикрытием транспорта, подходим вплотную к складам. Дальше чистим, как учили. Огонь без предупреждения, неважно, человек или... только смотрите, куда стреляете. Там боеприпасы должны быть, так что осторожнее.

– Может, ножами? – спросил один из офицеров «Альфы». – Так вернее.

– Ножи отставить! Еще раз довожу до всех: один укус – и ты труп! Москва уже подтвердила. Стрелять только в голову!

Несмотря на то, что Украина была уже много лет как незалежная, по привычке ссылались на Москву. Чего говорить, если командующий украинскими ВДВ военный вуз заканчивал в Питере, а потом и пять лет по контракту в России отслужил.

– Так, вопросы.

– С гражданскими что делать?

– Еще раз – гражданских там нет! Валить всех и наглухо! Кто еще не понял?

– Вопросы?

– Выдвигаемся...

Украинцы имели кое-какой опыт в зачистках и кое-какие наработки. Потому выдвинулись двумя бэтэрами, борт о борт, за ними двумя штурмовыми колоннами шли офицеры «Альфы» и СБУ. По бокам шли

джипы – при нормальных обстоятельствах они не нужны, но сейчас обстоятельства были очень далеки от нормальных...

Советский завод – город в городе, а Новокраматорский был в числе крупнейших заводов своего профиля в мире. Бесконечные громады цехов, складов, стальные змеи рельсов – лабиринт, в котором можно потеряться и сгинуть...

– Колонна, стоп.

Бэтээры остановились, бурча моторами.

– Куда?

– Направо.

– Точно?

– Точно, я помню. Вагоны прямо на склад загоняли.

– Смотри...

– Справа, вверх! – крикнул кто-то.

Все взгляды обратились наверх, там, на крыше, сидело что-то вроде обезьяны, только больше намного, и смотрело на них.

– Хрена себе, тормозите, огонь!

Но тварь скачком исчезла из поля зрения.

– Не, на хрен так идти, – выругался старший из «альфовцев», – поднимаем квадратик, осмотримся.

Нужный груз располагался в одном из складов, огромных, в который напрямую заходила железнодорожная ветка. Склад выглядел нетронутым, ворота заперты. «Альфовцы» нервно оглядывались, держа оружие у плеча: несколько тварей, которых они увидели с квадрика, оптимизма не внушали.

Один из «альфовцев» – под прикрытием двух других – приблизился к двери.

– Дверь закрыта!

– Бэтээром дернем? – старший из «альфовцев» обратился к Шайтанову.

– Нет, ищем вход.

Вход нашли сбоку – за ним находился зомби в форме, но вялый, и его быстро пристрелили. Лучи фонарей жадно шарили по облупившимся стенам, спецназовцы перешли на пистолеты, чтобы уменьшить риск подрыва от случайной пули.

– Дверь!

– Давай «Терен», и входим...

За дверь летит граната, все автоматически отворачиваются и

открывают рот – чтобы барабанным перепонкам легче было. Текут секунды...

Взрыва нет.

– Твою мать, Бульба, какого хрена?!

– А я тут при чем? Из новой партии одна из двух взрывается, не я эту хню закупал!

– Ипать их мать, дай сюда...

Одна за другой летят за день две гранаты «Терен-7», на сей раз взрываются обе. От сдвоенного взрыва закладывает уши.

– Входим!

Еще два зомби были в самом складе, но взрывы светозвуковых ослепили и оглушили их, а пушечные пули добились. Следом за штурмовой группой – зашли и офицеры. Зрелище поразило их: весь цех – а высота его была метров двадцать, с мощным краном-балкой поверху, – был заставлен ящиками, в несколько рядов, и ряды начинались прямо от ж/д колеи. Ряды ящиков уходили вдаль, конца не было видно.

– Вскроем... – охрипшим голосом предложил представитель Азова.

– Давайте, вот этот.

– Делаем.

Стащили ящик, начали вскрывать сначала саперной лопаткой, потом сбегали к машинам за монтажкой. Наконец крышка поддалась.

– Ни хрена себе...

В ящике лежал новый ДШК с принадлежностью.

– Новый совсем. Это чей это?

Один из спецов посветил фонариком.

– Цу-гир... Цугир.

– Румыния.

– И сколько же их тут?

– Если верить документам – шестьсот штук.

– Е...

– Еще и другое – ПКМ, гранатометы. Общий вес, по накладным, переваливает за три тысячи тонн.

– Так это чо?

Эсбэушник покровительственно усмехнулся.

– Готовилась операция, наподобие хорватской «Бури». Это все ввозилось через Молдову и напрямую из Румынии через Закарпатье. Без оплаты, в обмен на лес и сигареты, потому никто не чухнул.

– Да тут не только на Донбасс хватит.

– Это не для Донбасса.

– Воронеж, Белгород. А потом и Москва...

Заметно повеселевший полковник РАВ подошел к Степко.

– Ну что, все на месте? По моей доле – как договорились?

– Как договорись.

Степко достал из кармана пистолет и буднично выстрелил полковнику в голову. Тот свалился мешком.

– На хрен он нужен, – спокойным голосом пояснил Степко повернувшемуся на выстрел Шайтанову, – он только и умеет, что воровать. Такие люди мне не нужны.

Шайтанов кивнул.

– Ты прав. А с семьей его что делать?

– Она где?

– В гостинице, под охраной.

– Тоже кончайте. Проблемы мне не нужны...

Бывшая Россия. Шахты, Ростовская область

Девятьсот сорок шестой день Катастрофы

Продолжение

– Условия какие?

– Ну смотри. Людей мы ниже плинтуса не опускаем, но и своего не упускаем, так – нам жить еще надо. Варианта я вижу для тебя два, если хочешь не просто выживать, а жить – только выслушай, пожалуйста, без рук, да? Вариант первый – берешь и со всей своей командой уезжаешь к нам. Поселить поселим, деньгами поможем, оборудование выделим – только работай. Сбыт на торге, Нижегородском в основном. Чтобы ты понимал – у нас власть людская, почти как была и даже получше будет.

– Проехали, – решительно сказал Игорь.

Я не стал выпрашивать, что и почему, – проехали так проехали. Слово мужика есть слово мужика, и дважды не надо переспрашивать.

– Вариант второй – ты тут торговый дом открываешь. Наш.

– Это как?

– Ну, варианты обсуждаются. Суть такая – открываешь торг, получаешь товарный кредит. Торг – от лопаты до локомотива. Твои задачи две. Первая – продавать то, что есть у нас, вторая – скупать и переправлять то, что нужно нам. Понятное дело, надо будет как-то решить вопрос с

эквивалентом платежа, потому что сейчас везде по-разному, где как. Ну и наймешь дружину, чтобы быть не просто торгашом, а князем.

– А потом?

– В смысле? Живи, работай, богатей.

– Ну, я же не дурак, и другие не дураки. Мы так от вас в зависимость попадем, это сразу видно.

– Это как?

– Я так понял, у вас до фига всего, что надо нам. Стволы, «КамАЗы», дерево, зерно.

– И что?

– А то, что Круг на это не пойдет. У нас решено – мы сами по себе. На Тихом Дону.

– Ну и дураки. Как есть дураки.

– Ты пойми только одно: вопрос не стоит так – будь свободным или умри. Вопрос стоит по-другому – люди или зверье. Думаешь, у нас зверья нет?

– До хрена. Но мы не даем ему хода – где-то сдерживаем, где есть возможность – уничтожаем. Можем помочь и вам. Но с одним условием: не наша хата с краю – а люди за людей. Или варитесь в своей кастрюле дальше. Может, и успеете выпрыгнуть.

Бывшая Украина. Луганская область, Луганск

Девятьсот пятидесятый день Катастрофы

Если брать украинские областные центры и пересматривать их для того, чтобы найти побратима для Ижевска – то, наверное, лучшей кандидатуры, чем Луганск, и не придумаешь. Такой же неприметный промышленный центр... притом что Луганск, как и Ижевск, интересен деталями. Кто, например, может похвастаться, что его футбольный клуб стал чемпионом СССР? Немногие, а луганская «Заря» – стала^[27]. Или – где еще сохранились настоящие британские танки 1МВ? А в Луганске стоят. Даже каскад луганских площадей сильно смахивает на ижевский каскад, спускающийся к пруду.

Луганск, основанный почти три века назад шотландцем Карлом Гаскойном, рудных дел мастером, нашедшим в окрестностях огромные залежи руд и каменного угля, – кстати, мало кто знает, что Луганская

область дает больше угля, чем Донецкая. Но в отличие от угольного Донецка, Луганск развивался как промышленный центр еще во времена Империи – там производили самую разную продукцию, от паровозов до печатных машинок. Однако Луганск, несмотря на свою промышленную мощь, никогда не был так политически активен, как Донецк, самый известный луганчанин – это Климент Ворошилов, который одно время возглавлял местную Думу.

Развал Советского Союза и «створение независимой Украины» нанесли по городу тяжелый удар. На момент провозглашения независимости в городе работало восемьдесят промышленных предприятий, большинство из них были разрушены и разорены. Работал – почти полностью на Россию – Луганский тепловозостроительный, и к десятым годам двадцать первого века был добит один из старейших патронных заводов Империи – Луганский патронный, который поставлял патроны еще царской армии. Не смог он стать и монетным двором Украины – хотя в начале независимости украинскую монету чеканили именно здесь. Потом монеты не стало в связи с инфляцией...

Катастрофу 2014 года Луганск встретил в «полуразобранном» состоянии, претензий к украинской власти у него было больше, чем у Донецка, хотя луганчан так не ненавидели, как ненавидели дончан. За время нахождения Луганска в составе Украины его население сократилось на двадцать процентов, в отличие от Донецка, представителей Луганска никогда не было во власти, город не отстраивали, да и зачем – при таком падении численности населения? Ничего не работало, и всем было плевать, что ничего не работает, а уж Киеву и подавно. При этом нельзя сказать, что Луганск был обычным депрессивным городом, в нем была неслабая интеллектуальная жизнь. Именно луганский писатель Глеб Бобров почти в деталях предсказал катастрофу 2014 года с нападением Украины на мятежный юго-восток. При полном одобрении мирового сообщества армия Украины напала на часть собственного народа. Это было страшно, а еще страшнее было лето 2014 года. С расстреливаемым артиллерией городом, с умирающими от голода стариками и старухами – в двадцать первом веке, в центре Европы. С неубранными трупами на улицах, с могилами во дворах. Неизвестно, кто и когда сможет сказать правду об этой трагедии – да и нужна ли миру эта правда? Ведь правда и в том, что все, кто отказался осудить и остановить Украину, виновны в том, что произошло. Так что какой смысл ждать осуждения Украины от ее же подельников? А теперь и подавно – какой смысл вообще чего-то ждать?

Было и еще одно. Четверть века в составе независимой Украины не

могло не испортить и русский Юго-Восток, который жил с Украиной одной жизнью, вместе с ней переживал все тягости и беды, страдал и радовался с ней. Украина – страна, где прав тот, кто наглее, где так и не закончились веселые девяностые, где врут в глаза, и просто так от этого не уйдешь, это не избудешь. Выбор 2014 года решил далеко не всё – остались бандиты, остался бандитизм, остались повадки из серии «умри ты сегодня, а я – завтра». И Луганск с Донецком, как и Харьков, как и Днепропетровск, не могли не стать городами, где дан ход воровскому.

Мы заходили на Луганск через широко известный в узких кругах Изваринский переход. С нашей стороны Донецк – мало кто знает, что, помимо украинского Донецка, существовал такой город и в России, а севернее трассы – не менее легендарное место под названием Урало-Кавказ, описанное также Бобровым. Дикое название поселка – это от названия акционерного общества, которое владело тут шахтами, копры которых и до сих пор торчат посреди степи. Нет, не удержусь... сколько раз я читал это...

Поплыл... Из дурного сна с какими-то конными лавами, мерцанием сабельной стали над папахами и грохотом разрывов я вырываюсь в душную реальность рева моторов и багряных всполохов костров. Казалось, провалился на мгновение, а тут уже валтасаров пир в полном разгаре... Как же я это так?!

Буквально у дороги пылают три костра – облитые бензином тракторные покрышки «домиком». Ближайший – в пятидесяти шагах от нас. По подсвеченной трассе свободной встречной полосы и незанятом куске обочины, в оранжево-багряных сполохах, мечутся ревущие машины – показательное моторалли для парализованных ужасом зрителей. Правила непонятны, да, скорее, их вообще нет. Просто выкобенивается сволота: люльку задрать и на двух колесах пройтись, да так, чтобы третье – по окнам замерших машин прокатилось, на дыбы поставить те, которые без колясок, просто ревя моторами – обдать копотью потенциальных жертв. Не просто ублюдки веселятся – с прицелом: демонстрируют свою многочисленность, силу, уверенность, полное, тотальное превосходство.

Меж машинами шныряют одиночные тени. Явно не беженцы. Незримая облава все ближе и ближе к нам. Обкладывают. Несколько раз отчетливо слышу вызывающе сиплый базар Сявы. Аборта кусок! Этот выродок у них действительно главный. Со всех сторон выкрики, убогая, но пропитанная нечеловеческой злобой матерщина, пьяные визги и рыгот.

Нечто запредельное. Причем воспринимаю так не из-за недавнего сновидения – нет. В разыгравшейся вакханалии есть нечто такое –

босховское, что ли, inferнальное: чадающие смрадом, потусторонние блики пламени, рев неживого металла, заполошное метание слепящих фар, звериный визг обдолбленной мрази. Картины воплощенного ада. Дантовы видения...

Мы подпрыгиваем, приседаем за передками, скидываем оружие с предохранителей. В машинах уже в голос скулят ребяшня и бабы. Всем страшно... Мне не столько даже за себя – хотя адреналин уже в глотке стучит, – а за своих. Со мной два ствола и опыт прошлой войны за пазухой. Уже умирал – знакомо. Остальным в нашей колонне, им-то каково?! Да и девчонки, как гири на ногах. Словно война на два фронта: начнется месиво – что делать? Ублюдков валить или своих из-под огня выволакивать?

Там и вовсе посказились – ко всему еще и в воздух лупить принялись. Фейерверка зверью, никак, захотелось: поливают длинными струями трассеров с двух пулеметов на холмах да в середине очереди щедро сажают с «калашей» и ухают с обрезов. И неспроста ведь, суки, гремят... Ведь действует же – по себе чую! Ощущение, что они – везде, их – масса: окружили со всех сторон и уже в середине наших порядков. Что уж там про нервы говорить: отовсюду слышно, как в голос воют женщины и дети.

Подтягиваюсь к остальным. Тут командует Демьяненко...

– Кирилл и Вадим Валентинович – держат зад. Вы оба, вместе с Вовой, – передок. Остальные – посередине. Если сунутся – гасите в упор. Сразу! Никаких разговоров. Мы из центра – бьем пулеметы. Весь народ, прямо сейчас – под днища. У кого есть броники – укрывайте... Все! Пошли, пошли, пошли!!!

Мои под «симбул» ныряют молча. Малая тащит с собой два контейнера. Мне уже не до кошек. Укрываю бабский батальон двумя развернутыми пончо, снятых с окон бронезилетов. Глашка явно заторможена. У Алены ужас из глаз переливает через край. Ну что им сказать... Молитесь!!!

С первыми лучами рассвета – прорвало. В тридцати метрах от головного «Крузера» слышится хруст выбиваемых окон и отчаянные женские крики. Шакалье всей стаей, словно с краев паутины, как по команде, кидается в центр. Вокруг машины нарастает шум схватки. Кто-то из нападающих начинает судорожно расстреливать в воздух магазин за магазином. Твари! Точно – у омовцев подсмотрели: те тоже глушат при штурмах – подавляют волю атакуемых.

Отчаянный женский визг перекрывает грохот «калашников». Возня

растягивается на смежные участки. Сквозь дикий гам прорываются узнаваемые плюхи ударов. Кого-то ногами растирают по асфальту. Словно в мясную тушу бьют.

Вдруг по ушам рвет гром дробового дуплета. Женский визг на миг зависает и сменяется каким-то не людским – животным, утробным ревом отчаянья. Это не в тело, это в душу выстрелили.

Вокруг раскуроченного «сто двадцать четвертого» «мерса» втоптанном в пыль мусором раскиданы кучи шмотья. На краю, в центре этой свалки, – у раскрытого багажника навзничь лежит мужик с синюшно-серым, уткнутом в гравий лицом. Ноги, пятками врозь, поджаты к животу. Одна рука придавлена корпусом, вторая – вывернута вверх скрюченными, почерневшими от крови пальцами. Видно, что, получив в живот заряд картечи, мужчина, тяжело умирая, греб ими по асфальту. Когда-то белая рубашка и светлые летние брюки превратились в рванину. Перед тем, как пристрелить, били...

На земле, поодаль, прислонившись к скосу обочины, застыла немая пара. Почерневшая, расхлыстанная женщина, лет пятидесяти, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, прижимала к себе лежащую на коленях девушку. На голове белыми пятнами зияют вырванные клоки. Заскорузлые волосы взбиты колтуном и закаменели от крови. Повернутая к дороге часть лица сведена и застыла коричнево-черной коркой. Дочь, судя по судорожной, мертвой хватке в обрывки материнского платья – жива, но выглядит трупом. На правой ноге, у самой ее щиколотки, повисло грязное матерчатое кольцо. Как-то неосознанно, по наитию, без осмысленного желания, я, содрогнувшись, вдруг понял, «что» – это... Трусики!

Тут, ознобом по телу и жаром в лицо, доходит: это Зеленские... Я их знаю! Ну конечно... Они! Оба – врачи. На земле наверняка Михаил Борисович. Прекрасный доктор, хирург-полостник, без блата не попасть. Она – известный детский лор. На моей памяти, их еще «ухо-горло-нос» называли. Кажется, какую-то свою клинику или кабинет имела. Уж и не вспомню сейчас. О муже только слышал, а вот Ольга Романовна до войны депутатствовала в областном Совете.

Вот оно. Я ведь это читал на планерках, вслух. С выражением. А потом комментировал – тоже с выражением. Народа – нет никакого, ни хрена... Нет его, богоносца, кем-то и когда-то вымечтанного. А есть вот это. Чему даже названия нормального нет. Есть дохлая русская деревня, в которой внуки живут на пенсии бабушек, бухают самогонку и их же пиздят

почем зря, и есть такие же дохлые мелкие городишки, по пять-десять тысяч населения, где зарплата в семь тысяч нормально, а единственно возможный социальный лифт – уехать.

И когда кончилась власть, и не стало больше пенсии у бабушки, и власти не стало, кто над тобой стоит да случ чего на нары на два года приземлит, не пожалеет – получается вот это.

Зверье. Выродки, с которыми один разговор – сунуть в рожу косо срезанный компенсатор АКМ, а потом и разговаривать. Тогда они поймут. По-хорошему – ноги об тебя вытрут, оберут до нитки, да и приберут – походя, ради смеха.

И потому всю эту хню философскую, что мы и эти типа один норот и должны к ним нормально относиться – все это надо оставить в пределах этого кабинета. Или увольняться, на хрен. Прозевал, прощелкал – тебя подстрелили, товарищей твоих постреляли, тупо за машину, за хороший ствол, за снарягу. За лавэ, которое у экспедиторов всегда есть, и все об этом знают. И потому взял автомат в руки – так соответствуй. Всю левую мразь – на мушку, никому не доверять, ни перед чем не останавливаться. Потому что тебя дома ждут. И напарника твоего – тоже.

Спасибо тебе, Глеб Леонидович. Многому научил.

Вот только жаль, что не сделать того, что ты прописал. Некому сделать. Умерли почти все...

С первых дней повального шмона тридцатикилометровая зона вдоль сектора отработки вздрогнула и замерла в немом ужасе. В придорожных поселках запылали особняки и богатые подворья. Езда на мотоциклах стала самоубийственным аттракционом смертников. Ублюдочное выражение лица – приговором. Полновесной свинцовой слезинкой отлились промысловикам кошмары беженских ночей. Все причастные к приграничному беспределу, невзирая на должности, возраст и пол, выхватывали по максимальному счету. Продажные мусора, рядышком с рядовыми налетчиками, снопами валились под стены складов награбленного. У сунувшихся под раздачу родственников и родителей трещали ребра и вмиг вылетали кровавые сопля. Приговор гопнику автоматом означал уничтожение всего хозяйства, имущества и скота. Дети платили быстрым сиротством, родители – неминуемой нищетой: расплатой за собственных выродков. Вот думайте теперь, кого вырастили! Круговая порука и поселковое кумовство сплошной родни не могло противостоять раздробленным пальцам и сточенным по-живому зубам. Мародерство из лихого образа жизни и доходного бизнеса в одночасье превратилось в несмываемое проклятие и неминуемую расплату.

Начали, разумеется, с поселка Урало-Кавказ. Сяву не взяли, хотя и искали, как никого, – по слухам, ушел в окрестности Давыдо-Никольского, гнида. Ну, туда всей армией Республики соваться надо, не меньше, и то – после войны. Традиции, никуда не денешься: исторически – всесоюзная малина «откинувшихся», вышедших после отсидки на зоне, урок. Банду его пошерстили, минимум, на половину. Публично, для наглядности, уколошили «смотрящего» – из Сявиных родственничков, бандюган. Хозяйство сожгли, как и еще десятки в поселке. Скотину вырезали. Под руку не повезло то ли брату, то ли свату – такой же урод, весь синий от многочисленных ходок, лишь возрастом вдвое старше. Сунулся в самый разгар с гунявыми терками и, разумеется, тут же получил прикладом в череп. Причем так выгреб, что к концу погрома богатой усадьбы врезал дуба. И хер с ним! Одной околевшей пакостью больше...

Помню, еще в институте, много спорили о роли Ивана Грозного. Юные моралисты-историки мантии судей примеряли. Попал тогда основательно: за попытку вякнуть в защиту «Новгородского усмирения» чуть глаза не выдрали. Я-то, наивный, исходил с точки зрения задач по «собираанию страны» и централизации государственной власти. Оказалось же: «гуманизм – юбер аллес». Понятно – масштабы, накал, да и эпохи несопоставимы, но общее налицо. Куда деваться от реального опыта? Вот – жизнь наглядно подтверждает: иногда жестокость – единственное противоядие. Ведь, по сути, все дерьмо в мире – от безнаказанности. И коль нет страха перед воздаянием свыше, приходится порой кому-то из небрежливых надевать забрызганный красным фартук и желтую резину на руки да идти в какашках копать. Бывает и такая работенка, не из приятных.

Блат тут открыто, хотя и не борзеют. С нашей стороны – автобусы, на Ростов, с их стороны – те же вездесущие «богданчики», мать их в душу, я привычно разделяю на «их» и «наше», хотя нет давно ихнего и нашего, а есть одна земля, скованная разлитой по ней бедой и смертью. Тут же рынок, торгуют немудреной жратвой, стволами, углем, бензином из самоваров^[28].

Наши машины принимают на переходе, какой-то то ли ополченец, то ли бандит, то ли и то и другое разом – смотрит на пулеметы, на экипировку, на автоматы, которые развернуты так, чтобы в случае чего бить на все триста шестьдесят градусов...

Я же смотрю на советский еще артефакт, на мотоцикл «Иж-Планета-5», с вятско-полянской коляской без верха, стоящий к КПП – это, видимо, транспорт аборигенов. Вот уж встреча на Эльбе. Они массово

делались на производстве 400, на улице Телегина – именно там я и хочу поставить патронный завод. Движки к «Планете», одноцилиндровые – делались там же, а к Юпитеру, двухцилиндровые, делались на Ижевском механическом, это там, где ружья делают, дрели и автоматы для розлива молока. А коляски, кстати, делались на ВПМЗ «Молот», где пулеметы – производство мотоциклов исторически было связано с производством оружия. Ох, какое там воровство было в девяностые! На Сенном рынке в металлическом ряду треть деталей для мотак ворованные. Протяженность заборов там большая была, выход на «Ижсталь», еще там пустырь был, деревьями заросший, – это к дороге, там, где «Ижмашэнерго». И чего там только было не найти. А потом производство мотоциклов накрылось, потому что в СССР мотоцикл покупали те, кому не досталось машины, а в России машину, хоть и поддержанную, могли позволить себе все. Конечно, был еще экспорт, «ижаки» отправлялись от Турции до Кубы. Но конкурировать с Китаем было все сложнее и сложнее, и в конечном итоге все накрылось медным тазом.

А теперь вот, в условиях вялотекущего звездеца оказалось, что советский мотак – не такой и плохой вид транспорта: топливо жрет самое плохое и мало, ездит быстро, самое главное – можно ехать и стрелять на все стороны, ничего не мешает. Только вот накрылось все медным тазом, оборудования больше нет, и ничего не восстановишь. А жаль...

– Это чо, пулемет обрезанный, да?

– Руки.

Как и у всех селюков – любое слово против вызывает агрессию и желание поставить на место.

– Из машины выходим. Дозвил есть?!

Я смотрю в глаза ополченцу, улыбаюсь. Рука в кармане, на револьвере, он этого не видит – а я успею случ чего.

– Есть дозвил, есть...

Передаю бумажку дозвила вместе с пакетом. Селюк сует нос в пакет, настроение тотчас меняется на сто восемьдесят.

– Опа! Не паленка?

– Обижаешь. Заводская, этикетку посмотри.

Водка. Как была ты в России лучшей валютой, так ею и осталась. А сарапульская водка – в числе лучших. Я читал в архиве донесения большевистских комиссаров, в которых говорилось, что хлеб в Сарапульском уезде взять сложно, потому что крестьяне его скрывают, и весь уезд превратился в один большой винокуренный завод...

С перегаром дыхание облегчает понимание – через десять минут мы

без проблем выходим на трассу, а местные стражи границы остаются распивать настоящую заводскую водку, вкус которой они явно позабыли. Еще патронов им отсыпали – немного, несколько пачек...

До Луганска добрались нормально, хотя дорога была убита насмерть тяжелыми грузовиками, везущими уголь – Луганщина торговала углем, он шел, видимо, и на Кавказ, а для вывоза использовали тяжелые, китайские в основном, самосвалы, которые нагружали сверх всякой меры. Мертвяков, что характерно, видно не было, даже костяков у дорог не было. В одном месте за нами параллельно дороге побежала тварь, но даже стрелять не пришлось – свернула, поняла, что не по зубам мы ей. В двух местах видели стада коров, пастухи были на лошадях и с автоматами. Овец тоже видели. Овца, кстати, дело хорошее, мы тоже купили несколько маточных стад, и овец все больше и больше. Она не такая мясная, как свинья, но мясо все же есть, и свинью надо кормить, а овца сама себе пасется. И потом, шерсть и шкуры на рынке хорошо идут, стоят дорого, Прималофта^[29]-то нету теперь, а зимы остались. Еще хорошо, что Удмуртия была одним из лидеров в России по посадке и переработке льна. Хлопка-то тоже теперь нет, как и синтетики, а носить что-то надо. Не все же с трупов снимать да отстирывать – противно, в конце концов. Зайдите на Нижегородский торг, посмотрите, на всех купцах, на всех авторитетах – наша рубашка льняная. Но это так, к слову.

Так мы, короче, и дочухали до Луганска, а там, на окраине города – нас встретили уже бойцы горкомендатуры на бэтэрах...

– С самого Ижевска, значит...

Родионов, глава луганского Горсовета, был грузен, лысоват, одет в гражданский костюм – в отличие от лидера ДНР, который носил горку. Но за прожитую жизнь – я научился в людях разбираться. И вот с этим человеком я бы не стал лишний раз связываться.

Про него мало было известно – какая сейчас разведка? Вроде угольный генерал. Когда все это началось, люди расставлялись по местам во многом случайно, имело место банальное везение – кого не покусали, не пристрелили, когда рухнула власть, кто просто сумел выжить. Но сейчас три года прошло, и случайных людей наверху мало осталось. Совсем мало...

– И чего хотите?

Родионов постукивал по столу моими правами, которые сейчас за паспорт идут, в углу тлел обогреватель с углями и стоял на ножках ПКМ –

как бульдог в ожидании команды на схватку.

– Торговать, – максимально обтекаемо ответил я.

– Патронный интересуется?

Быстро сообразил.

– И он тоже.

Я пытался понять, о чем думает сейчас глава ЛНР, и не мог.

– У завода хозяева есть, не я решаю, – сказал он, – договоритесь – берите.

Вранье. За дурака меня, что ли, держат? Торговля патронами сейчас – стратегическое дело. Интересно, у них с поставками сырья – как? Нормально – или? Я могу обеспечить – и листом, и капсулями, и всем, чем надо. Иначе бы не лез.

– Если есть 7Н10, я бы сейчас взял [\[30\]](#).

Родионов бросил мне обратно права.

– Не торопи событий. В гостиницу поселись пока, порешаем. Там в комендатуре направление возьми – поселим в лучшем виде.

– Благодарю.

Направление я, конечно, возьму. Но селиться по нему не буду. Дураков нет, потому что.

<p><i>Бывшая Россия. Воронежская область, Лиски (бывший Георгиу-Деж). Саня-ВВ</i></p>
--

Девятьсот сорок шестой день Катастрофы

Для Сани-ВВ работать в одиночку, с его-то опытом, проблем не составляло: до завода он успел еще поработать в составе маневренной группы в Кировской области, погонять уголовные банды, которых было там пруд пруди. У него было в достатке всего – оружия, продовольствия, – была связь. Был даже украинский бронетранспортер с действующим двигателем и пушкой.

Но ему все равно было не по себе.

По договоренности, он должен был проверить станцию Лиски, бывший Георгиу-Деж Воронежской области. Станция имела стратегическое значение – там был крупный ж/д узел, и дорога, ведущая как в центр, так и на Украину. Лиски – это крест, где пересекаются дороги с севера на юг и с запада на восток. И можно, пригнав состав из Украины (через Шалаево по Донецкой ж/д), уйти на Таловую, Дуплятку и Балашов. А дальше уже вариантов несколько, самый простой – через Ртищево и Пензенскую

область на родную Горьковскую железную дорогу, и там на магистральный ход, до самого Агрыза.

Или еще вариант. В районе Лисок перегружать на морской транспорт и идти Доном вниз, потом через канал Волга – Дон и потом Волгой вверх, в Каму. Но это зависит от того, как пройти Волгоград.

Но первым шагом на этом долгом пути были Лиски.

Город был мертв, они выяснили это, подняв квадрокоптер. Если тут кто-то и оставался в живых после Катастрофы, то он ушел. Им не нужен был город, им нужно было только депо.

– Так... внимание. Все слушают?

– Наша задача – депо и станция. Не закрепиться, просто разведка и почистить по возможности. Выясним, что там, и отходим, там не остаемся.

– Думаешь, там мертвяки есть?

Вопрос интересный – на пять баллов вопрос.

Три года прошло.

Точнее – три зимы.

У них трехлетней давности мертвяков просто не было, и быть не могло. Но люди все равно умирали. И некоторые обращались. Но наибольшую опасность представляли не мертвяки, а монстры. Они даже к зиме приспособились – жили в подвалах, впадая в какую-то спячку, в анабиоз...

– Считаем, что есть. Еще вопросы.

– По людям, если что?

– Только в ответ.

– Двумя группами. БТР в резерве. С разведкой, квадрик поднимаем и вообще не спешим. Плюс?

– Плюс, – хором отозвались все. Откуда прицепилось это «плюс», как у хохлов? Да материал учебный отсматривали – удобно. Плюс – минус. Точно так же огонь всех видов – можно также «входящий-исходящий». Боевой сленг двадцать первого века... хотя какой сейчас нах... двадцать первый век. Безвременье сейчас.

Город. Застройка, судя по квадрику, в основном ранний и поздний Брежнев. Город, видимо, специально создавался под ж/д узел – в Поволжье такой же Агрыз, там дальше – станция Лихая. Признаки беды – брошенные машины, выгоревшие пятиэтажки, вряд ли тут кто-то живет.

В таком городе обычно нет мертвяков, а есть монстры. И потому лучше идти под броней, даже рискуя РПГ словить в башню...

Украинский БТР – он хоть и запоротый, но все равно броня как броня. Удобный. Выше намного, чем восьмидесятка, выход сзади, назад же отнесена и башня с автоматической пушкой. Пушка работает, есть процентов сорок БК к ней, есть пулемет. При иных условиях – праздник, а не работа.

Только до дома тысяча с лишним кэмэ. И все сейчас понимают, что любой облом станет для всех последним – не вызовут вертолет, не отвезут на больничку или еще куда там. Проиграл – значит, проиграл навсегда.

– Внимание... вижу монстра, справа на крыше.

– Не стрелять, не стрелять...

У украинского БТР были не примитивные триплексы, а камеры наблюдения, в камеры была видна обшарпанная трехэтажка, панелька – такие при СССР ставили в райцентрах и богатых колхозах. И на самом краю крыши сидело что-то, напоминающее уродливую обезьяну, только размером побольше самого крупного бабуина и с немного вытянутой, хищной мордой – наподобие Чужого в одноименном фильме. Он как будто бы знал, что люди не станут стрелять, и спокойно смотрел на БТР, на наведенную на него автоматическую пушку.

– А может, дадим...

– Я тебе дам...

Стрелять нельзя, и это все понимают. Монстр, как бы он ни был силен, ничего не сделает с броней, с подготовленной машиной, с людьми, в ней сидящими. Он может только скрыться. А вот почему их всех еще не перестреляли – хороший вопрос...

– Пошли, что душу травить.

– Есть.

Заклокотал дизель. Конечно, БТР – это тебе не бронированный «КамАЗ», там даже поспать можно на топчанчике – но тоже ничего.

Качнуло – машина перевалила через пути. Тут кругом они – пути. Взять бы станцию... может, и возьмут, но взять в наши дни не главное. Главное – удержать.

– По путям иди.

– БТР пройдет, а вот наши халабуды...

– Ладно, ученого учить...

– Внимание, вижу высоту, вижу высоту.

– Принято.

Термин «высота» в разном контексте мог означать разное, в данном случае это было высотное здание, с которого осуществлялось управление

станцией. Высота означала, что будут снайперы и пулеметчики, которые случ чего – прикроют.

Если есть высота, то самое главное – умело ее покорить.

В группах зачистки ходят автовышки – но то группа зачистки, они только на зомби и специализируются, у них и техника своя, и вооружение. А тут – придется брать штурмом, чистить. Это всегда монета о двух концах.

– Дверь, бойся!

Дверь сдергивается тросом, и туда забрасывается взрывпакет. Светошумовую на такое дело тратить никто не будет. Главное – побольше шума, вспышку, заставить тех, кто там, возможно, есть, дергаться.

Хлопок. Громкий, бьющий по ушам.

– Пошли!

Две тройки заходят одна за другой – это все наличные силы, какие возможно выставить. Идти с такими силами чистить – безумие. Но ничего другого не остается.

– Справа чисто.

– Слева чисто.

Саня-ВВ – со всеми, потому что людей не хватает. Винтовка та же, только боеприпас заменен – теперь в магазине охотничьи, со сточенными головками.

Это здание станции – точнее, то, что от него осталось. Выбитые стекла, перевернутые стенды, замершее навсегда табло – поезда больше не идут.

И кости. Кости на полу.

Вокзал, понятное дело, по статистике, любой транспортный узел – самое опасное место. Очаг эпидемии.

Киоск – товары в дорогу. Покрытые пленкой журналы чудом уцелели. Он подвинул один.

Алина Загорская...

Она, кажется, в «Строптивой» играла. Посмотреть бы... когда вернемся.

– Налево.

– Сань, смотри.

– Что?

Опытный в зачистках Геныч показал вперед.

– Окно справа.

– Разбито, и что?

– Там что-то таскали, и не один раз.

ВВ присмотрелся – точно. Вон обрывок какой-то ткани на осколке

стекла. Стекло, понятно, небыющее – но его кто-то разбил.

– Внимательно. Идем...

БТР. Работающий двигатель – Поларис за пушкой. Его оставили как самого младшего.

– Может, квадрик пустим?

– Сиди.

Сиди так сиди. Делать все равно нечего.

И вдруг... какой-то удар по броне... сверху. Даже не удар, а...

– Слышал?

Поларис, которого так называли за... ну, скажем, за подвиги по дамской части – понял не сразу. Начал поворачивать башню – она застопорилась.

– Черт... башня.

Еще какой-то звук... и башня пошла... а он заметил что-то мелькнувшее... огромное...

– Твою мать...

– Что?

– Монстр!

Палец нашел клавишу пулеметного спуска, но монстр исчез. Вышел из поля обзора прицела...

Их спасло то, что они успели подняться – иначе бы монстр успел их порвать.

Звук – что-то среднее между треском и грохотом – заставил их развернуться в сторону угрозы... а в зал впрыгнуло что-то среднее между крысой и обезьяной... размером больше самой крупной собаки, которую им доводилось видеть.

Стволы изрыгнули свинец... грохот был слышен через наушники – всем организмом. Тварь, несмотря на то количество свинца, которое она получила за пару секунд, развернулась на полу и бросилась на стрелков. Она была ранена – но ей удалось сбить вторую пару и навалиться на нее. Правда, раненая лапа не дала сделать полноценный прыжок – она просто навалилась на человека за щитом всем телом...

И стрелять было нельзя.

Решение пришло мгновенно – ВВ бросил винтовку (все равно не перезарядишь, не успеешь) и упал, выхватывая «Кольт». «Кольт» был мало того, что 1911. сорок пятый, так там еще и патроны были разрывные. Женевской конвенцией все равно сейчас подтерется.

До твари было метра три – и он встретился с ней взглядом на какой-то

момент. А потом он нажал на спуск – и глаза не стало, а он жал на спуск еще и еще, и тяжелый пистолет выплевывал пули, способные остановить быка...

Восьми хватило.

От твари несло так, что дышать было просто нечем... воздух можно было есть, если не боишься сблевать. Как только тварь столкнули с бойца – Саныч приставил к ее башке ствол и выстрелил в упор разрывным винтовочным. Брызнуло.

– Цел?

– Ипать...

– В машину.

– А высота?

– Хрен с ней. Внаглую пойдём. БТР есть...

Внутри БТР – посчитались, с попавшим бойцом было не сказать что хорошо, но лучше, чем могло бы быть. Тварь была ранена и не успела прокусить или оторвать голову. Повреждения были от падения и сдавливания...

Налили пострадавшему сто грамм. БТР рыкнул дизелем...

По рельсам, не выставляя снайперскую пару на прикрытие и даже не поднимая квадрик, лишний раз свернули к депо. У депо спешились, зашли – теперь в БТР оставался всего один человек.

Депо было старым, но только снаружи – изнутри был явно сделан ремонт, как минимум под ТО-2 и ТО-3. Оборудование... станок какой-то.

На стене был плакат:

Машинист, помни! Гон на локомотиве – преступление перед семьей, товарищами и Родиной!

Винтаж настоящий.

Во всем остальном место было «жирным», как говорили мародеры, когда нападали на что-то ценное. Жир – это стоящие над осмотровыми канавами, недобро щурящиеся электровозы в новой, красно-серой окраске РЖД. Их было много – десятков точно.

– Ну чо?

Саныч, бывший машинист, почесал шею.

– Фигня.

– Чего так?

– Пошли, покажу.

Вышли обратно на улицу – спец локомотивного хозяйства показал вдаль, на пути отстоя.

– Вон, видишь, стоит?

– Ну.

– «Пересвет». Но я бы его не брал.

– Почему?

– Сложный очень. А вон дальше, видишь, за ним стоят секции?

– Ну?

– Тот, что с кабиной горбатой, называется «Боинг». А тот, что поменьше – «машка». Вот их я бы утащил.

– И чем они лучше?

– Чем-чем. Старые они. Делались еще при СССР, в расчете на дрянные условия эксплуатации и никудышное топливо. Зато капитальнее их чуть ли не в сарае можно. Ты знаешь, что нас только в восьмидесятых электрифицировали?

– Не. По-моему, всегда до Агрыза под электротягой ходили?

– Эх ты, салага. Провода до Ижевска только в восьмидесятые и дотянули, причем в конце. А до Балезино ход так и неэлектризованным остался^[31]. Потому у нас в депо все, что надо для капиталки таких машин, есть.

– Ну как знаешь. Профессионалу виднее.

– Ото же. Надо посмотреть пары, колесные пары все какие есть надо забрать, и подвижной тоже не помешает.

– Ну ты скопидом...

– А то. Скопи домик – тут ничего плохого нет. Еще одно... слушай сюда...

ВВ склонил голову, старый машинист заговорщическим тоном зашептал:

– Агрызский отстойник мы весь раздербанили, так?

– Ну.

– Есть еще. Самое большое стадо быков^[32], если хочешь знать – в Ивановской области, там медвежий угол настоящий, их не электрифицировали совсем...

– Ну ты дал. Туда чухать...

– Да молчи ты. Есть еще одна площадка отстоя, не так далеко тут. Там быков старых консервировали на случай большой войны. В основном «Боинги» там стоят, штук двадцать должно быть. Есть и «машки». Сгонять бы.

– Ну ты даешь. Нам бы это вывезти, а ты готов всю железку с собой прихватить.

– Молчал бы! С вами не то что домок скопишь, с вами то, что есть, прогавишь. Довели страну!!

ВВ посмотрел на старого, под полтинник железнодорожника, а потом истерически расхохотался...

Бывшая Россия. Воронеж, гостиница «Восток»

Девятьсот сорок седьмой день Катастрофы

Нет повести интереснее на свете, чем повесть о взаимоотношениях Руси и Кавказа. О них можно говорить годами, а так как время – деньги и вам и мне, то и говорить мы будем только конкретно, без общих мест. Ну почти.

Первым конвой чеченцев заметил снайпер. Это был русский снайпер, он отслужил по контракту и при других обстоятельствах – без вопросов открыл по джипам огонь из своего «Барретта-М82». Но обстоятельства были такими, какими они были, и потому он только положил палец на спуск и доложил:

– Вижу шесть коробочек.

Напарник взялся за рацию:

– Колонна подошла, шесть коробочек...

Чеченская колонна остановилась у гостиницы «Восток» – старая, плохо отремонтированная сталинка у ВАСО, Воронежского авиазавода. Сейчас завод, как и большинство живого в городе, крышевали харьковские. А в гостинице их ждал сам Степко, один из лидеров харьковских, бывший полковник СБУ. Встреча обещала быть интересной.

И если ничего не говорить про отношения Кавказа и Руси, то об отношениях Украины и Чечни сказать стоит.

Отношения эти налаживал еще украинский диссидент Анатолий Лупинос, единственный советский диссидент, который стал организатором террористических групп и внес огромный вклад в формирование банд УНА-УНСО, воевавших в Грузии и Чечне против России. Он лично встречался с Дудаевым и Басаевым. Немало помог Чечне и основатель украинской военной разведки, генерал Александр Скипальский – именно он организовывал массовые поставки оружия из Украины в Чечню через Грузию, он же курировал контрабанду и изготовление для кавказской паленой водки поддельных акцизов на украинском Гознаке. Третий

украинец (ну почти), немало отметившийся в Чечне, это Эдуард Гурвиц, мэр Одессы. Он начинал еще в Советском Союзе тем, что принимал бригады чеченских шабашников-строителей и распределял их по всему югу, а закончил подписанием уникального документа – договора о признании и сотрудничестве между Одессой и Ичкерией. Существование этого документа никогда не признавалось, но начальника юрслужбы Горадминистрации, который его готовил, потом нашли замурованным в стену. Именно благодаря Гурвицу через Одессу шла вся контрабанда в Чечню и из Чечни, по городу рыскали чеченские банды, одесские больницы были забиты ранеными чеченскими боевиками. У Украины всегда были особые отношения с Кавказом, замешанные на русофобии, и только слабость и глупость киевских властей не дала им перерасти в нечто большее...

А полковник СБУ Степко знал об этих отношениях несколько больше остальных, потому что еще до Катастрофы он вместе с польскими спецслужбами искал выходы на Грузию и на кавказские республики с целью организации там террористических актов. И зная о чеченцах немало, он приказал расставить вокруг гостиницы снайперов, а еще и поставить на улице заминированную машину. А то мало ли...

Главным среди чеченской делегации – а она состояла в основном из белгатоевских, – был полковник Тамиев, человек с уникальной судьбой. Полковником его назначил еще сам Дудаев, после падения Ичкерии он начал с нуля и стал полковником уже турецкой военной разведки. Еще до Катастрофы он организовывал лагеря боевиков в горной Турции, а сейчас был одним из лидеров группы тейпов, противостоящей сильнейшему тейпу Чечни – беноевским, откуда происходят такие люди, как Кадыров, Ямадаев, Сайдуллаев. Найдя общий язык с равнинными гендаргеновскими (Завгаев, Алханов), они фактически вытеснили все остальные тейпы из Чечни, благословив их на джихад. Именно выдавленные из Чечни тейпы занимались захватом Краснодар и Ставрополя, они же воевали с казаками, но при этом все больше плодородных земель на захваченных ими территориях переходило в руки беноевских. Что всех остальных, понятно, не радовало, и отношения были крайне натянутыми.

Теперь Тамиев, выживший во время Катастрофы, играл свою игру. С одной стороны, он был своим на Кавказе, в Чечне. С другой стороны, он ездил, разговаривал, собирал под себя все горные племена и группы – лазов, курдов. Те, кто выжил, кто во время катастрофы пострадал меньше всего, кто мог жить в новом мире, без горячей воды в кране и Интернета.

Он создавал ни много ни мало новую Орду – племенное объединение, живущее разбоем. Но он понимал, что для похода на казаков на бандитские и промышленные республики Поволжья, на Москву, наконец, ему нужны союзники. И он искал их...

Машины остановились около гостиницы... чеченцы были во всей красе – черные береты, короткие бородки, черные очки, почти у половины – «красавчики», то есть ПК, пулеметы Калашникова. «Красавчик» на грозненском базаре стоил десять тысяч долларов до войны, когда АКС-74 можно было купить за пятьсот. Но чеченцы и понятия не имели, что случись чего – и красавчики не помогут. Сразу несколько снайперских винтовок – в том числе два страшных «Барретта-82» – отслеживали каждое их движение. Впрочем, у чеченцев тоже имелись козыри. Типа двух кочующих минометов в кузовах «КамАЗов», установленных на подступах...

Но каждая из сторон пока предпочитала держать кинжал при себе.

– Салам, Ваха...

– Ас саламу алейкум, дорогой Володя. Как живешь?

– Все хорошо, слава богу... давай к столу.

В гостинице был уже накрыт обильный стол со свининой и водкой. Никого это не смущало, потому что русские же все люди. Точнее, «гусские». Как там? Ты русский? Русский. А я грузинский...

Недаром Джохар Дудаев (дада – так чеченцы называли горских евреев) предлагал мусульманам почитать не пятницу, а субботу^[33].

Чеченцы рассаживались, смущенно глядя друг на друга и на бутылки горилки медовой с перцем. Сомнения рассеял глава делегации.

– Коран запрещает вино, а это горилка медовая с перцем. Будем!

И первым опрокинул в себя обжигающую жидкость.

Настоящий разговор Степко как опытный дипломат отложил на потом. После обильного стола проследовали в сауну, где уже были девочки, свободные и рабыни. Завтра намечалась еще одна развлекуха нового времени – охота на людей.

Боссы же поднялись на крышу... там была башенка, и только там можно было гарантировать, что не будет прослушивания.

– Речь сейчас, – Тамиев говорил взвешенно, веско, держа в руке бокал с дорогим, хорошим виски, – идет больше чем о каких-то землях. Аллах тяжело покарал неверных за их неверие.

– Правовверных он не карал? – ехидно осведомился полковник.

– В моем роду погибли только два человека. Это ли не свидетельство

благоволения Аллаха?

– Это свидетельство того, что вам повезло жить в горах, только и всего.

– Как знаешь.

– Я тебя уважаю, Володя.

– Ну-ну...

– И говорю тебе как брат – принимай ислам, пока не поздно. Сказано – да не опустится мой меч, пока во всем мире не будет установлен шариат Аллаха. А мне бы не хотелось с тобой воевать.

– Не смешно.

– Я серьезно.

– То есть ты предлагаешь мне обрезать, не пить водку, пять раз в день башкой в пол стучаться...

– Нет.

– Нет?

– Нет. Как ты думаешь, когда я последний раз совершал намаз?

– ???

– Две недели назад, и то для вида.

Украинский полковник пожал плечами:

– Ну а зачем тогда все это? Ты же умный человек.

– Именно поэтому. Что держит рядом с тобой твоих людей?

– Ну...

– Бабло. А моих – вера.

– Сколько они горилки выжрали, не считал?

Чеченец поднял руку.

– Да. Но любая вера включает в себя и грех. Не согрешишь – не покаешься. А мои люди попадут в рай, потому что ведут джихад.

– Ислам – это мой сознательный выбор. Что говорит твой бог? Ударили тебя по одной щеке – подставь другую. А мой – иди и сражайся, пока все поклонение в этом мире не будет принадлежать одному лишь Аллаху Всевышнему.

– Я вообще неверующий.

– И твои люди тоже. А это плохо. Ради веры человек сядет в заминированную машину и подорвется, мы это тысячи раз видели. А за бабки?

– Я тебя не тороплю, думай. Но хорошо думай. Если ты примешь решение – благое дело зачтется и мне. И не переживай, что ты что-то

сделал в прошлом по джахилии. Эти грехи считаться не будут.

– Проехали. С чем приехал?

– Да все с тем же. Вопрос встает ребром – либо мы идем вперед, либо они.

– С чего ты взял? Они сами по себе, мы сами по себе. Они друг на друга волками смотрят.

– Это тебе так кажется. Они договорятся друг с другом быстрее, чем ты это поймешь. Потому что они русские.

– У меня тоже много русских.

– Вот именно.

– Надо сначала разобраться с казаками. Это первое.

– А ДНР?

– С этими тоже, но там проблемы быть могут. Там же сплошная городская застройка, шахтные выработки, они ядерный удар выдержат. Их надо отрезать от ростовских, это главное. Тогда они или силу потеряют и их удавить можно будет, или они под днепропетровских уйдут...

Степко нехорошо улыбнулся.

– Овец пасти негде? Свои проблемы моими руками хочешь решить?

– Вот что вы за люди, а? Ты знаешь, что такое дружба?

– Ага. Это то, что тебе предлагают после того, как поимели.

– Если идти, то на Волгу и Москву.

– Это может быть проблемно.

– Ничего проблемного. Там же Татария, там мусульмане.

– Не совсем, – досадливо цокнул языком чеченец, – там обществ нет.

– Каких обществ?

– Неважно, все равно не поймешь. Там настоящих муслимов мало.

– Тогда на Москву.

– На Москву... люди там у меня есть... Мало, но есть. У тебя?

– Найдутся.

– Только проблема есть. Там воинские части сохранились.

– Воинские части я беру на себя.

Чеченец внимательно посмотрел на бывшего полковника СБУ.

– Отвечаешь?

Степко нехорошо осклабился.

– Раз сказал, значит, отвечаю. Не первый день живу. У нас в АТО люди за месяц ссучивались, пришел такой честняга с голым задом, месяц прошел – уже на «Крузере» рассекает, а доча квартиру в центре Киева оформляет. Люди – дерьмо. И военные в этом не исключение.

Чеченец бесстрастно смотрел на бывшего полковника СБУ и думал – а как так могло быть? Как так могло быть, что люди этого народа – русского, украинского, чеченец не видел различий между ними, – двести лет назад покорили Кавказ. Как?!

Раньше были другие? Тогда почему сейчас такие?

– Поставим крышу, будем иметь, – продолжил рассуждать бывший полковник СБУ, – только тебе надо джигитов своих придержать, а то они на ровном месте газовать любят. Потом проблемы бывают. Имей в виду, если вместе работать будем, молодой-горячий не прокатит.

– Я своих в руках держу, – осклабился чеченец, – ты своих держи.

– Делить как будем? – в лоб спросил эсбэушник.

– Это я не решаю. Надо совет тейпов собирать, это дело общее.

– Тогда о чем мы вообще базарим, если ты не решаешь?

Чеченец хотел высказать наглому урусу (он считал СБУшника русским) все, что о нем думает, но по типично восточной привычке скрывать свои чувства сдержался.

– У вас свои порядки, у нас свои, – спокойно сказал он, – у вас ты один главный, у нас – демократия.

Последнее слово он подчеркнул тоном издевки.

– По долям все же как видишь? – настойчиво сказал полковник.

– Все зависит от того, кто сколько вложит, так?

– Примерно. Но сразу говорю, меньше чем на шестьдесят я не согласен, так и передай. Я бы вообще один все сделал, сил хватает – только в будущее смотрю, с вами задружиться хочу, пригодится. Потому и долю даю.

Чеченец улыбнулся. На самом Кавказе чеченцев всегда считали этакими евреями Кавказа, лукавой нацией. Большую часть автохтонного кавказского юмора составлял юмор именно на чеченском языке.

– Я тебя понял, дорогой. Можно мы пока погостим у тебя?

– Это без вопросов.

Чеченец подумал про себя, что этот полковник все же идиот. Шестьдесят... он и семьдесят запроси – совет тейпов согласится. Потому что шестьдесят – это только до тех пор, пока существует общий враг, а как только будет победа, так доли могут очень сильно поменаться.

А вместе с ним люди, которые знают, что к чему, многие в МВД, в ФСБ работали, кто-то в Сирии в ИГ был, только какая сейчас разница – все сейчас едины. И гостя – они разнюхают, что к чему, какие где силы и сколько примерно тут можно взять. И этот вопрос совет тейпов тоже обсудит...

Спустились вниз – люди с обеих сторон напряженно посматривали друг на друга, готовясь вцепиться в глотки по первому же приказу.

На следующий день чеченцев пригласили на охоту.

Охота была необычной – если раньше охотились на животных, то теперь на людей. Несколько человек, чаще всего из упоровших косяк рабов, выпускали в сельской местности, давали какое-то время, после чего спускали собак. Собаки преследовали дичь, а следом ехали охотники, частью на лошадях, частью на джипах. Ничего особенного в такой охоте не было, и чеченец подумал, что урусы и тут дураки. Кто же охотится на рабов? Он раб, он работать должен, для того он и живет. Это все равно как охотиться на собственную корову или лошадь – какой дурак так делает?

Но понятно, что чеченец никому и ничего на эту тему не сказал, оставил свое мнение при себе...

Охотничья колонна формировалась в районе ВАСО, и, судя по машинам, были в ней люди не бедные. Часть охотников была в форме – военной, ментовской. Они шумно здоровались друг с другом, хвастались оружием, о чем-то говорили...

Чеченец подумал – несчастный народ. Стоит одному из них надеть форму – и он становится худшим из угнетателей своего же народа.

У них на Кавказе все не так и всегда было не так. Мент, военный, надев форму, все равно остается частью незримого целого. Частью тейпа, туххума, общества^[34]. Для него это важнее должностей, званий, звездочек на погонах – отрекшись от тейпа, от рода, от единого целого, кавказец теряет все, его сила же – это сила всего рода и всего тейпа. Яркий пример – это Дудаев, Масхадов. Первый был советским генералом, второй – полковником. И тот и другой были лучшими командирами своих соединений, полк Масхадова неоднократно завоевывал переходящее знамя. Но как только к ним пришли, они не смогли отказать своему роду и своему народу и безоговорочно перешли на их сторону, даже зная, что ждет впереди.

А тут...

– Варвары, – негромко проговорил по-чеченски подошедший сзади Иса. – Аллах их накажет нашими руками.

– Замолчи! – зло сказал старший чеченец. – Чтобы больше я этого здесь не слышал!

– Но дядя, они же не знают нохчи-язык.

– Мы не знаем, знают ли они или не знают. Лучший язык – молчание.

Рабов, которых намечалось сегодня убить, было пятеро.

Всех их переодели в рваную военную форму, которую перед этим дали понюхать собакам. В безлюдном месте их выпустили из грузовика.

– У вас ровно час, чтобы спрятаться! – выкрикнул распорядитель охоты. – После чего мы спускаем собак! Охота продлится до темноты, кто не будет найден, тот будет спасен! Бегите!

Хлопнул выстрел, рабы с заминкой бросились бежать. В разные стороны.

Чеченец привычно оценил шансы – он видел самых разных людей и мог оценить человека с первого взгляда. У одного из рабов шансы выжить были, у других – скорее всего, нет.

Как оказалось, он опять был прав...

Четверо рабов были отловлены и убиты, уже темнело. Поиски пятого привели их в какой-то город... городом это можно было назвать с большой натяжкой, конечно, потому что так люди в городах не живут и не должны. У них даже в Алхан-Кале остались высотные дома, а тут... типичное село русистов – деревянные дома, гнилые, покосившиеся, только фундаменты каменные. Дорога в грязных ямах, в которых ломает ноги лошадь – она явно не сейчас стала такой, а была такой и до того, как...

Свора ищеек привела их сюда, но сейчас собаки почему-то жались к хозяевам, повизгивали.

– Видишь что-нибудь?

– Нет.

Один из русистов, в ненавидимой чеченцами форме «серый волк»^[35] – открыл багажник своего «Крузера», из него выпрыгнул пес – крупная немецкая овчарка. Чеченец присмотрелся и понял, что это не собака, а волкособ – помесь собаки и волка. У них некоторые тоже держали, но обычно обходились волкодавами. Волкодав привычнее, хорошего щенка всегда можно достать, если знаешь, у кого.

– Тарзан, Тарзан... хороший мальчик.

Пес завилял хвостом и даже сделал попытку встать хозяину лапами на грудь и лизнуть в лицо...

– Хватит, хватит...

Чеченец подумал, что русские и в собаках толка не знают. У него был волкодав, такой злой, что он сам его боялся и кормил с лопаты. Держал он его на бычьей цепи, другая потому что не выдерживала.

Русисту передали кусок ткани, он взял пса за ошейник и сунул ему под

нос эту тряпку.

– Нюхай, нюхай.

Пес нюхал какое-то время, потом потрянул головой. Русист убрал тряпку и спустил пса.

– Ищи.

Пес начал бегать, приносясь к земле и расширяя ареал поисков. Все с интересом следили за ним.

– Из служебного питомника, – заметил один, – этот найдет...

Внезапно пес рванул в сторону домов.

– Нашел.

Охотники пошли следом, неспешно разговаривая. Это было скорее хорошее времяпрепровождение, нежели охота.

Волкособ бросился в двухэтажный дом, первый этаж которого был каменным, а второй деревянным.

– Сзади зайдем?

– Давай.

Волкособ прыгнул в давно разбитое окно.

– Пошел работать...

– Второй, смотри... он там наверное.

И тут раздался короткий то ли всхлип, то ли визг собаки, который сразу оборвался.

– Ах ты тварь!

Русист выхватил из «Крузера» АКС-74У и бросился на помощь своему четвероногому другу.

– Стоять! – негромко сказал чеченец, осаживая любопытных из своих. Русисты его не интересовали, пусть что хотят делают.

Русист десантным сапогом вышиб дверь крыльца и прошел внутрь. Почти сразу грохнула короткая очередь.

– Все... – сказал кто-то.

И в этот момент серая тень метнулась с крыльца...

Было темно... точнее, было то самое время, когда на закате еще день, а с востока уже наступает ночь – не темно и не светло, и глазам привыкнуть трудно. А почти все целились по второму этажу, потому и пропустили момент. Крупная собака в мгновение ока преодолела расстояние до машин и вцепилась в одного из охотников.

– А!!!

У него был «Вепрь», но он не успел остановить тварь... только когда та вцепилась, охотник, ошалеv от боли и ужаса, опустил ствол и шарахнул... ствол вышибло из рук, тварь почти перервало пополам, но она

продолжала грызть, потому что тварь так не убьешь.

Один из охотников, среагировав вовремя, подбежал, выстрелил из двенадцатой помпы, передернул затвор и еще раз выстрелил. Тварь умерла...

К бойне подошел Степко, в руке он держал «Глок». Незадачливый охотник полусидел у своего джипа, размазывая по щекам слезы и кровь. Он посмотрел на Степко, на пистолет в руке.

– Як же так, – сказал он, – як же так...

– Извини, Иван.

Степко поднял пистолет и выстрелил...

Чеченцы с мрачной усмешкой смотрели на то, как русисты стреляют русистов...

Когда зашли в здание... нашли там мента... мертвого уже и волкособа – тоже мертвого. Стало понятно, что сделал раб – убил одну собаку, дождался, пока оживет, потом заманил еще одну и скормил. Собака ожила, съела свою товарку и начала морфировать... но так как пища была – она никуда не ушла... пока ее не потревожили. Когда потревожили – она атаковала.

Раб успел уйти...

<i>Бывшая Украина. Луганская область, Луганск</i>
--

Девятьсот пятьдесят второй день Катастрофы
Продолжение

И не рыбы вместо рыб,
И не люди вместо нас,
Город был, остался дым,
Город просто погас.
Город просто погас,
И остался лишь он...

Танцы минус

Город был мертв, я понял это почти сразу, как только отъехали от

обитаемой администрации. Скорее всего, обитаемы только административные здания, заводы и базы, которые можно возродить и приставить к делу. Все остальное мертво, и я видел это не первый раз.

Сейчас почти все крупные города умерли, Ижевск – единственный из всех известных мне крупных городов, который живой, возможно, он теперь самый большой обитаемый город на всем постсоветском пространстве, если не во всей Евразии или даже мире. Просто для того, чтобы город жил, нужно электричество, нужна вода в трубах, и холодная, и горячая, и еще много что нужно – и все это кто-то должен поддерживать. А кому и зачем это сейчас надо? Гораздо проще поселиться в сельской местности недалеко от города. Вода из колодца или скважины, мыться – баню истопи, там же стираться, для пропитания – хоть гусей или уток держи, тут тебе и мясо, и яйца, уток или гусей может держать даже горожанин^[36], их кормить не надо почти, они сами себе пропитание найдут. Освещение – или от дизеля, или от керосинки, если знаешь сельскую жизнь – можно держать корову, на семью коровы запросто хватает. Пожрать – картошку сажай, огород держи. А если куда надо съездить – так сейчас в колхозе или кооперативе обычно держат лошадей, чтобы лишний раз за бензин не платить. Избу держать теплой легко, это тебе не квартира, правильно сложенная русская печь – это и тепло в доме, и пищу можно готовить. Так что сейчас многие так и делают, селятся в селе, а на работу едут в город, или каждый день, или вахтой. У нас в Елабуге, Набчелнах и Чайковском и то проще: прямо недалеко от мест работы, от заводов – от «Ремдизеля», от ГЭС – либо занимают существующие садовые товарищества, либо просто строят деревни, берут землю соток по двадцать-тридцать, и так живут.

Ижевск пока жил, но жил половиной жизни, потому что и из Ижевска многие переселялись, и я думаю, лет десять – и снова будет Ижевский завод, как до 1919 года, когда он даже не считался городом – завод и крестьянское село при нем^[37]. И когда еще мы свои города возродим...

Луганск был привычным для меня областным центром... кто-то считает промышленные города некрасивыми, но мне ли об этом говорить, я в таком промышленном городе родился и полжизни прожил. Но Луганск был страшен. Мне в нем было так страшно, как не было в незачищенных городах. Луганск был страшен войной – недовоеванной, затаившейся войной.

Кто это все начал? Зачем? Ради чего? Неужели кто-то хоть на секунду поверил, что что-то будет? Что этой войной можно вырваться из заколдованного круга, в котором мы живем уже не знаю сколько лет – с

мерзкими наглыми рожками в телике, обильным враньем о лучшем будущем и тихом строительстве будущего своего – под лозунгом «лишь бы не было хуже»? Неужели кто-то подумал, хоть на секунду поверил, что вот взять этот населенный пункт, и этот – и все будет по-честному, и тот, кто воровал, устыдится и не станет воровать и наворованное вернет, и тот, кто врал, устыдится и не будет? Как могли миллионы людей поверить, что все зло этой несчастной страны сконцентрировано не на Банковой, а вот в этих городах, в Донецке и Луганске, где живут такие же обворованные, такие же многократно кинутые через х... люди...

ГОЛОС СЛЕВА. Пока все началось, как все думал, что само рассосется. Помитинговали, побузили, постреляли чуток, но чтоб вот так, с остервенением, со зверством таким друг на дружку до кровавой пердоты! Чтоб с «Градов», с танков да по городам-поселкам – никто ж не верил в такое.

ГОЛОС СПРАВА. Ага, классика: «Верхи не могут, низы не хотят». Прямо драматическое столкновение фригидности с импотенцией – и не верил никто, а оно во как вышло...^[38]

Но поверили. Разрешили себе поверить. И нажрались – дерьма до тошноты. А потом началась Катастрофа. И всем уже было пофиг, на каком языке говорить и как оно будет – в Украине или на Украине.

Катастрофа поравняла всех перед произошедшим кошмаром.

Война пробивалась то тут, то там – то каким-то чудом уцелевшим плакатом с призывом вступать в ополчение, то небрежно сброшенными перед магазином частями «Градов» и «Ураганов», то осколками на стенах, то граффити. Страшнее всего были кресты – порой прямо во дворах. Это были люди, убитые страшным летом 2014 года и похороненные прямо во дворах, потому что не было сил везти на кладбище, да и обстреливали там...

Стоя перед таким крестом на обочине, я почувствовал ненависть. Впервые после Катастрофы я ее почувствовал. Хотя нет... крайний раз я ненавидел в Казани – я уже рассказывал. Потом перестал ненавидеть – какой смысл, кого? Монстров, которые просто хотят жрать? Или барыг, которые просто хотят нажраться?

Но теперь я ненавидел. И не только себя – я ненавидел нас. Мы жили тем летом 2014 года и не чухали беды – а люди тут просто умирали^[39].

Не говоря ни слова, достал ПБ, выстрелил в воздух. Пацаны сделали то же самое, только предварительно отомкнули магазины и выбросили патроны из патронника. Безмолвный салют жертвам той войны, которую не

успели довоевать и которая теперь не имела никакого значения.

– Александр Вадимович...

Я обернулся – Паша.

– Чего тебе?

– Ирина говорит, тут неподалеку база есть, при шахте там люди. Там ее должны помнить, нас как родных примут.

– Поехали селиться...

Пока шли к машине, подал незаметно знак – всем повнимательнее. Мало ли что там может быть, какие там люди. Хотя место, где мы не просто постояльцы, нам здесь очень пригодилось бы...

Место, куда нас привела Ирина, было километрах в двадцати от города.

Небольшой городишко, типично шахтерский, с терриконами на горизонте. Улочки, мазанки из камня и глины – из дерева тут не строят, мало тут дерева. Выделяются панельные двухэтажки – раньше в колхозах-передовиках такие ставили. Горы угля, сваленные прямо у домов – это вместо поленниц, кое-где – «КамАЗы» с нарощенными бортами и старые китайские самосвалы.

– Первый, всем плюс.

– Двойка плюс.

– Из машин не выходим. Сомяра, иди понюхай. Один с тобой.

– Плюс.

Если что – мы всю эту парафеналию быстро на ноль помножим, учитывая, что на каждого по три-четыре ствола. И пулеметы на машине.

К вечеру мне было уже стыдно, что я целился в этих людей. Настолько, насколько мне может быть стыдно вообще.

– Ирину вы откуда знаете?

– Так Ивана Ильича дочка, тут росла. Мы и не думали ее живой увидеть, она как раз по квоте поступила, уехала в Москву учиться...

Ясно все...

По квоте поступила – дальше мне можно было и не объяснять. Я в Нижнем наслушался историй – еще до всего до этого. В московских университетах училось до хрена кавказцев, потому что диплом был одним из способов попасть на госслужбу – способ, которым на Кавказе всегда самоутверждались и самоутверждаются. Кстати, кавказцы никакие не анархисты, их поставь на пост и дай власть, так они тебе такое утворят! Особенно без пригляда если. Так вот, в универе часть из них создавала

ваххабитские ячейки и читала Коран, чего в их родных республиках опасались делать, потому что могли замешать^[40], а часть создала настоящие бандитские группировки, под стать тем, что были в Казани в конце восьмидесятых. Девчонок они ломали и делали из них гаремы – кто это знал, смотрел сквозь пальцы. Потом, когда все началось, те, кто выжил, сбился в настоящие банды и начал заниматься работоторговлей.

Одной из жертв такой вот банды стала моя Элина – и хотя я сам себе никогда в том не признаюсь, наверное, без нее я не взял бы в Ульяновске с собой эту бедолагу.

Но раз взял – то и ответ за нее держу. И потому хрен я кому-то расскажу, чем она в Ульяновске занималась. И так много зла, и так много беды. Пусть лучше никто и ничего не знает.

– А сам Иван Ильич?

– Помер.

– Тогда?

– Нет, недавно. Не дождался. Он до конца верил, что доча жива. Помер – а теперь вон оно как вышло...

Здесь, в двадцати километрах от Луганска, упорно теплилась жизнь. Кто выжил – тот выжил и продолжал жить, держали скотину, вели огород, хозяйство держали. Как могли, поддерживали жизнь в шахтах – где это было возможно, теми силами, какие есть. Местная специфика – это копанки, шахтеры руками, ручным трудом, как в девятнадцатом веке, разрабатывали близлежащие пласты, на примитивной механизации добывали уголь и везли продавать. Продавали дешево, потому что здесь много угля добывалось. Ближе к Москве он стоил бы намного дороже, там торфа и мало изначально было, и не хватает уже сейчас.

– Она-то откуда с вами?

– В Ульяновске попросилась, узнала, что сюда идем. Сами мы с Ижевска, слышали?

– Нет.

– Автоматы Калашникова там делают.

– До сих пор делают?

– Делают, делают. Чего бы их не делать...

Баня на угле, без дровяного духа – дело для меня, уральского, несколько непривычное. Но пар есть пар, а жар есть жар. И пропарился, и прожарился – чего еще надо?

Вышел на улицу... улица незамощенная, когда-то был здесь асфальт, да когда это было? Давно, в той державе, которая половине мира помогала.

А так – домишки, разбитая дорога, треск пилы – ее мотор используется для привода в копанках, через примитивный редуктор. Грязь и распахнутое настезь небо...

Вот и скажите, что тут – не Россия.

Пошел к дому, в котором мы остановились – он приличным, кстати, был, видимо, Иван Ильич кем-то важным был или на шахте, или в районе. Перед домом ныкался Сомяра, он был настороже, с автоматом. Две ходки за спиной у человека как-никак. Почему я взял его в группу и почему доверяю? А потому же, почему и всем остальным – делом доказал. Тюремный опыт – это тоже опыт, тем более сейчас, когда двери открылись и отморозки с сотен зон хлынули в умирающий, корчащийся в судорогах мир.

– Ну чо?

Сомяра сплюнул.

– На первый взгляд, мужики. А там как разглядишь?

– Неспокойные времена нынче наступили по ту сторону забора, неспокойные и мутные. Как беда случилась – не достойных прибавилось, а ссученных, твари всякой.

– Оно так.

– Ничо. В доме нашем общем перекантовались и тут не помрем до времени. Только ты знать должен одно.

– Ну?

– Пацанчик этот, что с нами без билета катит...

– Ну, ну?

– Останется он здесь. Сто пудов.

– Слышал?

– Знаю.

Я сплюнул.

– Сюда его зови.

Сомяра неспешно поднялся и отправился выполнять поручение.

Увидев Пашу, я понял, что Сомяра прав. Останется он тут. Сто пудов. Потому что любит. Это видно сразу – как изнутри светится.

Кому-то дано, а кому-то нет. Мне вот – нет. Не дано было этого счастья хлебнуть. Как я всегда говорил – не везет в любви, везет в деньгах. И наоборот.

Не знаю, почему так. Была по молодости девчонка, с которой ничего

не вышло, – и с тех пор как отрезало. Ничего нормально не выходило. Может, потому что я изначально себе такие цели ставил: полюбить – так королеву. А надо было, как все делают, так и сделать – взять первую попавшуюся, что попроще и без претензий, наплодить от нее детей, потом налево ходить, если случай подвернется. И мозг себе не сношать, что живешь с человеком, который тебе, по сути, на хрен не нужен. Жрать сготовлено, рубашка постирана, дети прибраны – чего еще?

Наверное, так надо было, да. А я не смог.

– Сядь...

– Как дальше жить думаешь?

Говорю и думаю – да ты, дурак, не улыбайся так. На лице ведь написано.

– Александр Вадимович, я...

– Я хотел спросить конкретно, как расплачиваться будешь? Я тебя и твою подругу из терки на Ульяновском рынке вытащил, не будь меня, не только ее бы тут не было, но и тебя бы в рабство продали. Не так, скажешь?

– Мы здесь... мы можем торговать, базу сделать.

– Так это я и без тебя могу, так?

– Расскажи-ка мне, друг мой, что у вас в Камбарке делается. Конкретно меня интересует – москали мутные когда там появились...

Еще одна моя проблема – я всегда умудряюсь вляпываться в дерьмо, которое меня никаким боком не касается, и не могу тупо пройти мимо.

Это хреново на самом-то деле. Потому что один раз живем. И ресета – в жизни такой кнопки нет.

Короче говоря, москвичи в Камбарке появились давно, уже больше года как они там. И тут же пошли какие-то мутки. То они на ремонт машин собрались присесть. То скупали реестровые продукты втихую. То в городе появились люди с блатной распальцовкой – чего у нас не допускается. И все это было связано с Забродиныным.

И еще одно. У главы администрации, Беспалова, пропала дочь. Примерно тогда же, когда появились москвичи. Паша заметил это, потому что по своей любвеобильности и неразборчивости держал ее на прицеле, рассчитывая в случае чего поправить дела выгодной женитьбой и зятьком пролезть на самый верх.

Последнее требовало серьезной проверки – либо девка сама связалась

не с теми, с кем надо, либо ее взяли в заложники. Последнее – подрасстрельная статья, без вариантов.

Говорю же – проблема это моя, во все дерьмо вляпываться. Ну а как мимо пройдешь.

С Пашей мы договорились по-мужски. Он возвращается и помогает мне во всем разобраться. После этого – свободен. Хочет факторию открывать – пусть открывает, поможем. Хочет жену к нам перевезти – не вопрос.

Но с тем, что в Камбарке происходит, нужно конкретно разбираться. Пока не стало слишком поздно.

А Павлу – счастья. Если оно сейчас вообще возможно...

Бывшая Украина. Луганская область, Луганск

Девятьсот пятьдесят пятый день Катастрофы

Ни один вопрос не решается просто – они не решались просто и до того как, а сейчас и подавно. Раньше были такие аргументы, как закон, суд, как общность по крови и языку. Да просто по-человечески люди должны помогать друг другу. Сейчас ничего этого нет. Мы как крысы – сражаемся меж собой на остатках человеческой цивилизации.

И не факт, что те, кто выжил, не добьют друг друга, прекратив существование самого главного хищника на планете Земля – человека.

Я понимал, что просто так мы не получим ничего. Никто ничего не отдает просто так, никто не плодит себе конкурентов. Но у меня были аргументы, которые могли сыграть свою роль. Главное, что те, кто будет их слушать, должны подняться над мышлением мышки-норушки, защищающей свою норку. И не думающей о том, что происходит в лесу в целом.

То, что будет – это не сходка, и не стрелка, и не совещание, это нечто среднее. Сейчас все не так, как было раньше, все смешалось – закон, понятия, люди и нелюди. И каждый хочет выжить – и ухватить, само собой.

Но и я не пальцами деланный.

Короче, выехали по утру, покатали в стольный град Луганск. А чем не стольный – столица ЛНР как-никак, хоть никем и не признанной, но все же. И хоть сейчас кому какое дело до ДНР-ЛНР – а люди те же остались, ту же землю держат. Вот так и получается.

Первая пуля ударила в колесо, машину влево повело, но водила удержал. Вторая совсем рядом свистнула, третья глухо ударила о борт.

– Контакт справа!

Справа – село и террикон... громадная рукотворная гора.

Машина тормознулась, ударил спаренный пулемет. Пацаны выскочили из машин, я с ними, открыли огонь на прикрытие.

Из села лупанули уже по нам, мы не ответили – но огонь быстро прекратился. На двух мотаках подъехали шахтеры местные, вооружены они были серьезно – у одного ПКМ и как минимум одна лента-«сотка».

– Че за дела? Вы че стреляете?

– А вы че стреляете?

– Вы первые начали.

– Охренели?

В конце концов разобрались, после чего местные по китайской рации связались со своими, и те рванули на террикон. Кстати, вот и говорите теперь, что китайское значит плохое – у нас тоже часто Китай встречается и ничего, работает.

Мы же пока суд да дело стали менять колесо, а местные помогли.

Через полчаса подъехал третий мотак, из него выскочил парень, по пояс голый.

– Ушел, гад. Вот [\[41\]](#), гляньте.

Гильза пошла по рукам.

– Из СВД бил.

Гильза была новенькой, блестящей.

– Короче, кого-то вы сильно напрягли. Гильза импорт.

– Хохлов?

– Да не... не дойдут они сюда.

– А кто тогда?

Короче, за помощь расплатились тремя пузырями казенки и патронов немного отсыпали, чему местные были несказанно благодарны. Уже отъезжая, я заметил:

– А что, неплохо тут служба поставлена?

– Ну, Игорян все равно от них ушел, так?

– Оно так. Хорошо, что нас не зацепил, бродяга.

Вот так вот, котаны. Едем дальше.

Вы спрашиваете, на фига мне самому на себя покушение организовывать, тачку портить? Ну на тачке дырки заделаем... так и не догадались? А если подумать? Вот вы пришли на стрелку – с чего разговор будете начинать? Ах не знаете? Ну тогда я подскажу: самое козырное

начало разговора – че за беспредел тут прет, я пока сюда ехал, меня чуть не завалили, где тут порядок? Предъява по-любасу серьезнее некуда, потому что любой, к кому на переговоры приехали, отвечает за здоровье приехавших головой, тут без вариантов. А дырки от пуль – вот они, дырки от пуль, я свое докажу, и самое главное – если даже есть подозрение, что гости это сами себе устроили, как докажешь? Ты не готов, доказывать надо сейчас прямо, а если предъяву без доказов кинешь – так это серьезный косяк, утрамбуют за это. Ну а если противная сторона вину за собой чувствует, то и договариваться проще, не так?

Короче, учитесь, пока я жив. И пока вы живы. Пока мы все живы.

Тему тереть собирались в здании Луганского СБУ – это здание с полукруглым козырьком было известно на весь мир, потому что его неоднократно показывали в новостях. Именно с захвата здания СБУ началась Луганская народная республика и вообще сопротивление на Луганщине. А через дорогу от белого здания СБУ было кирпично-красное здание НБУ – Нацбанка Украины с его укрепленными хранилищами. В нынешних условиях – само по себе актив ценный.

Прокатались по пустому и страшному Луганску, подкатали в центр – там не протолкнуться от «Крузеров». Епс тудей! Вот почему у нас все и всегда рано или поздно сворачивает к хапку!? Мир подыхает – но даже сейчас надо нажраться.

Конечно, я не прав – наверное. Девять десятых населения вымерло, наверняка хозяева этих машин либо уже упокоились, либо лежат где-то в подвале в своем чутком сне и ждут неосторожного, чтобы сожрать. И раз у этих машин все равно нет хозяев, то почему бы и нет? Но все равно – как-то передергивает это демонстративное благополучие на руинах мира, в эпицентре горя и человеческой беды.

Как-то у нас на заборе давно предназначенного к сносу дома написали – дворцы без разрухи, не будет контраста. Увы, это правда. Мерзкая правда...

Подкатали... на нас смотрят, и я смотрю. Вместо нашего вездесущего «Калашникова» тут типично хохляцкий разнобой. «Калаши» – и пятерка, и семерка, «Таворы» и «Галили» – и то и другое производилось на «Форте», М16 и АР10. Арки – это «зброяровские», была такая фирма в Киеве, она делалась специально под экспорт в Россию и экспортировать начала, но тут началась война, и рынок закрылся. Изначально фирма вообще начиналась как проект украинских бизнесменов и белорусского конструктора – самоучки Константина Конева, который разработал высокоточную

винтовку, но не смог ни наладить производство в Беларуси, ни состояться как конструктор – потому и переехал на Украину, где производством оружия мог заниматься частный бизнес. «Зброяр» наладил выпуск нескольких типов винтовок, потом учредители фирмы поссорились с Коневым, прекратили выпуск его винтовок и решили заняться выпуском винтовок серии АР, которых на российском рынке был ощутимый дефицит. Но так получилось, что их рынок ограничился Украиной, правда, до Катастрофы они успели произвести достаточно, только для гражданки, их оружие не приняли на вооружение даже части спецназа.

Ну и из экзотики – вон, «Поршень». Это гранатомет под выстрелы от АГС, в Днепропетровске его делали. Урод еще тот.

Все оружие затюнинговано до безобразия – но мы со своим смотримся как минимум не хуже. Авторитет пацана – это не только он сам, но и его «автивка» и его «зброя». Тут, кстати, из прицелов Китая полно – а у нас «Эймпойнт», ЭОТЕК. Сразу понятно, кто и чем живет.

Внутри я не пошел. Дождлся, пока выйдет Родионов. Заодно посмотрел, какая у него охрана – не впечатлила, понятно, что реально он тут компромиссная фигура, боссы не хотят сами светиться, вот его поставили. Как говорил Саша Янукович, в Украине нет бизнеса 50/50, а есть 80/20. Устраивает – бери, менеджируй. Думаете, тут как-то по-другому? Еще и лучше.

– Что произошло?

– А сами не видите?

– Ты на меня не цыкай. Давай по порядку – что, когда.

– Обстреляли по дороге сюда. Ехали, просто с террикона начали работать. Снайпер.

– Где?

– Я тут не ориентируюсь. Километров десять от города.

– Все целы?

Ага. Косячок, однако: я – видно, что цел, а судьба торпед мало кого из боссов интересует. «Боинги» – они для того и есть, чтобы умирать.

Эх. Родионов Константин Иванович, и как вы во все это ввязались. Даже неловко как-то вас грузить...

– Вопрос не в этом. Вопрос в том, что я приехал с добром к вам, а меня пулями встретили.

– Ты не перегибай.

– Я и не перегибаю. Но свое спрошу.

– А жаль, что таких людей в свое время не хватило. Жаль...

– Итак...

Я смотрел на аудиторию из восьми человек, а она смотрела на меня. Шесть из восьми – деловые, в том числе и те, кто в камуфле.

– Сегодня меня, вашего гостя, на дороге встретили по беспределу, пулей. Но что произошло сегодня – пока оставим в стороне, за это базар будет еще. Вопрос, как дальше жить.

Молчание. Потом голос:

– Нас наша жизнь устраивает.

– Да? А чехов тоже ваша жизнь устраивает? А хохлов? Я с хохлами по пути стукнулся – хорошо вышло. Думаете, они силу возьмут, вас не раздавят? Договоритесь?

Я покачал головой:

– Не-а. Не договоритесь. И знаете, почему?

– Потому что они не считают равными вас, а вы – их. С чехами они договорятся – потому что где чехи и где они. А с вами договариваться не будут. По принципиальным соображениям.

Молчат. В общем, правильно, я бы тоже молчал.

– Мы же не чехи и не хохлы, живем по-людски, по закону людскому, и своему руку помощи всегда протянем. Предложить можем многое, от лопаты и до локомотива. Есть «КамАЗы», есть тепловозы дешевые, на автомобильных движках, есть лес, есть пожрать, но пожрать у вас у самих есть, наверное. Есть стволы, завод работает, предлагаем и новые, и с капиталки, все, на чего кармана хватит. Если хотите конкретно меня пробить, не вопрос – обращайтесь на Нижегородский торг, Дьячков Александр Вадимович, за меня там любой скажет, что ни брехни, ни кидняка в жизни за мной не было. В оборотку интересуюсь всем, что у вас есть, прежде всего, не скрою, патронами. Если есть варианты по мародерке какой ценной – тоже рассмотрю.

– Короче, решайте. По-людски, надеюсь на взаимопонимание и людское отношение...

Понятно, что такое решение с ходу не принимается – я и не ждал. Сказал то, что сказать должен был, и отъехал, на сей раз в охраняемой гостинице в городе остановился. И не зря – уже через два часа подъехали двое в камуфле с приглашением отужинать.

В Ижевске есть такое место, на выезде из города, даже за городом, можно сказать, – называется «У Лося». Там у трассы скульптура лося стоит,

деревянная – месту двадцать с лишком уже, культовое, можно сказать. А в Луганске есть кафе «У Паровоза», оно у самой речушки, с одного берега промзона, с другого – жилая застройка. Кстати, речка тут – как у нас Подборенка, название одно...

А само кафе не так и плохо – зал хороший, просторный. И речка – по крайней мере с одной стороны зомбаки не придут.

Последнее немаловажно.

У кафе – аншлаг, одних «крузаков» пять штук. Интересно, кто это меня ужином накормить решил за свой счет.

– Разрешите?

– Шмонай, чего там.

Эсбэушники, не братки. Ближний круг...

– Проходите.

Внутри – тихо, уютно, музыка играет...

*Но никто не додумался
просто стать на колени
И сказать этим мальчикам,
что в бездарной стране
Даже светлые подвиги
– это только ступени
В бесконечные пропасти
к недоступной весне!
Я не знаю, зачем
и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожавшей рукой,
Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в вечный
покой.*

Вертинский даже. Серьезная заявка на интеллигентность. 1917 года романс...

Все окна закрыты матами, электричество от генератора – вон, слышно из подсобки, как фырчит. За столом подкрепляется средних лет человек, с обильной проседью в шевелюре. Однозначно не браток.

А подкрепляется, чтобы мне с ходу место показать, что, мол, меня не

особо и ждали. Ну-ну...

– Присядьте...

А я и присяду, я не гордый.

– Долму будете?

– Вкусная?

– Здесь вкусная.

– Тогда буду.

Пока несли долму, мы исподволь присматривались друг к другу. СБУ? Оно самое – точнее, КГБ. Клыки не спрячешь.

И ведь выжили. А хотя чего им не выжить – табельное под рукой. Погибали в первую очередь те, у кого не было оружия – никакого. У этих оно было.

Эсбэушник не выдержал первым.

– Да что вы так на меня смотрите, Александр Вадимович? Как на врага народа.

– Врага кого?

Эсбэушник рассмеялся.

– Ну, положим, с народом совсем плохо сейчас, повымер весь. Но кое-кто и остался...

– На наш век хватит?

– Именно...

– Чтобы вы понимали, за завод нужно разговаривать со мной.

– С вами? – уточнил я.

– Со мной, со мной. У вас, кстати, как дела в Ижевске обстоят?

Я пожал плечами:

– У всех одно и то же. У кого-то лучше.

– А в Нижнем говорят, у вас лучше всех.

– В Нижнем бываете? Я вас там не видел.

– Да я там и не бываю. Люди бывают.

Легкое, ни к чему не обязывающее прощупывание позиций.

– Скажите, Александр Вадимыч, как получилось так, что вы живы остались?

Я прищурился.

– Знаешь, как наш город удмурты называли – еще когда он только строился?

– Иж-Кар. В переводе со староудмуртского – город-война. Река Иж в переводе будет – река Война...

Эсбэушник улыбнулся.

– Тогда понятно. Только патронного завода, я так понимаю, у вас нет.

– Почему, есть.

Я сделал паузу.

– У меня – нет.

Вот тут эсбэушник бывший – а может, и не бывший, нет в этом деле бывших – понимающе заулыбался.

Люди к людям, красные к красным, гады к гадам, гребни к гребням... Этого ожидать стоило, так я и ожидал. Если бы я сюда прикатил от республики, вкрасную, как говорится, – хрен бы мне что обломилось. Еще и завалили бы, мобыть. Но я прикатил вчерную, как человек, который свои дела ведет и свой интерес имеет, а ксива для него только крыша. Не помню, кто придумал такое слово – долбины. Должностные лица с бизнес-интересами. Таких полно и тогда было, а сейчас такие – почти все без исключения, потому что зарплату не платят. Это раньше коммунисты были, готовые за бесплатно попу рвать, – а теперь все, нет таких. Следующая остановка – станция Зима, занимайте места согласно купленным билетам.

Короче, договорились мы. Как тут говорят – домолвились. Возьмет стволами, дорого, но не слишком, и еще – мы ему тут примитивное, но свое оружейное производство поставим. Это можно. У нас на такой случай есть несколько моделей пистолетов, пистолетов-пулеметов и даже автоматов, которые разработаны специально для производства на гражданских заводах без специальной технической оснастки. Так называемое мобилизационное оружие. Вот его мы сюда и сплавим.

А нам обломятся станки. На заводе не одна линия, несколько, плюс оборудование для производства самих поточных линий. Сейчас это никому не нужно, вот мы это все и выкупим. Часть своего будет... часть сделаем сами. И запустимся.

Как домолвились – пошли в сауну с телками. На Украине шалеешь от женской красоты, честно, даже сейчас. У нас все-таки смещение кровей, а в Поволжье и вовсе – невысокие все, и женщины в том числе. А тут... мама дарагая...

– Проблем не будет? – спросил я, когда мы уже культурно отдыхали.

– С кем?

– Ну... с властями.

– Не будет, отвечаю, – сказал бывший эсбэушный полкан, – здесь все давно договорено.

– А хохлы?

– А что хохлы?

– Часть ветки по их территории идет. Ну... бывшей территории. Пропустят?

– Еще и в задницу поцелуют.

Полкан лениво повернулся на банной полке.

– Ты думаешь, эта вся война – она по-чесноку, что ли, была? Ага, щаз. Сплюнь. В Киеве людям надо было куда-то подальше всех этих услать... и технично завалить, но не в подворотне, а так, чтобы на нас не подумали. Вот мы попросили помощи... Москва помощь оказала. Много тут кого с Майдана замочили. А потом уже пошло... с углем темы, с нефтянкой, со жратвой. Люди тут за год поднимались так, как раньше и за десять лет не поднялись бы. Знаешь, Степко такой есть?

– Не.

– Эсбэушный полкан. Он в Краматорске в штабе АТО работал, контррозвидкой занимался. Так вот, пока не началось все это, мы с ним каждую неделю виделись. Дольку малую раздербаним, горилки пляшку разопьем. Встречались по разу – один там, один тут. Как-то раз ему говорю: «Слушай, тут у меня пленные нарисовались, бесхозные, тебе не надо?» Он говорит: «А звания какие?» – «Да так, – говорю, – не выше летехи, мобилизованные». Он отвечает: «А на хрен они мне, в рабство продай. – Потом говорит: – А хотя погоди». Короче, провернули мы с ним в две руки типа спецоперацию – спецназ СБУ пленных в тылу врага освободил. Это как раз перед этим самым было, звездежа по телику украинскому было – мама не горюй. Его вроде к званию Героя Украины представлять собирались, не знаю, получил – не получил. А мне он половинку^[42] заслал.

Полковник с интересом посмотрел на меня.

– Слушай... вы к Москве по-любому ближе... не знаешь, чо, в натуре, это было? Американцы сделали или что другое? Это же трындец – мертвяки живых жрут.

– Не, – сказал я, – не в теме.

Бывшая Украина – бывшая Россия

Девятьсот шестьдесят первый день Катастрофы

Обратно решили идти железкой. Для того, чтобы проверить, работает железка или нет, можно возить – нельзя.

Все это провели как типа сотрудничество между Луганщиной и Удмуртщиной, потому нам выделили целый тепловоз с поездной бригадой, группой охраны и несколькими платформами. На одной из них –

самодельный кран. Договоренности такие, что поезд пойдет своей дорогой, малым ходом, а мы параллельно. Хоть нас не так много, но в случае нападения мы сможем друг другу оказать помощь.

Паша простился со своей возлюбленной, я сел в машину, чтобы этого не видеть. Веду я себя не по-человечески, но сейчас время такое – не человеческое. Скверное время...

Богу помолясь, пошли.

Я сидел в головной машине, Сомяра рядом сидел, ментовской «калаш» свой тискал. Любит, короче, Ксюху свою, она у него как память с рэкетирских девяностых – как он сам говорил, дураком был, в тюрьме поумнел, целым философом стал. Вот он мне и сказал...

– Вадимыч... а ведь мы сдохнем.

Я выругался матом.

– Язык прикуси, не каркай.

– Да я не про сейчас...

– Все равно прикуси.

– Кругом гадье верх берет, а не люди. В зоне порядки чище, чем на воле. Не выживут так... человеки.

– Ага. Помнишь вятскую крытку, Сороковая?

– Это Бадья которая?

– Она самая. Что мы там нашли – монстров, которых людьми кормили.

– Да не за это речь. Тут понятно все, без базара. До всего этого. Вот мы кума ненавидели – а зря, как выходит.

– Сомяра, але, мозг включи.

– Не стало кума, не стало власти – и стал человек человеку не брат, а зверь. Кругом так.

– Тебя что, из машины высадить?

– Да молчу я.

Едем дальше. А мысли такие же – пакостные. Хочешь жить – морали не читай, а тупо следуй. Вот я: тут одним прикидываюсь, а там – другим. А ведь ничего не меняю. Просто зла привношу в уже и так переполненную чашу.

Помню, один пацан сказал – неживой он, убили его в том году: «А чо мы распрягаемся, чо, собственно, произошло? Просто на помойке добавилось помойки».

Видимо, так, да. Помойка на дворе, помойка в душе. И не разгрести.

В Георгиу-Деж бывший заходили с опаской, но, как видно, напрасно. Саня выполнил свою задачу в точности, да еще и сверху. Заняли депо,

укрепились по мере возможности. Плюс к этому провели дефектовку техники, определили рабочую, нашли колесные пары, много других полезных в дорожном хозяйстве ништяков и все это погрузили в вагоны. И никого не сожрали причем – одного монстра в вокзале привалили, еще одного на другой день завалили на подходе. Точнее, ночью – тупо с тридцатимиллиметровой пополам разорвали.

Один пострадавший был – не укушенный, но ребра сто пудов сломаны. Первую оказали, до Ижевска довезем. Подготовились к движению, поезда цугом пойдут, а мы – опять по дороге. Я повеселел: четыре машины плюс пушечный БТР – солидно.

С Саней обнялись, отошли в сторону – дабы подчиненных не смущать. Не, вы не подумайте чего дурного, просто лицо начальствующее эмоции проявлять на людях не должно.

– Ну?

– Пипец.

– А ты думал, нам тут конфет отсыплют?

– Не... все равно пипец.

– Но ты испытание прошел. Поздравляю.

Саня залупал глазами.

– Не понял?

– Нет.

– Готовься принимать группу.

Саня вытаращил глаза.

– Ты... вы чего?

– Все так, Саня. Ты уже готов.

– Да к чему я готов? Я военный, я ж не расторгуюсь.

– Расторгуешься как миленький. Пацаны помогут, команда сыгранная.

Главное, сам на себя все не бери и другим не давай сильно на себя тянуть – у каждого свое, кто-то в одном хорош, кто-то в другом. Так и держитесь.

– Не...

– Чо – не. Мне сколько лет уже. Пора и о доме подумать.

– Чо мрачный такой? Завод кто-то должен ставить – должен? Чтобы чем-то торговать, надо это что-то сделать. Сдохну – что-то для людей останется... с собой все равно не заберешь в могилу, так? Знаешь, как Иж расшифровывается?

– Нет.

– Иван жил ^[43]. Вот так вот. Человека нет давно, а люди помнят до сих пор. Ладно, приедем в Ижевск – разберемся. Еще одно – Димыча из ФСБ

помнишь? Вместе пировали.

– Помню, как нет.

– Если что со мной – неважно что, водкой отравился, с лестницы упал, в СИЗО повесился, – найдешь его и скажешь следующее: «Забродин крыса, Паша в курсе, и у Беспалова дочь пропала». Дальше он сам сообразит.

Саня с шумом втянул воздух.

– Чем дальше в лес – тем ну его на хрен.

– А простой жизни нам и не обещал никто. Не дрейфь, тезка, прорвемся. Пошли личный состав грузить.

Бывшая Россия

Девятьсот шестьдесят пятый день Катастрофы

Насилие над другой личностью стало частью нашего личного комфорта.

Юрий Арабов

И на фиг я в это во все лезу...

Скоро полтинник праздновать... если получится. А все лезу.

Короче, шли мы, шли, не торопясь, но и не медля, потому что с путями хрен пойми что, проверять надо, а где и исправлять, а нам надо беспилотник все время поднимать и осматриваться. Но шли, и, что характерно, без проблем шли. Пока не увидели через БПЛА, как мародеры какие-то грабят сельскую коммуну.

Причем не только грабят – на наших глазах, точнее, на глазах беспилотника, одного человека они убили.

Да, могли бы мимо пройти – это сто пудов. Комунна не наша, область не наша, земля не наша. Поезд просквозил по железке – и все. А сами по дороге, и хрен чего сделают. Четыре машины, один пушечный БТР – хрен чего сделают.

Но так нельзя. Потому что если проходить мимо беспредела, однажды он вломится в дом к тебе.

Квадрик, едва слышно жужжа моторчиками, опустился на полог из сетки-рабицы, я его снял и убрал. Затем повернулся к личному составу – все уже перевооружились и ждали моего решения: обходим или влезает.

– Сань, – я передал пульт, – садись за пульт, рули. Две группы по

четыре человека. Однерка и двойка. Я иду с однеркой. Снайперы прикрывают. Как только выдвинемся, дам отмашку – работайте. Хоп.

– Хоп.

Заросло все. Поля не кошены, зарастают молодняком. Лет через тридцать тут будет лес. А людей не будет. Совсем.

Идти легко. Автомат под рукой, рукоятку хорошо поставил – сорок пять градусов, как раз по-патруль– ному носить. Магаз я перекинул – в этом шестьдесят, чуть что – косану очередью, мало никому не покажется.

Впереди выстрел, дробан явно, одиночный. Крик – отсюда слышно.

Твари.

Бандюки эти – они явно не секут. Даже не представляют, что кто-то может им помешать. Тем хуже для них. Тем лучше для нас.

– Глаз – всем плюс.

– Однерка плюс, – отзываюсь.

– Двойка плюс.

– Тройка плюс.

– Четверка плюс.

– Пятерка плюс – это уже снайперы пошли.

– Доложить по очереди.

– Однерка, выдвигаюсь. Минуты две.

– Двойка, почти на месте. Меньше минуты.

– Пятерка, вижу двоих, у «КамАЗа».

– Тройка...

Крайний дом все ближе. В село я пока не пойду, ляжем тут, на краю. Нет ничего хуже, чем если с домов в спину шмалять начнут.

Судя по докладам, четверо на улицах. Может, меньше – задвоение бывает. С них и начнем, посмотрим, что остальные делать будут.

А вот и остов грузовика, который я наметил как укрытие и ориентир.

– Однерка – Глазу, я на месте.

В это же время дагестанский пацан по имени Муса курил у «КамАЗа», думая о насущном.

Когда все началось, он в кутане^[44] был, это его и спасло. Родственники отправили его подальше, потому что он избил Магомеда Бекбулатова, а у него отец мент. Запросто могли обвинить в терроризме и приземлить на зону лет на двадцать, а то и пристрелить. Вот его отправили в горы, туда, где на дороги и дома садятся облака, а по узким тропинкам трудно даже пешком пройти, – пока старики не договорятся.

Только не стало стариков. Никого не стало.

Трындец всему наступил.

Они не сразу узнали – откуда в кутане узнаешь. Просто хлеб не привезли. Они ждали, потом отправили человека, он не вернулся. Потом отправились сами...

Увидев, что происходит, Муса понял, что это Аллах наказал их за неверие. А чего говорить, в Махачкале менты, лицемерие, взятки – полный васвас, короче.

Они ушли обратно в горы.

Потом на них наткнулись чеченцы. То ли рамзановские, то ли еще какие – сказали, что соблюдающие. Муса пошел с ними. Дали автомат. У него дядя был водилой, умел – нужное дело по-любому.

Сначала он думал, что все хорошо будет, но теперь...

В Коране написано, что нет разделения между людьми, кроме как по искренности их веры и по чистоте их имана. Но он убедился, что для чеченцев, пусть они называют себя мусульманами, есть чеченцы и есть все остальные. Он аварец, а как был водилой, так навсегда и останется. Потому что не чеченец.

А возбужнешь – замочат.

С другой стороны, он сейчас в джамаате, живой – у других и этого нету.

Амир приказал им станцию держать, до возвращения – но они решили по округе прошырнуться, поискать русских рабов – рабов мало стало. Там какие-то терки у старших – а у них свое.

Вернутся, в Кизляре на базаре продадут. Особенно если телки будут...

Дауд решил еще по домам поискать, нет ли чего ценного, и баб объездить – тут их три было, товарных. А он остался у машины, потому что кому-то все равно сторожить надо, а он не чеченец, да и... Аллах не любит преступающих. Муса старался не гневить Аллаха лишний раз – потому что мало ли.

За это и умер Муса первым. Быстро и небольно.

В трех сотнях метров от него – снайпер с позывным «Третий» аккуратно подвел точку прицеливания к животу Мусы.

– Третий, работаю.

Сто пятьдесят седьмой, глушенный «Вепрь» харкнул пулей – и словивший пулю бородач начал оседать у «КамАЗа», цепляясь за угол дверцы...

– Третий, один на минус.

– Четвертый, корма.

– Третий, нос.

Там был еще один, он должен был обойти или слева, или справа, не обойти он не мог – в зависимости от этого снайперы и распределили точки прицеливания – нос или корма.

С кормы!

Боевик шагнул, потом еще раз, увидел упавшего – но сделать ничего не успел. Потому что винтовочная пуля ударила его в бок, подмышку, там, где тело не защищает бронежилет, и убила почти сразу. Четвертый, вооруженный снайперским вариантом ВПО-111 – на таком расстоянии попадал даже не в монету, а в гвоздь.

– Четвертый, у меня минус.

– Два минуса.

Тем временем Муса пошевелился, потом начал неуклюже вставать, примеряясь к новой, непривычной для него форме жизни...

Я видел не все со своей позиции... увидел мертвяка, бородатого, он еле шел, а на пузе болтался ментовский «калаш», хотя он не в форме ментовской был.

– Не стрелять.

Мертвяк явно не знал, что делать: он потоптался, ничего не увидел, потом вперевалку побрел обратно.

Я прикинул – кто бы ни был в селе, они вынуждены будут стрелять и тем самым демаскируют себя. В этом особенность сегодняшних перестрелок – тяжело раненный превращается в угрозу, он может в любой момент умереть, а потом восстать и наброситься на своих же. Потому же сейчас стараются наглухо не валить, подстрелить стрелка противника, чтобы он ожил и напал на своих же – новый прием. Что делать с ранеными, на совести каждого офицера.

– Ждем, не стреляем. Глаза, что видно?

– Движения нет пока.

– Принял. Все ждем.

Тем временем снайперы увидели, как из избы выскочил один... он путался в портках... потом второй и третий. Мертвяк увидел их и направился к ним.

– Тройка, вижу двоих.

– Четверка, троих.

Третий шепотом осведомился:

– Работаем?

– Погоди.

Ударил одиночный, потом еще один. Тем временем встал и второй мертвяк.

– Готовность. Как только соберутся.

Им надо будет понять, отчего умер их сородич. И они сгрудятся возле него, подставляясь.

Нет у них подготовки.

– Двое.

– Трое. Справа.

– Работаем.

Винтовки ударили в унисон, трое повалились.

– Третий, четвертый, минус три в центре. Один мертвяк двигается...

Тем временем бывший чеченский милиционер по имени Иса, увидев, что происходит на улице, решил, что надо валить.

Его биография была обычной, а винить его – все равно что винить волка в том, что ему хочется мяса. Из горного села, на взятку, чтобы поступить в школу полиции, собирали всем селом. Отучился в Ростове-на-Дону, там совершил групповое изнасилование. Это делалось по приказу старших, потому что если на человека ничего нет, то он сам по себе опасен.

На то, чтобы поступить в козырное управление – денег не хватило, начал обычным районным опером. Конечно, брал, большую часть отдавал начальству – если бы он был честным, его бы выгнали из полиции. Тут ему подфартило – приехал Мунаев, большой человек. Встретили как положено, барашка зарезали. Мунаев спросил, почему такой грустный. Выслушав проблему, сказал: «В коллекторы хочешь? Деньги потом отдашь, как заработаешь».

Так Мунаев оказался в козырном управлении по борьбе с экстремизмом ФСБ. Борьба заключалась в том, что на кого покажет начальство – тот и экстремист. А книжки или флешки подкинуть – нет проблем.

Обычно экстремистами становились дети тех, кто много говорил или долги не отдавал. Потому и коллекторы.

Когда началось – он в Городе был, хорошо, Аллах крепости руке дал в своих стрелять. Ведь это чужого просто завалить, если еще и кафира. А на своего как рука поднимется? Еще и кровная месть будет.

А что делать, если он на тебя идет, и глаза... как шайтан поселился.

Уцелевшие ушли в горы, там переждали. Потом спустились, начали

думать, как дальше жить.

Самое простое – жить, как предки жили, набегам. Грабить неверных.

Полковник оставил их с группой заслона на станции, ждать их из Харькова. Но они решили: зачем сидеть на станции, если можно по окрестностям пошмонать? Вот, нашли живую деревню русистов, рабов взяли. Мунаев уединился с бабой, решив – гулять так гулять.

А теперь вот он смотрел на улицу и видел, как братья мертвые лежат. Один из них был из спецназа.

На улице никого видно не было, не слышно было выстрелов. Мунаев понял, что работают снайперы.

Решение пришло само собой – валить огородами. Нехрен разбираться... у него есть пистолет, автомат, если че, три полных рожка, и к пистолету два – пистоль турецкий, не ПМ там какой. Отобьется, если только монстр не попадется, найдет транспорт, доедет до своих...

И больше Мунаев ничего не успел понять, потому что на голову что-то тяжело опустилось сзади, в глазах сверкнуло, и он провалился в темноту.

– Первый, машина. Первый – машина.

– Вижу.

Машина была «Газель», но на усиленной подвеске и с какими-то странными, но явно заводскими фарами, похожими на фары армейского «УАЗа». Кабина двойная.

– Работаю по движку.

Хлопнула СВД, еще раз – машина начала терять скорость.

С пассажирского места выскочил абрек с автоматом, дал длинную очередь неведомо куда. Бросился бежать в поле, поскользнулся, упал.

Второй – с водительского – бросил автомат, заголосил:

– Не стреляй, брат, да! Я сам мент! Я сам мент!

– Третий, вижу зомби. Больше движения нет.

– Убери его.

– Плюс... зомби нет, движения нет.

Самое главное тут – не поспешить. Сейчас сотовой связи нет, подмогу не вызвонишь. Но, с другой стороны, могут по договоренности подъехать. Тогда хреново.

– Однерка – Глазам, движение видите?

– Минус, движения нет.

– Однерка – всем, иду к центру села. Двойка, контролируй другую сторону.

– Я двойка, у нас тут пленные, трое.

– Принял.

Я кивнул своим.

– Пошли.

Перебежками, целясь во все стороны, двинули в село. Дорога прямая, просматривается – но береженого бог бережет.

Двое бегут – двое лежат. И так по десятку, по два метров.

– Движение справа!

Я был как раз справа, вскинул автомат.

Баба. Едва на спуск не нажал – расхристанная, но живая. Похожа на зомбака, если честно. Палец едва сдержал.

– Лежать!

Чтобы было понятно – выстрелил рядом с головой.

– Ложись!

Если не ответит – буду валить.

– Не подходи! Убью!

Живая.

– Ложись! Работает спецназ!

– Не подходи!

Точно живая.

– На месте всем!

Начал подходить, целясь.

– Ложись, дура. Убью ведь!

Что с ней сделали?

– Свои мы. Русские...

Баба смотрела на меня и тихо тряслась. Хоть на землю села...

Пришла в себя она только после двух глотков водки, назвалась Люба. Тут их было одиннадцать человек, считая двух детей. Одна старшая, другой малый совсем. Старшую, понятное дело, изнасиловали...

Я мрачно посмотрел на сидящих под стволами пленных. Ладно, сейчас и с ними разберемся, никто не уйдет...

– Вы вообще кто такие?

– С города мы, коммуна у нас тут. До... этого еще переселились. Решили на земле, на природе жить.

Это надо же.

– С какого города?

– С Питера.

Е-мое...

- Давно тут?
- Как началось.
- Крышует кто?
- Раньше Дикий был. Потом убили его.
- Давно?
- Не знаю. Месяца три, наверное. Может, четыре.

Меня передернуло. Все никак не привыкну, что на диких землях не ведется счет времени. Мы ведем, а они – нет.

- Старший у них кто?

Она показала.

- Этот.

- Чем ты его?

- Утюгом...

- Молодец.

– Он увидел, – зачастила, – увидел, как эти... как вы... к окну. Я его... утюгом...

- Молодец.

Она вдруг разрыдалась – некрасиво, истерично, как прорвало. Всем нам было не по себе от этого...

- Ну ладно, ладно. Вот, выпей... Выпей еще.

Вляпался.

- Послушай... послушай...

Люба ревела... пришлось вlepить пощечину. От пощечины она замолчала – как выключило.

- Мы с Урала. С Ижевска.

- Откуда?

- С Ижевска...

Я оглядел пацанов – всех, кроме тех, кто был на фишках. И все они как один едва заметно кивнули.

– У нас там... нормально, в общем. Плохо, но нормально. Рабов нет, бандитов нет, мы по-людски живем. Хочешь, поедem с нами. Мы домой едем.

Она лупала глазами.

- Но... нас одиннадцать человек... и корова...

- Какая корова?

- Майка.

- Какая еще майка?

Я не понял, что Майя – так корову зовут.

- Коро-о-ова... – Люба снова разревелась.

– Корову придется оставить. Там возьмут тебя в колхоз, будет у тебя и корова. Тем, кто с детьми, первотелку бесплатно дают...

– Я ее не брошу... мы... только с ней и выжили... не брошу...

Я посмотрел на Сома, Сом пожал плечами:

– Вагон есть пустой. Загнать корову, травы кинуть, пусть с коровой едут. Молока попьем.

Тоже верно.

– Ладно, – решил я, – берем и корову. Собирайтесь.

Эти были чеченцы, я это сразу просек. Они от аварцев отличаются... чем? Помотаетесь – поймете, но отличаются.

Старший у них фээсбэшник был – при обыске ксиву нашли. Старший опер. Зачем носит? А затем, что на Кавказе очень важны любые знаки, которые показывают превосходство их гордого обладателя над безответным быдлом. Если завтра постановить, что каждый, кто считает себя старшим, должен вырезать на жопе в штанах дыру, чтобы пятая точка была видна, и так ходить – все кавказцы завтра же это сделают.

Лет тридцать, может, с чем-то. Немного, то есть, старший, но не совсем. Что-то вроде капитана или майора. На Кавказе важно и старшинство, потому младший по возрасту – никогда не будет главным над старшими.

Но сейчас всякое может быть.

– Нохчо ву?

Ничего не ответил. Но вижу, что понял.

– Хья це муха ю?^[45]

Не отвечает. Безымянным хочет подохнуть.

– По-русски понимаешь?

Молчание. Я достал пистолет и направил бандиту в пах.

– Что надо?

– О. Заговорил. Амир кто? Сколько человек в банде?

– Тысяча скажу – поверишь?

– И где мы вас хоронить-то всех будем... Амир кто?

– Мунаев. Полковник Мунаев.

– Полковник чего?

– ФСБ. Он настоящий полковник. Слушай, брат, а ты кто?

Я ударил пленного ногой в пах.

– Еще раз братом назовешь – кастрирую...

Постанывая от боли, чех все же торговался за жизнь, они вообще прирожденные торговцы. Не стали бы воевать – богатыми были бы, эти

евреи Кавказа.

– Мужик... ты чего делаешь, да... ты с какого гурта?^[46] Мы здесь по приглашению... старшие пригласили, безопасность... обещали.

– Пригласили баб насиловать?

– Ты чего... за баб, что ли? Нам рабы нужны... если твои... то ради Аллаха прости... не хотели чужого брать.

– Рабов надо? Сколько у тебя их?

– Один по дому ходит... двое за скотиной смотрят... мужик, не надо... ты чего.

– А хочешь, мы к вам придем? Ваших баб раком поставим? В ваши дома зайдем? Хочешь, чтобы так было?

– Так не бывает... баран волка не кушает.

– Баран, говоришь.

– Извини, мужик... к слову. Я тебя не имел в виду.

– А зря. Я тебя уважать уже начал. А ты юлишь. Не хочешь стать шахидом на пути Аллаха и войти в высшее общество. Позоришь нацию.

– Откуда знаешь?

– Я этого дерьма, знаешь, наслушался.

– В горах был? Полковник Мунаев тебя найдет... под БТР положит.

– Да ну...

Я улыбнулся.

– Знаешь, давно это было... у вас обычай такой был. По-моему, крест назывался. По пуле в каждое колено и в каждый локоть. Не помнишь такого?

Я достал пистолет, из него достал магазин, посмотрел. Чех побелел, но по-прежнему смотрел на меня с неукротимой ненавистью.

– Патроны дорогие сейчас, да?

– Потому сделаем мы вот что.

Я показал на ждущих своей участи оставшихся троих.

– Исполняйте, пацаны.

Один из чехов, поняв, что его ждет, завизжал и штаны намочил. Другой молитвы читал. Третий стоял молча – не сказал ни слова, даже когда петлю накинули. Уважаю таких...

Всех мародеров, насильников и грабителей, которые были к тому времени еще живы, мы повесили.

Есть, кстати, много способов повесить человека. Быстрый – это когда скользящую петлю делаешь и вешаешь так, чтобы казнимый упал с высоты

– тогда у него шея ломается и смерть наступает мгновенно. Можно медленно – чтобы казнимый умер не от перелома шейных позвонков, а от удушья. Тогда высоту совсем небольшую оставлять надо. Есть по-бандеровски – палач вешает казнимого на своем плече. Можно вверх ногами повесить – тогда человек от кровоизлияния в мозг умрет, а перед этим будет мучаться. Можно повесить при помощи автомобиля – это удавку накинуть и поехать медленно.

Я до того, как все это началось, не знал ни одного из этих способов. А теперь знаю все. Это мы в вятских лесах таким образом с зэчем оборзевшим разбирались, зэков вешали. С ними по-иному бесполезно, с ними только так. А если у кого жалость проснулась – вы в поселках леспромхозовских не были, где зэки власть взяли. А я там был.

Этих мы повесили «на цыпочках» – это когда человек может ослабить давление удавки, если встанет на цыпочки. Но так как на цыпочках все время стоять невозможно, человек рано или поздно сдается и медленно умирает. Очень медленно. Один зэк три часа умирал.

Но эти были слабаки – полчаса хватило. Подох сначала один, потом еще один, потом еще. И, понятное дело, обратились. Но так как руки у них были связаны, пойти жрать они не могли и бессильно дергались в петлях, как куклы.

Чех, похоже, с ума сошел, он болтал что-то на своем... дуа, что ли, читал.

Я достал блокнот и ручку, написал несколько строк и сунул в нагрудный карман формы чеха. После чего зарядил пистолет.

– На пару патронов я все-таки разорюсь...

Полковник Мунаев тронулся в обратный путь, формально договорившись, – но думы у него на деле были тяжкие.

Русским нельзя было доверять – они были не мусульмане. Аллаха не боялись. Потому с ними дела иметь было нельзя. Если знаешь, что человек боится Аллаха, он как зурна. Все что угодно на нем можно сыграть. А если не боится – может все что угодно быть.

Человек без Аллаха в душе – как граната с выдернутой чекой.

Вместе с Мунаевым ехал некий «коммандер аль-Шишани», что значило – командир из Чечни. Он до того, как все началось, работал на турецкую разведку, тренировал бойцов Исламского государства и имел с ними дела. Его отец был боевиком, совершил хиджру в Турцию, когда русисты второй раз в Чечню зашли.

– Что скажешь?

– Взять можно. Удержать сложно будет.

Чеченцы экспериментировали с рабами-смертниками, с живыми ингимаси^[47], но эксперименты пришлось свернуть – людей не хватало.

– Если верхушку завалить.

Полковник цокнул языком:

– Не поможет. Хохлы служить не будут, они не такие, как русские. Для них мы чужие и всегда будем такими.

– Тогда зачем с ними дело иметь? На Волгу идти, там правоверные.

Полковник резко обернулся к бывшему ИГИЛовцу:

– Сам-то видел этих правоверных?!

– Там за ваххабизм смертная казнь, сами муслимы и исполняют. Бидаатчики там. Нет правоверных!

– В леса зайти, – не сдавался аль-Шишани, – никогда не найдут.

– Иди. А я посмотрю. Только учти – там адвоката не будет, найдут – кончат как собаку.

Полковник посмотрел на часы.

– Намаз...

Колонна остановилась. На багажник поставили кассету с уцелевшей записью намаза в пакистанской Красной Мечети...

Место, где они должны были встретить группу заслона, пустовало, только одна машина там была. Выслушав молодого Ибрагима Ганиева, полковник вышел из себя и ударил его кулаком в лицо, назвав сыном осла и придурком. Потом приказал развернуться по-боевому – то есть пулеметы елочкой.

Место, куда ушел этот ишак Дауд, чтобы его отец в гробу перевернулся, нашли почти сразу, по дымам. Горели дома, горели машины на единственной улице села, огонь жадно пожирал свою добычу.

– Движения нет, – доложил аль-Шишани.

– Русик... – приказал полковник.

Невысокий худенький парень соскользнул с подножки и растворился в траве – это было его особенностью, он как-то умел моментально приспособливаться к среде. Он носил необычный для снайперов охотничий «Меркель» трехсотого калибра, патроны к нему крутил сам. И не промахивался...

Зайдя, никого не нашли, кроме мертвых, живой был только Дауд, а все мертвые были чеченцы. Дауд был привязан к дереву, и локти у него были

прострелены. Инвалид теперь человек – полковник понимал, что руки придется, наверное, резать.

Аль-Шишани выслушал рацию.

– Русик лежку нашел. Два человека, у одного СВД, у другого иномарка какая-то была.

– Как это произошло? – обратился полковник к Дауду.

Дауд смотрел на полковника – и тому не понравилось то, что он видел. Чеченец не должен испытывать страха. А Дауд испытывал страх – он был в его глазах.

– Убей, – выдавил он, – ради Аллаха, убей.

Из кармана торчал белый клочок какой-то бумаги, амир достал его – это оказалась записка. Написано было по-русски, почерк ровный.

«Общая беда могла нас сблизить и сделать кровными братьями, но сделала кровными врагами. Вы решили, что вы волки, а мы овцы – но это мы волки. Это наши леса, наши поля, наши дома. А вы – беспородные дворняги, забывшие свое место. То, что ты видишь сейчас, произойдет со всеми вами, со всем вашим народом. В живых не останется никого из вас. Пусть тот, кто остался в живых, расскажет вам о нас. Можешь делать что хочешь, но твоему народу все равно не жить. Перебьем до последнего человека».

Полковник, стараясь казаться невозмутимым, сунул записку в карман.

– Сколько их было?

– Много... – Дауд кривился от боли. – Спецназ был.

– Спецназа больше нет.

– Аллахом клянусь, спецназ. Ради Аллаха, убей... не могу больше.

Полковник махнул рукой.

– В машину его. Этих тоже – на своей земле похороним. Уходим, быстро. Сожгите здесь все...

Чеченцы направились к домам. Один из них почти сразу задел настороженную в траве растяжку...

Бывшая Россия. Тамбовская область

Девятьсот шестьдесят восьмой день Катастрофы

В Тамбовской области произошло два знаменательных события. Первое – на нас серьезно напали твари, и второе – я познакомился с людьми, которым бесплатно отсыпал патронов и оружия дал. Последнего я не делал уже три года, с тех пор, как все началось. Да и до того – за мной

благотворительности не замечалось.

Шли мы медленно. Железка, за исключением редких ее участков, не осматривалась года три, и что с ней могло за это время произойти – известно одному лишь богу, а тот нам не говорит. Плюс, конечно, то, что все эти три года и поезда не ходили. Мы специально поставили быком относительно легкую «машку», а спереди еще поставили две открытые платформы, на одной оборудовали огневой пост с ПКМ, на другом сидел Саныч и смотрел, что с рельсами. Машинист шел малым ходом, и если Саныч, наш главный логист, давал знак – тут же останавливал, и мы шли вперед, проверяли, что с рельсами. А дежурная смена огневого поста смотрела по сторонам, прикрывая от возможных проблем, которые не едят человечину (хотя говорят, что и едят), но зато могут иметь АКМ... да и старая «мосинка» сойдет для создания нам проблем.

А нам проблемы не нужны.

В некоторых местах под насыпью есть небольшие тоннельчики, это чтобы вода не скапливалась и не подмывала пути. Их не видно ни хрена. А тем более не видно, что там. Или кто там.

Я как раз в кабине локомотива задрях. Привычка быть всегда впереди не позволяла ехать в вагоне, а место там есть – подложил ватник и отрубился. Поезд идет, движок бухтит на малых... так когда-нибудь и до дома доедем. Проснулся от выстрелов... не сразу понял, что произошло.

Схватил свой обрез из ручного пулемета, выпрыгнул из кабины, чуть лодыжки себе не сломал. Жесткое приземление разбудило окончательно, и я захромал к месту происшествия.

– Что, на...

Все молча расступились – значит, погиб кто-то.

– Обстановку кто сечь будет – Пушкин? По местам!

Андрюха.

Один из молодых. Парень из деревни, пришел на завод. Лучшее, что может дать наша деревня – бесхитростный, исполнительный, сильный как бык. Точнее, хитрость-то в нем была. Деревенская такая хитрость, когда после десяти минут разбора полетов хочется дать в морду. А как дашь такому здоровяку.

Тварь атаковала, когда они шли по путям. Она и валялась как раз на той стороне путей, в нескольких шагах от насыпи – по ней врезали из всего, что было, от ПКМ и до «Вепря-12». Какой-то гибрид ящерицы и обезьяны, не хочу смотреть даже. И явно опытная: она атаковала только одного, и атаковала в голову – чтобы атакованный не смог обратиться, иначе твари такое мясо ни к чему. Андрюха был парнем исполнительным и

потому носил шлем, способный защитить от пули – «Сферу» с титановыми пластинами, старую, но действенную. Тварь ее не смогла прокусить – но в атаке сломала шею и почти оторвала голову. После атаки она попыталась скрыться – явно рассчитывала на то, что люди убегут и оставят мясо ей. Видимо, это было не в первый раз, просто она не сталкивалась с сыгранными и хорошо вооруженными СОГ^[48].

Вот так вот, Андрюха. Все ты делал правильно, но бывает и так – не сvezло просто. Как я семье-то объяснять буду? А?

Перекрестился, сказал – заворачивайте. Пошел обратно к поезду.

А на следующий день мы набрали на анклав живых.

Как получилось так, что в Кирсанове, городе на востоке Тамбовщины, через который шел наш путь, остались выжившие? Да все, в принципе, то же, что и у нас, только в масштабе меньшем – решительные люди и оружие. Все.

Если немного отвлечься – почему такого не произошло по всей стране? Я вот тоже никак не могу понять, почему. Точнее – не мог. Я как-то раз вспомнил, как я совсем пацаном – в деревне, где я отдыхал летом – спорил с дедом Григорием. Я был из города и был демократ, а он был из села и был на сто один процент коммунист. А спорили мы относительно того, в чьих руках должна быть торговля – в государственных или в частных. Я доказывал, что в частных, потому что без частного интереса или всем будет пофиг, или будет воровство. Дед Григорий доказывал, что торговля должна быть в государственных руках, чтобы не было больших наценок, он как-то не мог уложить в голове – как это всем пофиг и как это воровство? Он не мог понять, как такое бывает – из общего воровать?

Наша страна воспитала особый тип человека – советского человека. Это полная противоположность американцу – если американец индивидуалист до мозга костей, то наш – общинник. Воспитал-таки СССР себе граждан – а потом дал дуба, а граждане остались. И они до сих пор на подсознании думают, что об их безопасности должен заботиться кто-то, государство в идеале, а не они сами. Причем бесплатно. А тот, кто покупает оружие – тот подозрительный, потому что безопасность обеспечит государство, а самооборона... это от своих, что ли, получается?

Вот и получилось так, что в критический момент слишком многие оказались беспомощными и до последнего сидели в своих квартирах и ждали помощи. Но это не только у нас, в Европе еще хуже. В Великобритании, например, любой предмет, которым ты самообороняешься, может быть приравнен судом к оружию, и ты можешь

получить срок. Самообороняться нельзя. Надо принять позу эмбриона и ждать помощи от государства.

Только вот Тамбовщина – регион особый. Тамбовские в свое время Питер держали, это не шутки. Ижевск, кстати, тоже – у нас четырех воров в законе в девяностые убили...

Так вот, когда я увидел движение на вокзале – я поверить просто не мог такому. Еще меньше верилось в то, что почти половина из тех, кого мы видели, пацаны.

На станцию не пошли, встали на границе станции. Пулеметчики залегли за мешками с землей и гравием. Я спустился из кабины.

– Чо там?

– Гляньте. Позиции занимают.

Да... дела. Один на крыше залег. С другой стороны, силой прорываться – зачем?

– Флаг мне! – крикнул.

Подняли русский флаг и наш, удмуртский. Но дальше не пошли. Через какое-то время появилась на путях делегация. Два «калаша», два СКС, ружье – полуавтомат турецкий, кажется. Шпанята совсем еще. Младший, похоже, несовершеннолетний... хотя какие сейчас несовершеннолетние нахрен? Можешь оружие держать – уже совершеннолетний.

Я пошел по путям навстречу. Сом и еще один из наших пошли со мной.

Встали – в нескольких метрах друг от друга. Агрессии нет – просто смотрят с любопытством. Потом старший, лет двадцати, спросил:

– А вы русские или бандеровцы?

– Русские.

– А зачем флаг бандеровский?

– Какой бандеровский?

– Ну тот... черно-красный.

– Какой бандеровский? – недоуменно повторил я. – Это флаг Удмуртии^[49]. Ты где бандеровцев увидал, парень?

– А... ну тогда извините.

Я пожал плечами:

– Забыли. Проехать тут у вас можно?

– Можно.

Так получилось, что мы тут задержались.

И так получилось, что я хорошо знаю такие городки... в юности я все

лето проводил в деревне. Юрьев-Польский район, Владимирской области. Родной Юрьев-Польский, город на отшибе Золотого кольца, единственный, где сохранился домонгольский православный храм. В храме этого города меня окрестили. И хоть я, наверное, плохой христианин... но без Божьего заступничества, наверное, и жив бы не был.

И хоть можно было проехать – мы остались.

Зажгли для нас костер, начали готовить – мы, понятно, тоже с пустыми руками не пришли, а я только молча удивлялся – а почему тут рабов не завели? В других местах – так только в путь.

Жив был и город и окрестности. В городе кустарщина всякая, ремонт, остатки медицины и образования – кстати, и то и другое на удивление неплохое. Отряды самообороны, что удивительно, и пацаны тоже организованы во что-то наподобие пионерии, но – с оружием. Везде установлены столбы с лампами, если что – они зажигаются, и все спешат на помощь туда, где что-то случилось. Есть сбор – часть урожая сдается и потом частично идет на обмен и на торг, частично выдается самым нуждающимся.

Маленький коммунизм в одном отдельно взятом.

Встретились с местной властью. Председатель Совета народных депутатов – Сергеев Василий. Добрейшей души человек с ружьем в кабинете. Поговорили, примерно прикинул я, сколько у них людей и что они могут. Предложил контролировать пути, чтобы не разбирали, и здесь открыть что-то вроде торга, специально с нашей продукцией машиностроительной – для всей округи. Печки, лопаты, тиски – все сейчас продукция первой необходимости. Не говоря уж о ремкомплектах для движков «КамАЗа» и МТЗ-80, которые делают в Челнах и в Елабуге.

Оставил им оружие, трофеи все оставил, что с чеченов взяли и раньше. Положил еще «Егеря», снайперского, под «мосинский» патрон, которым и с полукилометра в бутылку с первого выстрела попадаешь. Пусть останется этот анклав, пусть у них все будет.

Бывшая Россия. Канаши, Мордовия

Девятьсот семьдесят первый день Катастрофы

Со всей Земли
Из гнезд насиженных,
От Колымы

До моря Черного,
Слетались птицы на болота
В место гиблое.
На кой туда вело –
Бог-леший ведает.
Но исстари
Тянулись косяки
К гранитным рекам,
В небо-олово.
В трясину-хлябь
На крыльях солнце несли,
На черный день
Лучей не прятали,
А жили жадно –
Так, словно к рассвету расстрел.
Расстрел!
Транжирили
Руду непопадая,
Любви ведро
Делили с прорвою,
Роднились с пиявками
И гнезда вили в петлях виселиц.

Алиса. «Шабаш»

В Канаше должны были быть проблемы. Их просто не могло не быть...

Канашско-Зеленодольский железнодорожный узел был стратегическим, как и наш Агрыз, это крупная станция, через нее шли пути как по линии Север – Юг, так и по линии Запад – Восток. Это крайняя остановка перед Казанским узлом, в котором я был уверен, потому что там, в Казани, действовали наши группы поиска^[50] и дорога до Казани и дальше, до Зеленого Дола была точно жива. Только это соображение заставило меня идти северным путем, на Казань – Агрыз, а не южным, через Саратов и Сызрань.

Проблема в том, что там же был и торг. Причем не цивилизованный, как в Новгороде, а полностью бандитский.

Почему так вышло? А хрен его знает, если честно. Десять зон там

было, самая известная – в поселке Сухо-Безводное, плюс – так получилось, что туда ушли те зэки, с которыми мы разбирались в Пермском крае и в Вятке. Плюс – почему-то именно в Нижнем Новгороде оказалось немало ваххабитов, как на воле, так и на зонах. Некоторые зоны оказались сплошняком зелеными.

Как такое может быть? Я бы скорее задал вопрос – как такого могло не быть. Всем известно, что в колониях верховодит отрицалово со своими блатными законами. У нас в Удмуртии, кстати, с этим еще нормально было – по особо тяжким у нас почти никто не сидел, а если кто поросенка сыздил, так это тот же крестьянин, ему что блатной закон, что любой другой – параллельно. Его надо просто уметь наказывать, если его за кражу поросенка свои же отходят как следует – это для него более тяжкое наказание, чем два года сидеть на государственной шее. Отрицалы не выполняют распоряжения администрации, нарушают режим, у них есть своя иерархия, в самом низу которой – чушкари и петухи. Отрицалы в любой момент могут подняться на бунт, стоит только блаткомитету принять такое решение. Понятно, что администрации такое на фиг не надо. Но вот в последнее время в зоны стали все чаще и чаще заезжать те, у кого мозги промыты радикальным исламом. С Кавказа в основном либо с центральных областей, которые получили гражданство. Сначала их было немного. Но потом стало достаточно, чтобы диктовать свои условия. Они провозгласили, что блатная иерархия для них ничего не значит и если тот же петух принял ислам, то он перестает быть петухом и становится для них братом.

Понятно, что блату это не понравилось. Но понравилось администрации. Действительно, с новообращенными мусульманами обстановка в зонах оздоравливалась – они читали Коран, не проявляли склонности к бунту, плюс появлялся противовес блатным, о котором любой кум мог только мечтать. Так что во многих зонах возникли тюремные джамааты, силой не уступающие, а то и превосходящие блаткомитеты. Понятно, что лилась кровь – но администрация почти везде была на стороне зеленых.

Проблемы начали появляться не сразу – один откинувшийся, русский, ООР^[51], на воле собрал бомбу и собирался взорвать ее на площади в Вологде, во время празднования дня города^[52]. Следователям ФСБ – а взрыв удалось предотвратить – он пояснил, что настоящий мусульманин – это тот мусульманин, что совершил теракт. Следователи бросились в зону, где натолкнулись на явное противодействие администрации колонии.

Оказалось, что колония сплошняком зеленая и контролируется джамаатом. Сидельцев разогнали по разным зонам, чем сделали только хуже – тут зараза, так теперь ее по всему свету разнесли. Но что-то сделать официально было нельзя: подстрекательство не докажешь, а препятствование заключенным в отправлении их религиозных обрядов – это нарушение прав человека. Если собирать всех мусульман в одной зоне – тоже мало хорошего, потому что кто-то исповедует традиционный ислам, а кто-то радикальный, и зона получается рассадником ваххабизма. Ничего придумать так и не успели – началась Катастрофа, и все закончилось.

Все, да не все.

Получилось так, что вражда выживших продолжилась – блатных с джамаатовскими. Блатные сконцентрировались на станции Канаш, а джамаатовские – на татарском Зеленем Доле. Отношения между ними были... ну примерно как между семьями Монтекки и Капулетти, если вы понимаете, о чем я.

И там и там был торг. Только там типа халяльный, а тут – харамный. И надо было выяснить, что с мостом...

Машины сгрузили. Из оружия взяли все, что есть и что можно с собой унести. Поезд загнали на полустанок, в качестве прикрытия оставили, замаскировав в полукилометре, бронетранспортер. Если начнут грабить – живой бронетранспортер, тем более пушечный, будет неприятным сюрпризом.

А на торг БТР я и брать не подумал – за него и замочат.

Построились.

– Все готовы?

Молчание.

– Значит, напоминаю всем – на канашском торге ход воровской, почти что беспредельный. Потому – держаться друг друга, никуда грабки не совать. Ни в какие терки не влезать, отмалчиваться.

В терки не влезать – это даже важнее, чем руки не совать. У блатных есть настоящие виртуозы, которые могут на ровном месте обвиновать и должником сделать. А на Канаше на базаре не съедешь, если что, и, в отличие от Ульяновска, друзей у меня тут нет.

Наша задача – разведать мост, пройти по нему и договориться на будущее. Не воевать. Не спасать мир. Просто пройти. Отдельно – тебе, Паша, теперь ты почти женатый человек. Больше никого не спасай.

Смешки.

– Все мужики, с богом.

Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: все валилось и дряхлело, все пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожара или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и все воеводство.

Н. В. Гоголь. «Тарас Бульба»

Я про Гоголя начал не применительно к жидам. Просто вот мы сейчас едем – и сразу видно, где ход людской, а где – воровской.

Ход людской – там тоже ведь налоги собирают, и немалые. В виде госпоставок. И не всегда добровольно – у нас за несдачу госпоставок принудительные работы, правда, не на торфе, а в городе: дрова, уголь, торф разгружать, канализацию и отходы вывозить. Но все понимают, что госпоставки – они нужны и в село вернутся.

И потому и скотина на полях есть, и дома подновляются – у нас даже есть, где строят. Все понимают, что будущее – есть, а что сверх поставок – то твое и никто это не отберет. Отберет – на торф отправят или расстреляют.

А вот где ход воровской...

Воры – они ведь даже думают по-другому. Они всегда живут одним днем и о завтрашнем не думают. По их закону, который никто, впрочем, сейчас не соблюдает, вор вообще не должен иметь никакого имущества, он должен жить только тем, что украдет у людей. Вор не должен и работать – вообще никем и никак, на предложение работать вор отвечает – пусть лошадь работает, она сильная. Воровской закон – это в чистом виде идеология паразита.

Конечно, многое не так – с девяностых многие воры начали сначала крышевать бизнес, потом одни начали владеть, а другие отжимать – это рейдерство называлось. Но все равно нутро воровское осталось. И как только стало можно все...

– Колонна, стоп...

Привычно – беспилотник на крышу... все-таки хорошо придумали машину сверху сеткой-рабицей покрывать. Там ведь и ехать можно, и вещи

принайтовить, и монстр не прыгнет, а прыгнет – ничего не сделает, и БПЛА есть откуда поднять, не вылезая из машины и не ища площадку под взлет...

Знакомое жужжание моторчиков.

– Птица пошла...

Плывет земля на мониторе...

Я в Канаше не был, но были наши разведчики – неофициально, скажем так. Так что есть минимальное представление.

– Твою мать! Тварь, справа от нас, триста! Кусты!

Туда ударили с нескольких стволов. Тварь бросилась...

– Вправо!

– Легла! Она легла!

Вот и хорошо. Надо круг сделать...

Квадрик идет выше... так... а это что?

– Еще тварь. Прямо от нас, восемьсот.

– Не вижу.

Залегла...

– Готовность! Я птичку спущу!

Твари – они глупые, если над ними движение – бросаются...

Ниже... Еще ниже...

– Пошла!

Дудухнул крупнокалиберный.

– Она легла.

Вот так. Две твари. Я опустил квадрик вниз... на собаку похоже. Да, так и есть. Правильно, значит, говорили – углы спецом против джамаатовских вырачивают монстров из собак. Говорят, они зоновских овчаров откормили. Понятно, почему – по шариату, укушенный собакой не попадает в их там рай.

Интересно, а укушенный монстром? Или зомби? Не знаю, раньше таких проблем не было, наверное, придумали что-то. Хотя в Коран вносить изменения запрещено – мнение авторитетного человека, закончившего медресе, тоже считается.

Интересно, а там кто-то выжил или нет? Я имею в виду, на Ближнем Востоке. Доходили слухи, что мало кто выжил, там ни у кого оружия не было, одни сплошные зомбятники. Еще и то сыграло роль, что расселение очень плотное – у источников воды. Но с другой стороны – а как же Талибан, Аль-Каида, Исламское государство? Там ведь стволы были у всех, как и навык их применять. Интересно, как выглядит сейчас Афганистан и пакистанская Зона племен. Там ведь у каждого ствол, и горы.

Это не праздный интерес. По Каспию они пойдут сюда. Может, уже

идут.

- По периметру чисто, иду дальше.
- Принял.
- Смотреть по сторонам.
- Принято.

Так как я работаю с БПЛА – Саня-ВВ полностью принимает командование. Он же постоянно со мной на связи на выделенном канале, чтобы сразу получать информацию с беспилотника, что вокруг делается.

Квадрик плывет над землей, плохо, что лето, зеленка – видно реально хреново. Ничего не пробьешь. Вон, кажется, бригада на поле, рабы пахнут, а вон джип китайский стоит, и около него пацан со стволом. Это надсмотрщик.

Ага, увидел! Скинул автомат, прицелился!

Не стреляет. Просто дает понять, патроны дорогие на такое тратить. И понимает, что не попадет.

А вон и дымы – это сам Канаш. С паровозов электричество получают...

Несмотря на то, что Канаш был местом откровенно бандитским, меры к обороне города предприняли немалые. Силами рабов и техникой прокопали сплошной ров, отвели туда воду из реки и поставили еще колючку. Зомби точно не пройдут, монстры тоже – ни те ни другие не могут плавать, тонут сразу.

На канаву положили стальной пролет. Пускали по одной машине.

Мы остановились перед пролетом, там на той стороне стояла пара вагончиков и БРДМ – но понятное дело, для понта, если только у них кого с армии или ВВ нет. Дежурства не было нормального, а на ту сторону послали пацаненка, стремящегося. Лет пятнадцать.

Я, кажется, уже говорил, что блатных не люблю.

Увидев наши машины и особенно пулеметы, парнишка малость притух, сразу было видно, – но опустить себя и город перед своими, возможно смотрящими из окна, было недопустимо. Потому подошел он бодро.

- Кто такие? Куда подходите?
- «КамАЗ», – назвал один из возможных вариантов я.
- А не гонишь? – прищурился пацан. – Так-то на погона похож.
- Гонят говно по трубам, – сказал я, – сдерни, пока не огреб. Кто у тебя автор^[53], гони его сюда, в темпе.

Пацан решил, что возможности его вести с нами диалог исчерпаны, и

побежал на ту сторону к вагончику – за старшими. Я переглянулся с Сомом, тот кивнул.

Сомяра развел по понятиям – отдали сто патронов 7,62*39 и прошли. Даже дешево – за две машины и столько рыл со стволами...

Дальше был мрак...

В смысле, базар – вокзал типа, если привык к такому – то не страшно уже. Но в таких местах ты кожей чувствуешь, что упорешь косяк или просто проявишь слабость – и на тебя кинутся все.

Не блатных в городе нет. Только бабы да шестерня – это те, кто прислуживает блатным, их можно узнать по рваной одежде и повадкам забитой собаки. Любой может сделать что угодно, единственно – потом придется тереть с хозяином.

Через каждые три дома – какая-то забегаловка, подчас самая примитивная. Около нее – машины, даже без топлива, сидят на корточках мэны, музыка играет. Возраст самый разный – от засиженных стариков до совсем еще шпаны. Большинство – лет двадцать, тридцать. Повадки почти у всех – сидявые.

Откуда тут это все?

Еще до того... до всего этого, короче, я, когда учился в школке, нас пугали беспределами в Казани, мол, там на улице и убить могут. Потом к нам в школу пришел парнишка как раз с Казани, Равиль его звали. Нормальный пацан, не быковатый. Но время от времени... например, он рассказывал, что как-то раз, чтобы отомстить учительнице, он улучил момент и нассал ей в сумку. Мы тоже были не ангелами... наш класс установил годовой рекорд школы, сорвали восемнадцать уроков, дошло до того, что завели специальный дневник по поведению всего класса, и староста класса после каждого урока подавала дневник учителю, чтобы тот вписал мнение о нашем поведении... хотя ни хрена это ничего не дало, если честно. Но нассать в сумку... как-то нам в голову не приходило сделать такое. А Равиль рассказывал, что учителя можно и избить... мы только удивлялись суровости казанских нравов.

Потом были девяностые и Хади-Такташ, известные даже в Москве. Потом – пошли нулевые и новые темы – например, в Набережных Челнах открыли медресе и там почему-то стали преподавать галимые ваххабиты. Потом пошел и межнац – хотели татарский включить в ЕГЭ, центр не дал, тогда начались просто угрозы – не сдадите татарский, на второй год оставим. Я это от Алисы знал – она много чего порассказала о прикладном национализме титульной нации. Короче говоря, весело тут всегда было.

Но сейчас стало совсем весело.

Вон, сидят торчки, клей, видать, нюхают с пакета. Значит, точка тут...

Короче, дошли до рынка, не мудрствуя лукаво, спросили, кто смотрящий и где его найти можно. Вопрос конкретный, не ответить нам на него не могли, провели в вагончик. Там сидел деловар такой, пиво пил.

– Откуда? – коротко осведомился он.

– С «КамАЗа».

– Пятнадцать за точку в день, если шмот. Жратва – двадцать пять, – конкретно объявил он.

– Нам не торговать, нам пройти. Мост цел?

Смотряга почесал лысую голову.

– Цел, если ушлепки бородатые с той стороны не разобрали. Чего везешь?

– Семь тепловозов, одиннадцать вагонов. Но товара нет почти, тепловозы и вагоны и есть товар.

Смотряга явно озадачился.

– Это считать надо.

– Так считай.

Разговор закончился, не успев начаться – зашел пацан с автоматом, пошептал на ухо смотряге. Тот взглянул на меня совсем по-другому – с уважением и страхом.

– Тебя люди Бесо Большого ищут.

Понятия не имею, что ему от меня надо. Но и показывать это нельзя.

– Где они?

– Витя проводит...

Бесо, смотрящий здешний, то есть смотрящий по всему анклаву, расположился очень правильно – в трехэтажном дворце канашского отделения Сбербанка, прямо рядом с вокзалом. Все правильно – и здание укрепленное, и отстреливаться на все стороны можно, и торг рядом. Около здания попеременно стояли джипы, БРДМ и БТРы, чуть дальше дымил паровоз. Это самодельная электростанция, паровоз явно с резерва взяли.

А вон стоит – целый «Мерседес Гелендваген», да не один. Это машины Бесо.

Бесо я лично не знал, но про него слышал, как и про других выживших законников – на Нижнем много о нем говорили. Говорили, что он бывший борец, в молодости один раз от десятка торпед отмахался, которые пришли его изнасиловать, а одному голову оторвал. Принадлежал к группе Деда

Хасана. Еще говорили, что он сильно ненавидит мусульман – потому что у него брат ислам принял, поехал куда-то на джихад и погиб. Говорили, что за это Бесо нашел проповедника, который заставил его брата принять ислам, и сбросил его с крыши шестнадцатизэтажного дома, а перед этим заставил смотреть, как сбрасывают его жену, родителей и детей.

Короче, не тот человек, которого с легкими сердцем в гости пригласишь.

Рядом с бывшим Сбербанком, огороженным новым забором, тусовались торпеды, я машинально определил, что автоматы у них наши, новоделы. Понятно, в Нижнем и купили. Ясный перец, мы не знаем, кому в конечном итоге наши автоматы в руки попадают, и понятно, что часть попадает к блатным.

Но все равно неприятно.

«Паджеро» провожатых зашел первым. Мы остались на внешнем периметре – внутрь вообще лучше не соваться.

– Предел внимания всем! – сказал я, потому что больше сказать было нечего.

И пошел внутрь.

Внутри было стерильно чисто. По нашим временам, просто удивительно, как чисто. Видать, Бесо вор старой закалки, они и камеру требуют с мылом мыть...

Братва тут. На меня посматривают... нехорошо, но все же без особой агрессии. Скажет Бесо кинуться – они кинутся. А так я для них барыга. Существо второго сорта, которое должно жить и платить.

Точнее, платить и жить...

Бесо сидел в кабинете начальника отделения банка, пил чай. Рядом с ним какой-то парнишка был, он тут же подхватился и вышел.

– Доброго здоровья, – сказал я.

Воровское приветствие я знаю – но не скажу.

– Как гонят? – спросил Бесо, прихлебывая чай.

– Старшой. Иногда Кабаном.

– Старшой... с Ижевска?

– С него.

– Нехорошо там живете... без понятий.

– Как есть.

Бесо прищурился.

– За инфу что дашь?

- Смотря какую.
- Сейчас узнаешь.

Бесо что-то крикнул по-грузински... плохо, кстати, что язык не знаю, может, он крикнул мочилово начинать. Подбежал парень, Бесо ему что-то начал говорить, тот отвечал по-грузински: «Хо, батано!» Потом убежал.

– Племяш мой внучатый, – прокомментировал Бесо, – дельный парнишка. Компьютер знает, да. Мы ему рабочий нашли, он учет сам ведет, в делах порядок.

Я вежливо кивнул. Мог бы спросить – а как же закон, по которому вор не должен иметь семьи, – но не спросил. Ни к чему это.

– Что за инфа?

– Сейчас, Давид распечатает, узнаешь. Он у меня умный малый, все записывает, да.

Вернулся парнишка. В руке у него был лист бумаги, дурной, желтый, распечатанный на матричном принтере. Давид протянул его Бесо, тот показал глазами на меня – и парень протянул листок мне.

Я посмотрел на листок и почувствовал, как внутри становится холодно... где-то в животе.

Полковник Рамиль Ягафаров.

– И что?

– Давид, скажи ему.

– Этот полковник, – Давид довольно чисто заговорил по-русски, – постоянно в Зеленем Доле бывает, но сейчас там его нет. А так он под Москвой, договаривается с бывшими суперами, людей под себя собирает. Разных людей – мусоров, бандитов. В основном мусоров. Под ним уже больше тысячи человек, все со стволами. И с военными он начал договариваться. И с суперами уже договорился...

Бесо что-то резко сказал по-грузински, и Давид замолчал.

– Если хочешь знать то, что знаем про этого полковника мы, дай нам то, что нужно нам. Слова стоят денег.

Я прищурился.

– Не вопрос, договоримся. Только, Бесо...

– Полковник мешает тебе не меньше, чем нам, так?

Бесо поцокал языком.

– Не совсем. И знаешь, почему?

– Полкан этот – он гнилой, да. Тварь конченная. Но он правильной жизнью живет, воровской ход уважает. А вы?

Бесо зло посмотрел на меня.

– Вы же коммунисты, сучня, вы за красное глотки рвете. Я живу так: лох – он и есть лох, баран – он и есть баран, мужик – он и есть мужик. Лох на то и есть, чтобы его кидать, мужик на то и есть, чтобы его запрягать. А вор на то и есть, чтобы воровским жить. А вы воровской жизни ходу не даете, мало того, что у себя – так и к соседям идете, там понятия свои красные устанавливаете. Ягафаров не наш и никогда нашим не будет, но с ним проблема легко решается. Завалить его – и вся его кодла либо разбежится, либо под нас, под воров, пойдет. А вы порядок красный устанавливаете. Ты думаешь, мы не знаем, сколько вы братвы в пермских и вятских лагерях на ноль помножили?

– Зачем же тогда мне Ягафарова сдаешь?

Бесо зло улыбнулся.

– А затем, дорогой, что кто бы из вас другого ни грохнул – воровскому все равно свободней ход будет. Понял? Ну и заработаю немного, да? Чтобы Давид дальше говорил – сколько патронов дашь?

– Бесо, а ты никогда не задумывался над одним таким вопросом. Вот есть воровское. И есть людское. По понятиям, вор должен за счет людского жить, так? На людях кормиться?

– А если людей не будет, где вы жрать будете? Вы ведь даже зерно в землю не уроните...

Хотите верьте, хотите нет – но из-за такого неоднозначного базара с Бесо с меня не только не взяли за переход совсем ничего, но и вернули те сто патронов, которые мы дали, чтобы сюда зайти. Понятно, что Канаш под несколькими группировками – но Бесо явно в большом авторитете. Это не Двор какой-то, что в розовом доме сидит – бывший ДК. И крутых из себя строят.

Но теперь нам надо было пройти через Зеленый Дол.

А там ваххабиты и местные стремящиеся, ломом подпоясанные.

Татары, кстати, не фанатики, среди них по-настоящему фанатичных, упертых людей очень мало. Соблюдающих, кстати, тоже мало – они и водку пьют, и свинину едят, и собак держат. Если вы с татариним решите друг друга нае... – девять шансов из десяти, что в дураках окажетесь именно вы. Татар сильно ненавидят башкиры, причем объясняют это так – татары хитрые, а мы простодушные, потому все время проигрываем. В Узбекистане татар называют просто – нация начальников.

Проблем тут было две.

Первая связана как раз с богатством Татарстана. Татарстан относится к числу богатых регионов, и сто двадцать семь тысяч за хадж здесь не проблема ни для кого, мусульманин должен съездить в хадж как минимум раз в жизни – а здесь немало людей, которые за месяц больше имеют и могут хоть каждый год ездить. Там, на хадже, к ним подкатывают разные люди... есть ваххабиты, есть васатисты, есть хизб-ут-тахрировцы. Есть саудовская разведка, за которой стоят американцы. Цель обычная – замешать во что-то, сделать агентом, создать предпосылки для вооруженного конфликта в центре России. А вы думали, нам за Сирию мстить не будут? Или за Украину?

И вот глава администрации района возвращается с хаджа, покупает всем жителям за счет района спутниковые тарелки, и начинают все учить арабский язык, чтобы смотреть Аль-Джазиру^[54]. Это вопиющий случай, гораздо больше таких, кто начинает перечислять деньги в фонды. Часто большие деньги. Все они идут на джихад.

И вторая проблема – это отцы и дети. Отцы заработали большие деньги – но при этом упустили детей. И вот дочь перестает ходить в клубы и надевает паранджу, закрывается, то есть, сын продает свой «БМВ», деньги перечисляет неизвестно куда, вместо мечети начинает ходить на какую-то квартиру молиться, а потом приходит к отцу и бросает ему в лицо – ты мунафик и бидаатчик^[55]. Все это потому, что детей не воспитывали, бросили на жену или на родителей, а у тех свои проблемы. Но от этого не легче. Ну и... сто лет назад это было уже. Раньше отрок поджигал фабрику папеньки и уходил в эсеры – а сейчас уходят на джихад, вот и вся разница.

На низах социальной лестницы свои проблемы: ислам – один из способов подняться, религией часто прикрываются рэкетиры. Есть зависть к кавказцам, какие они крутые и всех имеют, – и вот татарский паренек начинает учить лезгинку, которую в Татарстане никто и никогда не танцевал, и ищет в соцсетях друзей с Кавказа – «мы же все мусульмане». Кончается это обычно очень и очень плохо.

А вот сейчас, когда все стало можно, те, кто выжил, и начали все это творить. Сбились в такие же джамааты, только вместо уголовного закона – шариат. Рубят руки, ноги, головы. Благо – хуДД, или практика исламских наказаний, в Набчелнах преподавался.

Короче, по мосту идти было нельзя – только переправа. Однако и переправлять машины тоже было нельзя – с той стороны не вернешься, если что не так пойдет.

Но выход есть всегда...

Я стоял на пароме, который переправлял людей и грузы с того берега на этот, а рядом со мной стоял Равиль. Тот самый, что пришел к нам с казанской школки. Да, и он тоже выжил и теперь с нами...

На той стороне стояли ваххабиты. Они сами такого названия не любят, говорят – соблюдающие. Их можно было узнать по подвернутым до середины голени штанам (чтобы шайтаны не цеплялись) и бородищам без усов. Так написано в Коране – сбривайте усы и позволяйте бороде расти, а один знающий человек сказал мне – это было написано потому, что крестоносцы, вторгшиеся на Восток, носили усы и не носили бороды – и для того, чтобы с одного взгляда отличать своих от чужих, пророк Мухаммед и написал делать строго наоборот.

Разумно, надо сказать.

Еще они не носят трусы – потому что ансары Пророка тоже не носили, хотя, понятно, сейчас это не видно. А вот автоматы Калашникова они носят – хотя ансары Пророка их не носили. Еще они употребляют наркотики, потому что в Коране о запрете наркотиков ничего не сказано.

Как я отношусь к мусульманам? На удивление ровно, хотя моя религия, религия Христа, конечно же, предпочтительнее для меня. Как-то раз я прочитал, как ансары Пророка Мухаммеда спросили его, можно ли иметь половые сношения с рабынями? И если можно, то какие именно. Представьте себе, что один из апостолов обратился к Спасителю с подобным вопросом? Но это их дело, во что верить, пока они не пытаются навязать свою веру мне или другим христианам. Как сказано в Коране, у вас своя религия, а у меня своя.

Боевики все ближе. Наматывается на бобину стальной трос, курит, сбрасывая пепел в воду, паромщик...

– Глаз один, плюс. Пять духов, по фронту от тебя.

– Глаз два, занял позицию. Вижу цели.

Глаз два – разведгруппа, три снайпера, автоматчик и пулеметчик. Они переправились дальше по течению и сейчас вышли к позиции, выбранной по данным, полученным с беспилотника.

– Глаз три, всем, пять духов, по фронту от тебя. Один в здании, на пятнадцать, примерно триста. Кто – не вижу.

Это их прикрытие.

– Птаха, работать только по команде или в ответ. Условно – три, повторяю – три. Режим молчания...

Хреново тут – со спины блатные, впереди вахи. И не надо думать, что блатные при случае помогут – они, наоборот, поднастрять могут. Сейчас

какой-нибудь наркот стрелять начнет – и что делать?

Духи все ближе. Паром мягко касается берега, тут – скрытого. Я замечаю у одного из духов повязку, на ней белым грубо выписано. Я знаю, что – бей и режь отступников веры. Значит, и в зоне отметились...

Один за другим мы спрыгиваем с парома на берег.

– Ас саляму алейкум...

Молчание. Потом один отвечает:

– Ва алейкум.

Равиль качает головой:

– Ты ничего про меня не знаешь, но отвечаешь мне как неверному. Кто учил тебя религии Аллаха? Кто учил тебя отвечать так старшим, ведь я старше тебя?

– Ты не правоверный. Ты мунафик, лицемер. Сказано – а тот, кто берет друзей из кафилов, тот и сам из них. Не говори мне про Аллаха Всевышнего, или, клянусь Аллахом, я убью тебя.

Да... тяжелый случай.

Который становится еще тяжелее, если посмотреть вон на тот винтай у того, что справа. G3 с подствольным гранатометом, но не германская, а турецкая, у нее магазины прозрачные и с приспособами для сцепки, как на швейцарских. Значит, те, кто имеет возможность брать оружие из Турции, добрались и сюда.

Ислам, если так подумать, отличная религия для нынешних дней, ничуть не худшая, чем иудаизм. Четкое деление на своих и чужих. С чужими можно делать все что угодно, жизнь неверного разрешена и имущество неверного разрешено. Она лучше иудаизма, потому что иудаизм замкнут на богоизбранном народе, в котором можно только родиться, а муслимом, мусульманином можно стать. И становятся. Вот эти пятеро: трое, скорее всего, русские, один даже блондин. Они выбрали свой путь. Но он – не для меня, я – христианин.

– Если ты не хочешь говорить с моим братом, – сказал я, – может, ты поговоришь со мной?

Амир джамаата, точнее, не джамаата даже, а пятерки, молодой и гордый своим статусом, с сомнением посмотрел на меня.

– Он твой брат? Ты тоже скажешь, что ты мусульманин?

– Нет, я христианин. Я почитаю пророка Ису^[56].

– Тогда как же он может быть тебе братом, если у вас разные религии?

– В наши нелегкие времена, когда люди стали зверьми, а мертвые ходят как живые, трудно найти кого-то, кому можно доверять. Мы с Равилем знаем друг друга уже почти сорок лет, и он как брат мне, а я как

брат ему.

– Зачем ты пришел с того берега, неверный?

– Затем, что я хочу переправиться на этот берег. Затем, что я хочу вести торговлю, и для этого мне нужен мост. Вспомни, что сказал сам про себя пророк Мухаммед саяху алейхи уассалям. Он сказал – я торговец...

И тут я кое-что вспомнил...

Визитка!

Я достал визитку – простой клочок бумаги с несколькими написанными на ней словами по-чеченски, которую я получил в Ульяновске, – и протянул молодому боевику.

– Прочти это, а если не можешь, то найди того, кто сможет прочесть.

Молодой боевик посмотрел на бумажку, затем протянул ее тому белобрысому. Тот, видимо, прочел, передал амиру ее смысл – глаза амира расширились от изумления.

– Ты можешь проехать, – сказал он, – хоть ты и кафир.

– Что там было написано? – сказал Равиль, когда наш поезд осторожно сполз с моста. Мы ни в чем не были уверены и потому переправились по воде на пароме, чтобы снова сесть на поезд. Из теплушки тревожно мычала корова.

Что написано... интересный вопрос.

Кавказ был издавна вовлечен в систему суфийских орденов, которые имеют свои корни на Ближнем Востоке, но распространяют свое действие на Кавказ, на Среднюю Азию – но не на Поволжье, которое издревле развивалось довольно обособленно. Возможно, туда суфии просто не дошли. Главные ордена – Накшбандия и Кадирия. В них есть основанные на исламе мистические практики, но главное – есть иерархия. Ислам ведь запрещает выстраивать иерархию, мулла – это тот, кто читает Коран. Не придавайте Аллаху сотоварища – так написано. Здесь же есть шейхи, есть их ученики и последователи, есть тайное знание. Они выжили, сохранили иерархию – сейчас она стала даже более важной, потому что никакой другой просто не осталось. И ордена давно мечтали о том, чтобы проникнуть дальше, в глубь России, совсем не просто так в Поволжье открывались медресе.

Похоже, что все-таки проникли.

1

Технико-экономическое обоснование.

Исходник при производстве гильз.

3

Уменьшенной скорости – то есть под глушитель.

4

Тягачи фур.

В Кирове есть оружейный завод, там действительно делается «Гюрза». К описываемому периоду там освоили еще и ППС под 9 мм, а также дешевые револьверы.

Коллиматор, вологодского производства. До «Эотек» не дотягивает, к сожалению.

Тартак. Мой рыцарский крест.

У чеченцев город один – Грозный. Если говорят просто «город» – это Грозный.

Маджлисы – собрания верующих в мечетях для решения текущих вопросов. Устазы – святые люди, шейхи, духовные учителя. Бидаатчики – те, кто вносит в ислам нововведения, что строго запрещено.

213 УК РФ – хулиганство. 158 ч. 2 – кража с отягчающими (группой лиц по предварительному сговору, скорее всего). Короновать – сделать вором в законе.

Гайдамак – одно из названий беспредельщика.

Название это пошло потому, что в самом начале существования полка его внутренняя безопасность использовала передвижной фургон метеослужбы.

Линия фронта.

Вышкил – одно из базовых понятий бандеровщины, подготовка к боевым действиям с длительным полевым выходом.

Проводник – глава Провода, высшего совета организации. Боивка – боевая единица. Боивки бывают разные по численности – гурт, чета.

Кацапы – русские, днари – ДНР.

Это не выдумки автора, опытные образцы испытывались в Швейцарии под еще более мощный 35-мм «Эрликон» и в США – под снаряд 30 мм от пушки штурмовика A10. Комбинация серьезного ДТК и длинного отката ствола (возможно, и с гидротормозом) позволяет создать пушку для стрельбы с рук.

Однёрка – выражение, свойственное только Удмуртии, нигде больше автор его не слышал. Означает «единица» или «первый». Говорят, что впервые так стали называть трамвай первого маршрута в Ижевске.

Мероприятие по аудиоконтролю помещения.

Камуфляж старого образца.

Рецепт кулеша во многом повторяет плов, только в него входит сало и вместо риса – пшено.

Орден Мужества на сленге.

Это из анекдота, когда молодой грузин продал подаренный отцом пистолет и купил часы. Отец сказал: «Придет враг, дом заберет, жену заберет, а ты что ему скажешь? Полшестого?»

На Украине до Катастрофы началось производство некоторых исторических стволов, таких как ППД и МР40 под брендом «Автоматик».

Титуханил – то есть был титушкой. Титушка (происходит от фамилии некоего В. Титушко, спортсмена из Белой Церкви, в 2013 году на камеру ударившего журналистку во время разгона митинга оппозиции в Киеве) – спортсмен, за деньги участвующий в силовых акциях с политическим смыслом. Титушек в Украине, несмотря на общественное презрение, все больше и больше.

Фамилия подлинная.

Это первый случай, когда команда-чемпион была не из республиканского, а из областного центра.

Самовар – примитивная и опасная перегонная установка, дающая в лучшем случае 72-й бензин. Для самоваров нужна легкая малосернистая нефть, как в Чечне.

Один из видов искусственного утеплителя для одежды.

Луганск был единственным, кто выпускал бронебойные 7Н10.

Это так и есть. Автор еще помнит, как в Агрызе не по две минуты стояли, а по сорок. Когда шли на Москву.

На железнодорожном сленге так называют магистральные локомотивы.

Это на самом деле было. В любом другом месте его зарезали бы после первого же выступления на эту тему.

Туххум – группа тейпов, в просторечье – спина. Общества – это вирты, тайные суфийские общества, имеющие свои религиозные практики, не отрицающие, но дополняющие суннизм. Самые распространенные общества – накшбандия и кадирия. Кстати, салафиты выступают резко против обществ и ведут с ними войну, утверждая, что ислам един и создавать общества – само по себе цирк.

Камуфляж ОМОНа в первую чеченскую.

С курами были проблемы, потому что куры обращались и не все их держали. Хотя курица, даже обращенная, почти не опасна – она кусаться не может. А гуси и утки – нет.

Ижевск уникален тем, что до 1919 года не имел статуса города, при этом в нем жило больше народа, чем в областном центре (Вятке). Причина была в том, что правительство опасалось городских веяний с большевиками и эсэрами в месте, где производилось оружие. Факт и то, что Ижевск не поддержал большевиков и начал восстание, причем еще до подхода белых. Жившие в городе – и крестьяне, и мастера – отнеслись к большевикам резко отрицательно.

Г. Бобров. «Оглашение Крама».

Не все так однозначно – Россия все же немало помогла, это факт. Второй факт в том, что в 1991 году на референдуме за независимость Украины высказались 83 % луганчан. Никто их не подкупал и не заставлял. Происходящее сейчас – итог того выбора.

Специфический термин, означает, что молодого человека обвинят в ваххабизме и будут требовать у родственников денег, чтобы отмазать. Причем нередко обвиненный без вины парень, попавший с ваххабитами в одну камеру, озлобляется и на самом деле становится ваххабитом.

Цены на Китай и на упомянутые брендовые прицелы отличаются на порядок.

Полмиллиона долларов США.

Речь про дважды Героя Соц. Труда И. Ф. Белобородова. Под его руководством «Ижмаш» превратился в мощный многопрофильный холдинг, входивший в десятку крупнейших предприятий СССР. На восьми основных производствах производилось все, от стального листа – и до автомобилей и управляемых снарядов.

Населенный пункт или стоянка в горах, где селятся жители только одного населенного пункта на равнине. Его используют летом, чтобы пасти стада в горах.

Ты чеченец? Как твое имя?

Гурт – боевая единица бандеровцев.

Смертники Исламского государства.

Специальная огневая группа – сейчас это нештатное подразделение в каждом РОВД на случай больших неприятностей.

Флаг Удмуртии действительно немного походит на бандеровский черно-красный флаг.

Группы поиска, или передовые группы – организованные мародерские группы, которые вывозили все, что можно и что имело ценность, из Казани. Относительно Казани было принято решение бросить город ввиду его размеров и чрезвычайной опасности, уцелевшие жители со всего Татарстана стягивались в район Набережных Челнов – Нефтекамска – Нижнекамска – Альметьевска, где организовывался большой жилой и производственный анклав.

Особо опасный рецидивист.

Реальный случай.

Куда подходите – то есть к какой территориальной группе относитесь. Кто автор – кто лидер твоей бандитской семьи. Семья – минимальная бандитская ячейка, от трех до примерно 10 человек. Тот, кто ее собрал – и есть автор. Чаще всего люди с одного двора, или учебки, или ПТУ, или места работы.

Реальный случай.

Лицемер и тот, кто искажает учение Пророка.

Иисус Христос.